

Человек, печальный свидетель потопа...

1864 год... Четверть века, к неопишуемому ужасу не только европейца-обывателя, но даже ученого, продолжается атака па святая святых: привычные представления о происхождении человека. Француз Эдуард Лартэ, основатель и глава новой науки - палеонтологии человека, развернул раскопки грота Ла-Мадлен, расположенного в долине реки Везеры, в Дордони. Многие среди находок, которые извлекли рабочие :и глинистой толщи, уже знакомо: кости диковинных животных, камни со следами симметрично расположенных сколов, рога северного оленя с нарезками, сделанными острым инструментом.

Но то, что лежит у него на ладони, заставило онеметь от неожиданности. Да полно, наяву ли вес происходит? А может быть, это сказочный сон или галлюцинация? Во всю длину и ширину крупной пластины, отщепленной от бивня, видны уверенно прочерченные плавные линии, складывающиеся в рисунок. Осторожно, словно опасаясь, что загадочное видение исчезнет, Лартэ очистил поверхность кости от прилипших кусочков желтой глины. Появились новые штрихи и полосы...

На желтоватой и гладкой, как бы намеренно отполированной поверхности обломка старого бивня проглянула очерченная скупыми штрихами фигура одного из самых гигантских животных Земли - слона! Все в этой находке, начиная от сюжета рисунка и кончая манерой исполнения, поражало Лартэ. Его суровое лицо с упрямо поджатыми губами и глубоко запавшими глазами, прикрытыми стеклами пенсне, стало еще более сосредоточенным. Забыв про все на свете, он разглядывал пластину с необыкновенной гравюрой.

А задуматься было над чем. Эдуард Лартэ держал в руках уникальную находку - новое подтверждение идеи о глубокой древности рода человеческого. Впрочем он ни на йоту не сомневался в справедливости этой идеи - предмета ожесточенных споров последних десятилетий. Он знал, что камни со следами сколов не что иное, как орудия первобытного человека, а обломки костей животных, в изобилии рассыпанные на месте становищ, чаще всего в пещерах, - остатки его трапез. Когда пировали наши предки в гроте Ла-Мадлен, рассказывают кости носорогов, слонов, бизонов, лошадей - животных, которые теперь не встречаются во Франции. Как же давно это было, если следы жизни древних покрылись многометровой толщей глины, а звери, некогда бродившие по долине Безеры, успели исчезнуть навсегда!

Правда, подобные рассуждения убеждают далеко не всех. Но что скажут противники теперь, когда он, Эдуард Лартэ, предъявит пластину из бивня с рисунком слона? Это не грубый каменный нож, который для непосвященного выглядит простым обломком камня, неотличимого от тысяч других, рассыпанных у подножий скал, и не кость, лишенная плоти и составляющая малую частицу скелета неизвестного животного. Гравюра па пластине - подлинное произведение искусства. Животное выписано не статично. Оно готово к нападению: тяжелая туша подалась вперед, хвост угрожающе поднялся вверх, круто загнутые бивни готовы сокрушить невидимого врага. Упрямо склоненная лобастая голова и взбурившаяся спина подтверждают напряжение и ярость слона. Даже глаз с морщинками кожи под ним, кажется, смотрит подозрительно и настороженно, выжидая удобный момент атаки. Изобразить такое под силу только внимательному наблюдателю и тонкому знатоку повадок слонов. Ни о какой подделке не могло быть и речи. Да и кому из фальсификаторов придет в голову мысль, что человек эпохи слонов умел рисовать.

В который раз рассматривая рисунок, Лартэ обратил внимание на линии, опускающиеся параллельно друг другу от груди и живота. По-видимому, художник-гравер условно обозначил шерсть, покрывающую тело слона. Тогда на пластинке изображен совершенно определенный вид слона - мамонт, который жил в Европе, когда на ее территории установилось сильное похолодание. Недаром же рисунок выгравирован па пластине, отщепленной от бивня мамонта!

Итак, человек каменного века, будто зная, что пройдут тысячелетия и далекие потомки затеют спор о его существовании, оставил в пещере Ла-Мадлен своеобразную визитную карточку, подтверждающую правоту тех, кто верил в глубокую древность человеческого рода.

Открытие Эдуарда Лартэ, одно из ярких, но далеко не единственное подтверждение древности появления человека на Земле, несмотря на свою необычайную доказательность, к сожалению, не стало решающим. Слишком уж неожиданным оказалось само явление первобытного искусства. Но разве не тот же злосчастный скептицизм ставил под сомнение другие открытия исследователей на пути к познанию истины, какой бы крамольной ни казалась она на первый взгляд?

Когда говорят об изучении древнейших культур каменного века, обычно вспоминают французских и английских исследователей Буше де Перта, Джона Эванса, Эдуарда Лартэ, Габриэля де Мортилье. Их заслуги в становлении раздела археологии, изучающего самого раннего человека, не подлежат сомнению. Сквозь насмешки и издевательства, скептицизм и недоверие ученых-ортодоксов пронесли они веру в существование культуры «человека, печального свидетеля потопа», современника вымерших гигантских слонов, носорогов, бегемотов и древних лошадей. Жизнь Буше де Перта, Джона Эванса, Эдуарда Лартэ, Габриэля де Мортилье полна драматической борьбы с противниками и волнующих открытий, не оставивших камня на камне от библейской легенды о сотворении человека господом богом по своему образу и подобию.

Сейчас трудно представить время, когда абсурдной считалась мысль о существовании человека более 6 тысяч лет назад; тогда, согласно библии, произошел всемирный потоп и старец Ной, построив по божественному наущению свой знаменитый ковчег, отправился в спасительное странствие по безбрежному океану, захлестнувшему Землю. Достаточно, однако, вспомнить первые десятилетия XIX века и муки одного из великих французских археологов, Буше де Перта, родоначальника раздела науки, связанного с древнейшими этапами истории человечества, чтобы понять, насколько трудно было закладывать фундамент того, что теперь считается очевидным и даже банальным. В 1836 году Жак де Креверкер (или, как он просил себя называть, Буше де Перт), душа светских компаний, таможенный чиновник Наполеона Бонапарта и поклонник его сестры, красавицы Полины, неожиданно страстно увлекся поисками доказательств глубокой древности человека, покинул столицу и переселился в Абbevиль, где стал директором таможенного бюро, а несколько позднее занял пост председателя Абbevильского общества естествоиспытателей. Одаренность всегда многогранна: он сочинял стихи и писал романы, увлекался политикой. Исследователь с головой уходит в поиски костей древнейших животных и «обколотых камней», которые, как он уверяет, оставлены тысячелетия назад «допотопным человеком». Буше де Перт разворачивает систематические археологические поиски. В 1838 году он находит в древнейших отложениях вместе с костями вымерших животных первые каменные топоры, рубила. А в 40-е годы выступает с публикациями, которые буквально ошеломили публику и шокировали ученый мир.

Что это - нахальство невежды или откровенное хулиганство и богохульство тронувшегося умом таможенника?

Парижские академики подвергали язвительным насмешкам чудака, «еретика и скандалиста» из Абbevилья, осмелившегося вопреки библии упрямо твердить, что человек, последнее и самое совершенное творение господина, жил до великого потопа вместе с мамонтом и носорогом, бегемотом и слоном. Ведь сам Кювье (есть ли в естествознании авторитет выше!) доказал, что мамонт был уничтожен потопом, последней из грандиознейших на Земле катастроф, а человек появился позднее.

Однако упрямец де Перт продолжал свое дело. Он написал книгу «О кельтских допотопных древностях», где на основании известных находок доказывал свою правоту, и послал свой труд в Академию наук. Там его встретили равнодушно. Де Перт предложил собранные коллекции Парижскому музею, а затем академии, но те отвергли его

великодушный дар. Враги археолога из Аббевиля воздвигли на его пути «самое страшное препятствие - молчание»!

Но, к удивлению академиков, несмотря на их уничтожающую язвительность и демонстративное пренебрежение, происходит нечто странное и необъяснимое: у Буше де Перта находятся сторонники не менее фанатичные и последовательные, чем он сам. Что заставляет бельгийского философа Шмерлинга изо дня в день спускаться в глубокие холодные пещеры, ползать по узким скользким галереям и при свете коптящих факелов копаться в грязи, выискивая невесть как попавшие туда кости? Неужели все это делается только для того, чтобы написать два толстых тома с доказательствами одновременности существования предков человека и вымерших, «угасших четвероногих», сочинение, не замечаемое «серьезными учеными» в течение четверти века?! Первыми сдались геологи. 26 апреля 1858 года англичане Лайель, Фальконер, Эванс, Флауэр посетили Аббевиля и убедились в правильности выводов Буше де Перта. К тому же заключению пришли затем Престович и Леббок, Лайель оценил наконец по достоинству труды Шмерлинга. Одна за другой выходят книги, и в них на основании геологических и палеонтологических данных доказывается глубокая древность человеческого рода, насчитывающего десятки тысячелетий.

Наконец, в 1861 году Эдуард Лартэ, основываясь на полученных им при раскопках пещер Франции материалах, предлагает первую периодизацию первобытного общества. Он разделяет его на четыре больших периода: век зубра и первобытного быка, век мамонта и носорога, век северного оленя и век пещерного медведя. В следующем, 1862 году Леббок предложил ранний период каменного века, для которого характерны оббитые орудия, называть палеолитом, древнекаменным веком, а время, когда появляются шлифованные каменные орудия и глиняная посуда, - неолитом, новокаменным веком.

В конце 60-х годов вышли из печати великолепные работы Габриэля де Мортилье. На основании техники обработки каменных орудий он выделил «ориньякский» слой, «солотрейский» и «мадленский» типы, характеризующие культуры палеолитического человека, существовавшие на территории Европы 40-12 тысяч лет назад. Еще более древние слои с «ручными топорамл», оббитыми с двух сторон, и массивными скреблами получили название шелль, ашель и мустье. Возраст наиболее древних культур достигал полумиллиона лет!

Это не значит, однако, что величие подвига Буше де Перта признали все. Особенно долго сопротивляется «официальная» наука. Не случайно поэтому, когда в 1875 году Виктор Мэнье написал книгу о жизни «чудака из Аббевиля», власти долго препятствовали ее выходу в свет. А невежественные родственники и наследники великого археолога безжалостно сожгли его книги и рукописи...

И сегодня не каждый задумывается над тем, что было время, продолжавшееся достаточно долго, когда не было человека на Земле. В подобном утверждении нет ничего парадоксального или удивительного. Возраст древнейшего человека на Земле составляет около полутора миллионов лет, и, следовательно, был такой период истории нашей планеты, когда по ней вообще не ступала нога человека. А его предки, не подозревая о «предначертанной» им самой природой великой роли, беспечно резвились на вечнозеленых деревьях, с опаской поглядывая на загадочную, полную неожиданностей и опасностей землю.

Какие причины заставили «первых колумбов» открыть и освоить бескрайние пространства Земли? Что за силы увлекли их из роскошных тропиков на холодный север с его неприветливой тайгой? Новые охотничьи угодья? Страсть к бродяжничеству и приключениям? Просто желание посмотреть, что там, за очередным поворотом реки? Земля хранит бесценные свидетельства, которые приоткрыли завесу над замечательными по значимости событиями и величественными подвигами, связанными с древнейшим человеком, нашим предком.

Воображение привыкло рисовать его жалким дикарем, троглодитом - пещерным жителем. Но ведь именно ему, первобытному человеку, выпало на долю невероятно трудное - первым «путешественником» и «географом» шагать по Земле, открывая самые отдаленные и труднодоступные ее уголки. Это он за 40-50 тысяч лет до Колумба сумел пересечь из конца в конец Сибирь, форсировать Берингов пролив и открыть Новый Свет, Америку. Это он первым начал осваивать богатства Земли, когда с успехом охотился на слонов, мамонтов и носорогов, бизонов, северных оленей, песцов и зайцев, научился выискивать подходящее для изготовления каменных орудий и украшений сырье - кремьень и кварцит, кварц и нефрит, халцедон и агальматолит. Древний человек победил жестокий холод, когда не только освоил огонь, но и с гениальностью прирожденного архитектора научился строить из дерева, костей мамонта и каменных плит хорошо приспособленные для условий севера дома. «Разработанный» закройщиками и портными каменного века меховой комбинезон, плотно охватывающий тело, предохранял его от самой лютой стужи.

Тяжелую борьбу за жизнь вели люди древнекаменного века. Она отнимала большую часть времени и энергии, изнуряла, подавляла и временами, очевидно, вызвала отчаяние и приводила к гибели. Однако это не значит, что первые покорители Земли заботились только о «хлебе насущном». Они оставили после себя волнующие и удивительные по силе образцы искусства - наскальную живопись, скульптуру, украшения. Творческий гений первобытных людей красноречивее любых слов свидетельствует, как давно не «хлебом единым» жив человек. Искусство первых людей - не только призыв, обращенный к таинственным духам природы, и мольба о защите от несчастий и бед. Оно - показатель сложности духовного и интеллектуального мира, многосторонних способностей и талантов первобытных охотников.

Первым всегда трудно, но быть первым сотни тысяч лет назад - можно ли представить меру тяжести, обрушившуюся на плечи человека? Он выдержал ее и потому заслуживает не жалости и снисхождения, а безграничного восхищения и удивления.

Трудно сказать, какие из черт, особенно привлекательные в современном человеке, зародились в те далекие времена. Частицы железного характера и бесстрашия

космонавта, когда он вырывается в просторы вселенной; тонкость, изящество и пронизательность ума физика, анализирующего основы мироздания; одухотворенность лирика, художника и поэта - разве не перешло все это к нашим современникам через многие поколения от тех, кто «штурмовал» Землю, открывал тайгу Сибири и пустыни Монголии, саванны Африки и высоты Памира? Прежде чем завоевать небо, надо было освоить планету. Поэтому так интересно попытаться взглянуть сквозь мглу тысячелетий на самых древних покорителей Земли.

Задача увлекательно рассказать о них полна трудностей. Слишком велика дистанция времени, слишком мало оставили века и тысячелетия от ушедшей в безвозвратное прошлое жизни. Земля обычно хранит только поражающие человека XX века грубые каменные орудия, костяные инструменты да кухонные отбросы того времени. Здесь нет броских, ослепляющих блеском и вычурностью ювелирных украшений бронзового века, эффектных образцов орудий и оружия, разнообразных, иногда неожиданных, предметов быта, гробниц и склепов, наполненных золотом и всевозможной утварью. Напрасно искать даже в самых древних из сохранившихся летописей рассказы о первых «землепроходцах», об их вождях и предводителях, о мирном труде и военных столкновениях - люди забыли их предания и легенды, сказания и сказки. Сохранилось лишь немного, что не смогло уничтожить время.

Находки археологов, занимающихся древнекаменным веком - палеолитом, удивляют на первый взгляд примитивностью. Что, кажется, интересного можно увидеть в изделиях, причастность которых к первобытному человеку и его культуре нужно зачастую доказывать «непосвященным»? Тем не менее даже простой обломок камня, сколотый с кремневого желвака, - это целое повествование, которое, однако, надо, во-первых, заметить, во-вторых, суметь прочесть и, наконец, - может быть, самое сложное и трудное - найти в себе смелость рассказать широкому кругу неспециалистов.

Удастся ли это сделать?

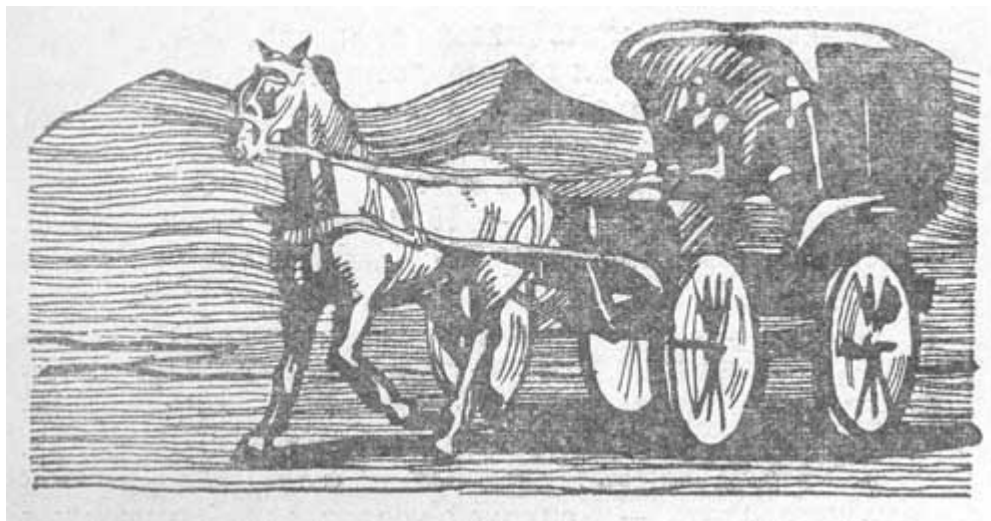
Тема о предках людей многопланова и на удивление обширна. Поэтому следует сразу же ограничить ее определенными «историями». Пожалуй, самые драматические страницы их связаны с поисками родины человечества и «недостающего звена» - обезьяночеловека, связывающего в единую неразрывную цепь мир антропоидных обезьян и людей, покорителей природы. Где только не искали археологи и антропологи начала XX века прародину человека: в Европе и скованной морозами Сибири, жаркой тропической Африке и далекой, таинственной Яве, стране гиббонов, в пустынной каменистой Гоби и поднявшемся к поднебесью Тибете, загадочной, исчезнувшей с лика Земли Лемурии и в Австралии.

Одни ограничивались гипотезами о том, где можно обнаружить следы «допотопного» человека, другие, наиболее решительные и нетерпеливые, отправлялись за тридевять земель на «охоту» за черепами предков. Каждый шаг этих героев полон необычного и загадочного, радостей и лишений, ожесточенных победных дискуссий и поражений.

Те, кто много десятилетий назад впервые взял на себя смелость и риск практически решить одну из самых таинственных загадок природы - происхождение человека, меньше всего думали о призрачной славе, а тем более о чинах и званиях. Ими двигало бескорыстное служение делу и страстное увлечение любимым предметом. Они проложили первые тропинки на пути поиска конкретных сведений о «недостающем звене» - первобытном человеке древнекаменного века, и уже поэтому их имена заслуживают особого уважения и памяти.

В этой книге лишь пять «историй» из множества других, связанных с поисками «предков Адама Несмотря на то, что герои их различны, как разнообразны и места, где им пришлось действовать, каждый рассказ объединяется с другим одной волнующей темой родина человека и древнейшие люди Земли.

История первая. Троглодит из грота Фельдгофер

Открытие, прямо противоречащее совокупности предыдущих исследований, обыкновенно принимается с большим недоверием.

Ч а р л ь з Л а й е л ь

Жарким летним днем 1856 года Беккерсгоф, почтенный житель Дюссельдорфа и владелец одной из каменоломен, расположенных в рейнской долине Неандерталь, отправился по просьбе своего компаньона Пипера проверить, как успешно продвигается работа по ломке известняка. Лето - пора оживления строительной деятельности; камень требуется во многих местах, особенно в ближайших городах Дюссельдорфе и Эльберфельде, и, если хочешь увеличить свой капитал, не поленись лишний раз побывать в каменоломнях и поторопить рабочих.

Вскоре Беккерсгоф неторопливо шагал по живописному дну ущелья с крутыми скалами, покрытыми густым кустарником и деревьями. Сколько ни приходилось ему бывать здесь, он не переставал удивляться суровой и дикой красоте долины реки Дюссель, небольшого притока Рейна.

Как коренной житель Дюссельдорфа, он знал, почему долина реки Дюссель называется так, а не иначе. Всего-то 30 лет прожил ректор латинской школы Дюссельдорфа Иоахим Нойманн, а вот уже скоро два века память о нем живет в народе. Мало того, своим названием это приятное место обязано Нойманну.

Дело в том, что в 1674 - 1678 годах долина была местом прогулок молодого ректора, любившего размышлять в уединении и тишине. Поскольку, следуя моде того времени, Нойманн сменил свою заурядную и широко распространенную фамилию на бесспорно уникальную и латинизированную - Неандер, обыватели Дюссельдорфа в память о нем назвали ущелье Неандерталь, что означает «Долина Неандера».

Что и говорить - неплохой уголок для богоугодных раздумий выбрал в свое время Неандер! Одно удовольствие пройтись здесь после городской сутолоки и дневных бдений

в конторе. Как хорошо, что он, Беккерсгоф, не стал отказываться от предложения Пипера посетить каменоломню и посмотреть, как идет работа.

Прошагав очередной поворот ущелья, Беккерсгоф остановился и с неудовольствием присвистнул: рабочие не ломали известняк, а толпились около отверстия в обрывистом склоне на высоте около 20 метров от дна ущелья и приблизительно на 30 метров ниже вершины. Часть из них находилась, очевидно, в пещере, откуда временами вылетали комья земли и пыль. Хозяин, не теряя времени, поспешил наверх.

Как выяснилось вскоре, тревога его была напрасной. Рабочие не бездельничали. Просто они решили, что удобнее ломать известняк, предварительно расчистив грот, известный под названием Фельдгоферского. Но проникнуть в него оказалось делом нелегким: большую часть пещеры заполняла глина, принесенная водой по 30-метровой трубе-щели сверху, с плато. Работа уже заканчивалась, и рабочие предложили господину Беккерсгофу осмотреть грот. Теперь там можно было выпрямиться во весь рост и спокойно разгуливать: длина пещеры метров пять, а ширина - более трех. По трубе удастся выползти на плато: хозяин может это проверить.

Беккерсгоф, однако, отказался от предложенного эксперимента. К тому же его внимание привлекли кости, которые валялись среди комьев выброшенной глины. Сначала он поднял обломки ребер, затем, потянув за торчащий из глины эпифиз, извлек огромное и массивное бедро. Рабочие помогли найти другие обломки скелета, в том числе тазовую кость, ключицы, фрагменты конечностей. Но наибольшее удивление Беккерсгофа вызвала черепная крышка с частично сохранившимися глазницами, и переносом. Очень уж велик, тяжел, массивен и груб был этот обломок черепа. Чего стоят эти выступы - гребни над глазницами?

Перед рабочими нехорошо показывать свои сомнения. Поэтому, когда один из них поинтересовался, кости какого животного выброшены из Фельдгоферского грота, Беккерсгоф уверенно ответил: медведя. Впрочем, кого же еще, если они такие огромные и грубые?

Находка как нельзя кстати! Беккерсгоф слышал от компаньона Пипера, что кто-то из его знакомых в ученом мире давно желает получить полный скелет медведя. Он знал, что при добыче известняка в Неаидертале иногда встречаются кости вымерших животных, и поэтому просил Пипера сообщить, если попадутся кости медведя. Л тот, в свою очередь, попросил его, Беккерсгофа. Есть теперь чем порадовать Пипера: и работа, слава богу, подвигается успешно, и скелет медведя найден! Беккерсгоф попросил рабочих поискать кости в отвалах и поглядывать, не встретятся ли какие части скелета в слое глины, еще не выброшенной из грота. К вечеру он был очищен до скального дна, а на площадке перед ним выросла гряда крупных костей, покрытых характерным беловатым известковым налетом. Долгое время пролежали они, очевидно, в окаменевшем глинистом слое! Беккерсгоф аккуратно завернул кости в тряпицы, поместил громоздкий сверток в большую, сплетенную из ивовых прутьев продуктовую корзину и, довольный визитом, отправился в Дюссельдорф.

На следующий день корзина с костями перекочевала в квартиру Пипера, который искренне порадовался находке компаньона и сказал, что при первой же поездке в Эльберфельд переправит ее преподавателю тамошней реальной гимназии Иоганну Карлу Фульротту. Это он еще в прошлом году просил достать для музея гимназии скелет медведя. Пипер рад, что может наконец выполнить эту просьбу.

Беккерсгоф, прежде чем уйти, поинтересовался, кто такой Фульротт. Пипер по обыкновению не преминул похвастать своими связями за пределами круга промышленников и торговцев, а заодно и уколоть друга: как же это он, Беккерсгоф, не слышал о таком ученом, как Карл Фульротт? Его знают все в округе как энциклопедиста, которого трудно поставить в тупик неожиданным вопросом. Особенно силен он в философии, что, впрочем, не удивительно - двадцать лет назад он получил степень доктора философии в Тюбингенском университете. Однако Беккерсгоф ошибется, если

подумает, что Фульротт - философ, и только. Проработав десяток лет преподавателем реальной гимназии Эльберфельда, он стал профессором математики и естественных наук. Но и это не все: более четверти века назад он написал книгу, посвященную систематике растений. Говорят, что это сочинение молодого Фульротта заметил и похвалил сам великий Гёте, и можно не сомневаться - книга действительно заслуживает высокой оценки.

- Для такого человека, как профессор Фульротт, стоило постараться, - торжественно закончил Пипер свои объяснения, Беккерсгофу не оставалось ничего иного, как согласиться с ним.

Дела не позволили Пиперу отправиться тотчас в Эльберфельд. В кабинете Фульротта он появился только в августе. Корзина с «останками медведя» оказалась прямо на профессорском столе, и тот с интересом перебирал аккуратно разложенные на бумаге находки.

Иоганн Фульротт не стал огорчать старого знакомого, хотя ему было достаточно беглого взгляда, чтобы понять: из окаменевшей глины Фельдгоферского грота рабочие извлекли не кости медведя, а останки существа, несравненно более интересного и важного. Несомненно, компаньон Пипера - Беккерсгоф, не отдавая себе в том отчета, сделал выдающееся открытие. Однако надо тщательно разобраться в находках. А пока Фульротт поблагодарил Пипера за доставленные кости и попросил извинить за то, что его желание иметь скелет медведя повлекло за собой столько хлопот. Находка настолько интересна, что в ближайшее время Фульротт непременно посетит Неандерталь, чтобы осмотреть Фельдгоферский грот и карьер господ Пипера и Беккерсгофа.

Пипер, в свою очередь, заверил, что для них с компаньоном большая честь принять господина профессора на территории карьера, и поэтому он просит заранее известить о предполагаемом визите.

Фульротт едва дождался конца беседы со словоохотливым гостем. И когда они наконец расстались, не мешкая направился к столу. Он вновь осмотрел каждую кость и пришел к твердому убеждению: перед ним останки не медведя, а человека!

Собственно, сам по себе факт находки в Фельдгоферском гроте костей человека, по-видимому захоронения, вряд ли бы вызвал волнение Карла Фульротта, если бы не слишком бросающиеся в глаза необычные особенности строения конечностей, в первую очередь бедра. Оно отличалось не только исключительной массивностью и грубостью рельефа, но и было характерным образом искривленным. Останка человека, имеющего такое бедро, очевидно, не отличалась прямизной. Вероятно, он ходил, слегка согрившись, на согнутых и искривленных ногах.

Но еще больше удивила его хорошо сохранившаяся черепная крышка. Судя по размерам, объем мозга соответствовал приблизительно его объему у современного человека - что-то около 1300 кубических сантиметров. Однако как объяснить конфигурацию черепной крышки, ее рельеф так резко отличается от черепа современного человека? Фульротт смотрел на нее сбоку, спереди и со стороны затылка и не переставал поражаться: у основания необыкновенно низкого, сильно убегающего назад лба возвышались огромные и массивные костяные дуги - надглазничные валики, или надбровья, оконтуривающие сверху глазницы. Ничего подобного у человека не наблюдалось. Сходные в какой-то мере надбровья зоологи описывали у антропоидных обезьян! А как сильно уплотнен черепной свод, и до чего он низкий и длинный, как массивен и велик затылочный гребень, тоже приплюснутый сверху!

На долю Карла Фульротта выпала необычайно тяжелая задача. Занимаясь закреплением с помощью специального клея легко разламывающихся костей скелета таинственного существа из грота Фельдгофео ученый мучительно раздумывал над тем, что могли означать неожиданные для человека особенности строения черепа, да и бедра тоже. Однако недаром среди наук, обративших на себя внимание Фульротта, числились

не только палеонтология, геология и зоология, но и философия, выработавшая наклонность и стремление проникать в глубинную суть явлений, а также математика.

Постепенно в ходе рассуждений у Карла Фульротта отчетливо выкристаллизовывается представление, поистине еретическое по неожиданности и кажущейся невероятности. Вместе с тем вывод, плод целенаправленных размышлений, прост и предельно логичен: если в 50-е годы XIX века открыть и объявить новый вид или род какого-нибудь вымершего животного для палеонтологов, последователей французского атеиста Этьена Жоффруа Сент-Илера, заявившего, что предков современных животных следует искать среди давно вымерших форм, стало обычным делом, то почему нельзя, обнаружив человеческий череп, обладающий невиданно примитивными особенностями, провозгласить существование особого вида человека, предка современного *Homo sapiens* - «человека разумного»?

Дикие животные наших дней имеют далеких предков. Так почему человек, тоже, в сущности, животное, не имеет предка ледниковой эпохи? Если он наделен разумом, то почему такой важный признак лишает господствующее на Земле существо предшественника? Парадоксально, но ведь человек при сравнении со всем остальным животным миром оказывается уникальным явлением: у него в буквальном смысле слова нет, если верить некоторым исследователям, ни роду ни племени!

Человек, по утверждению служителей Христа, - венец творения божьего. Но кто ж теперь всерьез может заявлять, что животные сотворены руками господина, ведь изменчивость их с течением времени - факт бесспорный, доказанный палеонтологами на десятках примеров. Значит, и человек менялся. Многие тысячелетия назад он выглядел иначе, а как именно - показывают находки в гроте Фельдгофер. Только так можно объяснить бросающиеся в глаза звериные, лучше сказать, обезьяньи, черты в строении черепа троглодита (пещерного жителя, дикаря), жившего некогда в долине Неандерталь!

Иоганн Карл Фульротт - ученый. Он прекрасно отдаст себе отчет, что его рассуждения, может быть, и верны, но пока, к сожалению, слишком абстрактны. Себя он, пожалуй, может уверить в правильности вывода об открытии в гроте Фельдгофер далекого предка, настолько далекого, что за время, разделяющее их, «человеку разумному» удалось освободиться от звериных черт, разоблачающих его животное происхождение, чего он даже научился стыдиться. Но как убедить ученый мир?

Непреодолимые трудности возникли, как только Фульротт пытался подобрать доказательства того, что кости действительно останки предка человека. Если это предок, то его скелет пролежал в глине Фельдгоферского грота не тысячи, а десятки или даже сотни тысяч лет. Но как доказать глубокую древность находок? Необычайно примитивными особенностями черепной крышки и бедра? Это не довод, поскольку никто никогда не находил «предка» и антропологические особенности его неизвестны, их еще предстоит определить. Намечается заколдованный круг, из которого не видно выхода.

Правда, в какой-то мере значительную древность костей подтверждает их внешний вид: плохая сохранность, залегание, если справедлив рассказ Пипера, в чрезвычайно твердой, почти окаменевшей глине. Но все это косвенные доказательства, которые не выдерживают строгой критики. И можно не сомневаться - она будет беспощадной и неумолимой. Достаточно вспомнить судьбу открытия каменных орудий «допотопного человека». А ведь Буше де Перт привел доказательства, несравненно более веские и определенные, чем может выставить Фульротт.

Однако надо искать выход, не сидеть же сложа руки. Прежде всего следует, очевидно, проверить свои впечатления о необычайных особенностях черепной крышки, а также других костей скелета из грота Фельдгофер у людей, специализирующихся на анатомии человека. Затем по возможности быстрее отправиться в долину Неандерталь и убедиться, что вместе с останками человека действительно не было ни костей вымерших животных, ни каменных орудий.

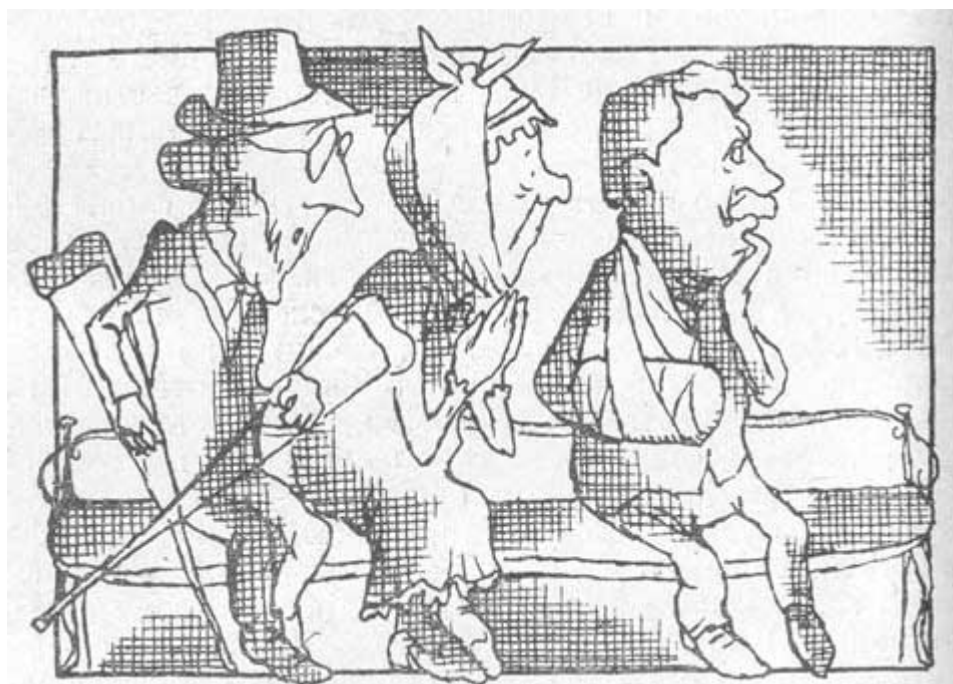
Если бы удалось доказать несправедливость хотя бы одного из слишком уж самоуверенных заявлений Пипера! В конце концов, он находился в Дюссельдорфе а его компаньон Беккерсгоф мог оказаться недостаточно внимательным. Во всяком случае, можно быть почти полстью уверенным, что он даже не подозревает о существовании таких вещей, как «допотопные» каменные орудия.

Мысли текли нескончаемой чередой, предположения сменялись предположениями, одни сомнения уступали место другим. Порой Карл Фульротт думал, что он близок к цели и опасаться нечего. Но чаще неуверенность терзала настолько сильно, что однажды ему показалось, будто в гроте Фельдгофер найдены кости не человека, а медведя!

Если он додумался до такого парадокса, чем поставил себя на один уровень с Беккерсгофом, очевидно, настало время отказаться от затворнических раздумий. Надо начать выполнение программы, намеченной вскоре после первого осмотра костей. Необходимо прежде всего обратиться к человеку, знающему анатомию.

Доктор Кун - наиболее подходящая фигура. Вот почему августовским днем 1856 года преподаватель реальной гимназии Эльберфельда профессор Иоганн Карл Фульротт нанес утренний визит своему старому знакомому.

- Я пришел к вам как к доктору. Мне нужно установить диагноз одному пациенту. - Фульротт приподнялся в кресле и положил перед - Куном длинный бумажный сверток.

Заинтригованный доктор с некоторой опаской зашуршал бумагой, посматривая на своего гостя. Тот улыбался и поощрительно кивал головой.

- Такой «пациент» ни в каком диагнозе не нуждается. Он умер, по крайней мере, сто лет назад, - огорченно сказал Кун, когда пакет был развернут и он бегло осмотрел его содержимое. - Уволь, пожалуйста, от вторжения в область, где я как медик бессилён сказать что-либо определенное. Я не привык ставить диагноз пациенту, от которого остались одни кости... Где ты выкопал его останки?

- Кого его? - спросил Фульротт слишком уж равнодушно.

Однако Кун знал своего друга достаточно хорошо, чтобы понять, что вопрос этот для него не столь маловажен, как могло показаться человеку невнимательному, и насторожился.

- То есть как кого? Человека, разумеется, того самого человека, кости которого лежат передо мной.

Когда Фульротт посвятил друга в предысторию событий и поделился своими соображениями, доктор снова приступил к осмотру коллекции находок. Вскоре его внимание заняла черепная крышка. Он так же, как неделю назад Фульротт, рассматривал ее со всех сторон, кричал не то от недовольствия, не то от недоумения. Гость ожидал, чем завершится новый осмотр «пациента».

- Я, разумеется, не ошибся, определив эти кости как человеческие, - начал Кун, подводя итог осмотру. - Они, судя по всему, составляют часть одного скелета. Кости конечностей грубоваты - это я заметил и раньше, но, признаться, черепная крышка поражает необычайно примитивными чертами. Когда я сказал тебе, что это кости человека, у меня и в мыслях не было вторгаться в столь сложную область, какой является вопрос сотворения человека. Но когда я смотрю на эту черепную крышку...

- Я врач - мое дело определять болезни и по возможности избавлять людей от страданий, - решительно возразил доктор. - Высказываться о предках человека занятие, по моему мнению, рискованное, а может быть, и просто бесполезное. И все же - как, вероятно, поразительно зверообразен был облик этого человека! Ничего подобного я никогда не видел и не предполагал, что увижу. Признайся, Карл, насколько я понял тебя больше не устраивает недвусмысленное замечание великого француза Кювье: «Ископаемый человек не существует!»

- Если уж зашла речь об авторитетах, меня больше привлекают замечания не менее великого француза - Ламарка. Надеюсь, ясно почему?

- Не совсем, - сухо ответил доктор.

- Ну как же! Вот вас поразила грубыми чертами черепная крышка... Но ведь грубые черты - это прежде всего особенности, сближающие череп из Фельдгоферского грота с черепом антропоидных обезьян! Посмотрите на эти валики над глазницами - разве нечто подобное не отмечалось зоологами при описании гориллы и шимпанзе?

Вопрос этот, однако, не смутил доктора Куна.

- Во-первых, я еще не высказал своего понимания и объяснения грубых черт черепа, а во-вторых, если даже они обезьяньи, какое отношение к этому имеет Ламарк и ископаемый человек?

Фульротт начал с увлечением пересказывать Куну идеи великого французского натуралиста, которые тот развивал без малого полвека назад. Ламарк - ярый сторонник неуклонного развития животного мира. Каждый из видов животных - не создание всевышнего, а результат эволюции в течение длительного отрезка времени. Человек не составляет исключения из этого правила: он появился на Земле как итог эволюции какого-то высокоразвитого рода обезьян, которые некогда поя кинули деревья и приспособились к жизни на открытиях пространствах. Новые условия с течением времени преобразовали организм обезьян - они стали ходить только на задних конечностях, ногах. Выпрямленное тело высоко подняло голову, давая обширный обзор. Ламарк рассмотрел даже причины, вследствие которых укоротилась и облагородилась морда обезьяны - предка человека: челюсти ее стали употребляться только для жевания и перестали служить орудием защиты и нападения.

Все это, правда, только одна сторона дела. Вторая, не менее важная: параллельно с физической «реконструкцией» происходило преобразование мозга в инструмент невиданной мощи, который поставил человека над остальными животными.

Доктор Кун внимательно выслушал рассказ, но, судя по всему, теория Ламарка не произвела на него впечатления.

- Все это было бы прекрасно, если бы не представляло чистой фантазии, - спокойно возразил он Фульротту. - Четверть века прошло с того времени, как умер великий Кювье, но разве найдены где-либо бесспорные останки ископаемого человека? «Ископаемый человек не существует!» - какая находка может опровергнуть его заявление?

- А если она лежит на столе?

- Буду откровенным: твои доводы не убедили меня, что в Фельдгоферском гроте действительно обнаружен пусть даже не далекий, обезьяноподобный предок, а просто ископаемый человек.

- Почему?

- Но где доказательства глубокой древности глины, в которой залежали кости этого странного существа, поистине троглодита по облику? - в свою очередь, спросил Кун.

- Вы превосходный знаток анатомии человека, доктор. Разве сами по себе необычные черты строения скелета не являются доказательством?

- Ты стремишься подтвердить ископаемый характер находки, исходя из ее особенностей?! Это порочный круг который заводит в тупик! - Кун пришел наконец себя после всех неожиданностей и треволений и теперь стремился к реваншу. - Обезьяноподобные черты, проглядывающие в строении черепа и бедра - вот, в сущности, вся база твоих построений. Однако мне, хорошо известно, и это подтвердит любой элементарный курс патологии, как порой жестоко калечит природа свои создания, делая их жалкими и трудноузнаваемыми. Кто знает, почему столь необычен череп,

найденный в гроте? Остальные-то кости скелета выглядят нормальными. Что, если какая-то неведомая болезнь искалечила беднягу? Неужели тебе не приходило в голову такое простое объяснение? Конечно, если бы удалось найти несколько таких черепов в разных местах Европы, тогда следовало задуматься, но, пока находка уникальна, нет смысла ломать над ней голову. Что касается гипотезы Ламарка, это, увы, увлекательная сказка, но не более, ибо нет в руках анатомов достаточного количества фактов, которые подтвердили бы ее жизненность и справедливость...

Прошло несколько дней, и территорию каменоломни в Неандертале посетил какой-то, по-видимому, важный господин. Бесспорно важный, поскольку его сопровождали Беккерсгоф и Пипер, которые оказывали ему всевозможные знаки внимания. Сначала рабочие подумали, что в долину Неандертала явился новый хозяин, и заволновались. К компаньонам привыкли, а как-то поведет себя с ними этот сдержанный, замкнутый и даже, судя по некоторым признакам, суровый человек?

Однако тревога оказалась напрасной. Посетителя меньше всего волновали качества камня и условия его добычи. Он хотел знать: не встретились ли рабочим, освобождавшим от глины Фельдгоферский грот, другие кости: как располагались «кости медведя» - в одном месте или, напротив, по всей территории грота; на какой глубине лежали они и где находился череп; не думают ли рабочие, что кости занесла в грот вода по щели, связывающей его с верхним плато?..

Господин даже забрался наверх и осмотрел грот с теми, кто раскопал его. На месте он снова уточнял, очевидно, очень важные для него детали расположения «костей медведя». А в заключение попытался подняться по трещине вверх от камеры грота. Странный гость уехал под вечер, причем нельзя было понять, доволен он результатами расспросов и осмотром грота Фельдгофер или нет.

Долину Неандерталь посетил в тот день Иоганн Карл Фульротт. Чтобы не подрывать авторитета Беккерсгофа, а главным образом потому, что ему не хотелось поднимать ненужного ажиотажа и кривотолков профессор расспрашивал рабочих об останках медведя, и выяснилось, что кости найдены недалеко от входа на глубине всего полуметра, в то время как общая мощность глинистого заполнения не превышала полутора метров. Они лежали на одной глубине и сравнительно ограниченном пространстве. По-видимому, скелет, перекрытый глиной, намытой водой, сохранил первоначальное положение, в котором умерший оказался в момент гибели или погребения. Ближе всего к выходу из грота находилась черепная крышка. Вероятно, тело умершего лежало вдоль камеры грота, а не поперек нее.

Все эти данные представляли большой интерес. Однако поездка разочаровала Фульротта. Продолжение раскопок в Фельдгоферском гроте невозможно, поскольку глинистое заполнение камеры полностью выброшено рабочими за ее пределы. Кроме костей скелета, они ничего не находили. Оббитые камни также, по-видимому не встречались, или на них не обратили внимания при той поспешности, с которой рабочие стремились избавиться от мешавшей им плотной глины. Таким образом надежда определить с помощью костных остатков вымерших животных или примитивных каменных орудий возраст человека с необычайно архаическими особенностями строения черепа, к великому сожалению Фулротта, не оправдалась. Отныне, как это ни печально, единственным доводом в пользу правильности его предположения об открытии в долине Неандерталь предка людей остаются обезьяноподобные черты черепной крышки.

Может быть, другой на месте Фульротта пал духом и стал ждать лучших времен. Во многих местах ведутся раскопки. Поэтому, если он прав, рано или поздно будут обнаружены новые костные останки человека с обезьяноподобными чертами, но в условиях, исключающих скептицизм критиков, которых медом не корми, только дай возможность выискать слабые места в цепи заключений.

Впрочем, разве сами по себе «допотопные орудия» не служат в течение последнего десятилетия объектом издевательских насмешек ученых, которым сам бог велел присмотреться к ним повнимательнее? Хватает Буше де Перту смелости, терпения, настойчивости, самоотверженности, наконец, в неравной борьбе за признание найденных им камней за орудия, оббитые рукой «допотопного человека»! Буше де Перт нашел инструменты древнейших людей, в руки Фульротта счастливый случай «вложил», очевидно, кости их! То и другое поразительно, поскольку в корне противоречит тому, к чему привыкли, о чем говорят, не утруждая себя доказательствами и размышлениями. Тем ожесточеннее, бескомпромисснее, отчаяннее должна быть предстоящая борьба! Робким, неуверенным делать в ней нечего.

Как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, но именно неудача поездки в Неандертальскую долину подтолкнула Фульротта на путь тяжелой и напряженной борьбы. Отныне он выбрал его бесповоротно.

После осмотра грота Фельдгофер «предварительная» программа была выполнена полностью. Следовало подумать, что предпринять далее. Очевидно, прежде чем он рискнет объявить об открытии официально на каком-либо из представительных собраний ученых, компетентных высказать суждение по вопросу происхождения человека, или на страницах специального журнала, следует заручиться поддержкой или, на крайний случай, просто выслушать советы анатома, пользующегося достаточным авторитетом в научном мире.

Кун - хороший врач, не более. Анатомию человека он представляет не далее чем требуется для лечения и определения болезней. Помочь Фульротту в решении задачи, которую тот взвалил на себя, Кун просто не в состоянии. Ему недостает для этого знаний, кругозора, нетрадиционности мышления, понимания новых тенденций в зоологии и антропологии.

Впрочем, Карл Фульротт, отправляясь августовским утром 1856 года в дом доктора Куна, не обольщался. Ему, по правде говоря, нужно было не столько подтверждение принадлежности костей человеку, а не медведю (на это ему, естественно, знаний доставало), сколько не терпелось посмотреть, какое впечатление произведет находка в гроте Фельдгофер даже на незаурядного врача. Теперь следовало сделать куда более серьезный и решительный шаг, показав кости человека из долины Неандерталь кому-то из видных анатомов, к кому из пользующихся известностью и влиянием ученых следует обратиться? Колебания Карла Фульротта недолги, да и кандидатур не столь уж много: он решает отправиться в Бонн и показать находку местному в Южной Германии специалисту по анатомии и истории, профессору университета Герману Шафгаузену.

Волновался Фульротт необычайно, как студент гимназии на экзамене, что, впрочем, можно понять, поскольку идеи его впервые предстали перед серьезно проверкой крупного специалиста. Минутам, которые потребовались Шафгаузену для изучения главной привезенных в Бонн частей скелета - черепной крышки, кажется, не было конца. Однако все завершилось к удивлению Фульротта, как нельзя лучше: после нети ропливого осмотра, а также тщательного определена показателей, которые удавалось вычислить на основе замеров специальными инструментами нужных пара метров черепной крышки, Герман Шафгаузен поздравил преподавателя из провинциального Эльберфельда с необычайно интересным открытием.

Нет никакого сомнения, что человек, останки которого посчастливилось найти в Неандертале, является представителем людей непривычной для него, анатом примитивности, архаичности и грубости. Чего стоят эти ужасные, поистине обезьяньи, гребни над глазами. А как удивительно низок лоб этого существа, словно удар чудовищной силы смял лобные кости и сплюснул их. Но удара не было, так как невозможно намеренно деформацией достигнуть столь потрясающей конфигурации черепной крышки. Как ни воздействуй на податливые кости черепа, вряд ли удастся «вырастить» костяные гребни надбровий и столь массивный затылочный валик, сплюснуть затылочную часть, сделать черепную крышку низкой и длинной.

Человек с черепом большим, как у современна людей, но с особенностями строения, невольно заставляющими вспомнить крупных антропоидных обезьян, бесспорно, обладал огромной силой животного, которая была тем более устрашающей и неудержимой, что она направлялась мозгом таким же крупным, как у *Homo sapiens*. Если даже он не столь совершенен, этот моя прикрытый очень массивной черепной крышкой, все равно существо, обладающее им, несомненно, мыслило, а значит, было, в конце концов, могущественнее любого самого сильного хищника, соперника в борьбе за добычу.

Борьба за жизнь в те далекие времена отличалась, очевидно, особой жестокостью. Герман Шафгаузен обратил внимание Фульротта на вмятины, отчетливо прослеживающиеся на поверхности черепной крышки. Это следы ударов. Человек не умер от них, поскольку налицо признаки прижизненного заживления ран.

Подводя итоги своим впечатлениям, Шафгаузен сказал, что по примитивности кости человека из Неандертала не имеют себе равных среди всего известного ему материала, связанного с первобытным человеком. Карл Фульротт привез на «экспертизу» в Бонн не что иное, как бранные останки древнейшего жителя Земли. Человек этот жил, по крайней мере, в конце того периода, когда значительная часть севера Европейского континента была покрыта мощными ледяными полями. Как жаль, что именно о геологическом времени существования троглодита из Неандертала нельзя сказать что-либо определенное!

Однако это печальное обстоятельство не должно препятствовать по возможности быстрому информированию анатомов и особенно антропологов об открытии необычайно интересном и примечательном. Ведь оно, в сущности, дало первые факты, ставящие наконец проблему происхождения человека на прочную базу точных наблюдений и позволяющие отказаться от чисто логических построений и фантастических выдумок. Прежде всего надо написать небольшую информационного плана статью. Это может

сделать он, Герман Шафгаузен, если только разрешит главный виновник открытия. Еще полезнее объявить об открытии на одном из предстоящих съездов естествоиспытателей и продемонстрировать кости, чтобы каждый мог убедиться как в исключительном значении, так и в справедливости выводов, которые следуют из анатомического анализа их.

Фульротт согласился с предложениями Шафгаузена вернулся в Эльберфельд окрыленным и воодушевленным. Еще бы, первое обращение к специалисту - и победа.

Кажущаяся легкость достижения цели, однако, часто мстит тяжелыми поражениями, которые представляются оттого особенно горькими, несправедливыми и труднопереносимыми. Иоганн Карл Фульротт, успокоенный успехом, кажется, начисто забыл о трагедии Буле де Перта. Случай не заставил себя долго ждать...

Весной 1857 года в Эльберфельд пришло письмо с приглашением принять участие в заседании научной сессии Нижнерейнского общества естественных и медицинских наук. Сомнений не было - Герман Шафгаузен помнил об их беседе, и теперь, когда в Бонне собирались наиболее видные ученые Южной Германии, представлялся удобный случай объявить об открытии в Неандертале. Это позволит, во-первых, придать делу широкую огласку, как оно того заслуживает, а во-вторых, воочию увидеть реакцию большого круга ученых на выводы, которые напрашиваются из анализа особенностей скелета троглодита, извлеченного из грота Фельдгофер. Черепную крышку надо взять в Бонн и продемонстрировать во время доклада, чтобы неожиданные и, кажется, маловероятные заключения наглядно подкреплялись находкой.

Вскоре Фульротт выехал в Бонн. Здесь выяснилось, что его доклад должен сопровождаться содокладом Шафгаузена; это порадовало гостя из Эльберфельда и несколько уменьшило его волнения.

Среди десятков, а иногда и сотен сообщений, которые обычно делаются на съездах ученых разных специальностей, вроде очередной сессии Нижнерейнского общества естественных и медицинских наук, не часто; бывают выступления, которые становятся событием, привлекающим внимание большинства участников и вызывающим повышенный интерес. Таким событием, как и ожидалось, стал доклад профессора естественных наук и философии Иоганна Карла Фульротта. Что, впрочем, не удивительно, поскольку это было первое в истории науки выступление, в котором с фактами в руках ставилась, может быть, самая сложная, загадочная и волнующая из проблем, связанных с появлением на Земле того существа, которое человек может назвать великим словом «предок». Не удивительно, что на доклад явились все без исключения участники сессии. Может быть, Герман Шафгаузен заинтриговал многих, упомянув в личных беседах об открытии костей троглодита в гроте на берегу реки Дюссель?

Сначала все шло как нельзя лучше. Фульротт подробно изложил обстоятельства, сопутствовавшие находке в Неандертале, описал условия залегания костей в глинистых отложениях грота Фельдгофер, остановился на характеристике архаических особенностей скелета уделив особое внимание черепной крышке. В конце доклада он показал находку и объявил о ледниковом возрасте человека, которого, исходя из анатомических деталей строения, следует считать представителем древнейшего населения Европы. Шафгаузен, выступивший вслед за Фульроттом, поддержал его в главных выводах - да, это существо еще не потеряло обезьяноподобные черты, что позволяет рассматривать его как одного из древнейших людей.

Но, как выяснилось через некоторое время, Шафгаузен остался первым и последним сторонником докладчика. Это не значило, однако, что все, кто принял участие в обсуждении, высказали сомнения по каждому из утверждений Фульротта. Напротив, со многими заключениями его с легкостью и без колебаний соглашались. Однако что значило это единение во взглядах, когда каждое выступление заканчивалось на удивление одинаково: «Поскольку нет доказательств ледникового возраста слоя глины,

в которой залежали кости человека, нет оснований относить время его существования к древним эпохам. Может статься, что жил он совсем недавно, и в таком случае необычные особенности структуры скелета следует объяснять другими причинами. Вот над чем стоит подумать!..»

Какие факты могли противопоставить скептикам Фульротт и Шафгаузен? Никаких, кроме все тех же чисто анатомических признаков, которые, может быть, действительно следовало оценивать как-то иначе. Снова мучительное и неприятное состояние, словно находишься в заколдованном круге. Из него нет выхода. Вернее, известно, где выход, но как к нему добраться? Может быть, ждать, пока не появятся новые факты, доказывающие твою правоту? Ведь должны же они появиться рано или поздно, ибо в правоте своих выводов Карл Фульротт убежден беззаветно.

Деятельная натура ученого не может ждать, пока дело образуется само собой. Он должен бороться по мере сил и возможностей, несмотря ни на что. А это «что» не только инертность, пассивность и традиционность взглядов официальной науки, его коллег, но и такая страшная в своей мощи и беспощадности сила, как католическая церковь. Она, как никто, нетерпима и непримирима, если устанавливает, что в 'стаде господнем' вызревает ересь. Может ли быть ересь ужаснее, чем продолжать упрямо настаивать на том, что само это стадо составляли в допотопные времена не существа, созданные по образу и подобию божьему, а какие-то наполовину обезьяны, наполовину люди? Да что там обезьяноподобный человек, если род людской, согласно его, Фульротта, утверждениям, возник не 4004 года назад, как точно подсчитали служители культа на основании книг, созданных вдохновением господом, а несравненно раньше!

Приходится учитывать и это обстоятельство, не относящееся к существу дела. Да и не просто учитывать, а по-настоящему задумываться - хватит ли сил веста борьбу на два фронта?

Фульротт решается. Первым делом он отправляет в научный журнал текст своего выступления на сессия Нижнерейнского общества естественных и медицинских наук: «Остатки человека из грота Фельзен (так называл его Фульротт. - В. Л.) долины Дюссель. Заметка к вопросу о существовании ископаемого человека». Редакция раздумывает почти два года и все же печатает доклад. Но сопровождает его примечательным комментарием, смысл которого сводится к тому, что журнал не несет ответственности за содержание публикации, а тем более за выводы ученого. После такого «представления» статьи у читателя вообще могло создаться впечатление, что она напечатана как некий наукообразный курьез.

Как бы то ни было, выход в свет в 1859 году статья об открытии в Фельдгоферском гроте составил Карл Фульротту более широкую аудиторию. О находке останков обезьяноподобного человека заговорили не только в Германии, но также в Бельгии, Франции, Англии. Особое внимание обратил на нее один из британских друзей Чарлза Дарвина, английский геолог Чарлз Лашель, одержимый идеей доказательства глубокого с генеалогической точки зрения возраста человека.

В год публикации сообщения Фульротта Лайель вместе со своими коллегами геологами и археологами, своеобразной комиссией, дотошной, но объективной, посетили истерзанного неудачами и непризнанием Буше де Перта. Осмотр каменных орудий показал искусственный характер их обработки. Изучение напластований глин и песков, в которых на большой глубине вместе с костями вымерших слонов и носорогов залежали оббитые камни, подтвердило их значительную древность, составляющую не тысячи, а десятки или, быть может, даже сотни тысяч лет.

Буше де Перту удалось найти многое, но единственным, что не попало в его руки, поразительно легкие на открытия, были костные останки человека, который создавал из кремня примитивные топорovidные орудия так называемые рубила, ножи и скребла.

Когда Лайель прочитал статью Фульротта, то понял, что троглодит из грота Фельдгофер, возможно, и есть то самое загадочное существо - «допотопный предок». Ему как геологу сразу бросилось в глаза слабое место гипотезы эльберфельдского профессора - отсутствия доказательств возраста глинистых отложений, в которых покоились костные останки человека.

Решение созрело мгновенно: надо ехать в Германию, посетить Эльберфельд и вместе с Фульроттом осмотреть место находки. В 1860 году Чарлз Лайель прибыл в Неандерталь и внимательно изучил окрестности Фельдгоферского грота. От той поездки сохранился рисунок-скетч, позволяющий представить в разрезе известняковую скалу, которая круто поднимается над рекой Дюссель, сравнительно обширную пещерную камеру, пласт песчанистой глины, как одеялом покрывающий плоскую вершину с редкими деревьями. Изучение грота не позволило Лайелю установить возраст отложений, заполнявших камеру, что, впрочем, не помешало ему поддержать точку зрения Фульротта.

Правда, он колебался и поэтому был непоследователен. Порой ему казалось, что зверообразный человека из Неандертала жил сравнительно поздно и поэтому необычные с точки зрения анатомов особенности его черепа и конечностей следует объяснять нарушениями в развитии индивида.

Кроме того, как это ни покажется странным, его смущало, что в связи с открытием в Неандертале усилились позиции тех, кто отстаивал теорию обезьяньего предка человека. Выдающийся ученый, который так много сделал для подтверждения идеи существования ископаемого человека, имел труднообъяснимую слабость: питал «непреодолимое чувство отвращения» к мысли о возможном родстве человека и обезьяны!

И все же, несмотря на это отступление, в высказываниях Чарлза Лайеля преобладали утверждения, подчеркивающие выдающееся значение находки, раскрывающей процесс

становления человека, высокая честь и мужество понять которую принадлежит Карлу Фюльротту.

Профессор гимназии был горд, что его открытие при влекло внимание выдающегося геолога Европы. Хотя здесь бы разумеется, большей четкости в суждениях, но разве виноват Лайель, что в гроте не посчастливилось найти ни одной косточки вымерших животных? Неужто это препятствие так и останется непреодолимым как проклятие? Фюльротт и Лайель встретились еще раз в 1868 году. Но, как ни приятна была эта встреча, при всем желании кости человека из Неандертала, которые хранились в доме Фюльротта, не могли сказать больше того, что удалось узнать от них ранее.

Чарлз Лайель не единственный из английских ученых, кто вдохновлял Карла Фюльротта и поддерживал в нем уверенность в правоте своего дела. Анатомы Англии с большим интересом встретили сообщение о находке костей и воздали должное их первому исследователю. Возможно, немалую роль в таком благосклонном отношении сыграл Лайель, пользовавшийся большим авторитетом.

Наибольший интерес вызвала позиция, занятая выдающимся анатомом Генри Гексли, соратником Чарлза Дарвина. Познакомившись с характеристикой костных останков человека из грота Фельдгофер, Гексли был поражен их необычайно примитивными особенностями. И объяснил столь загадочный с точки зрения принятых представлений факт тем, что люди, обладающие столь отчетливо выраженными звериными чертами, относятся к древней ступени развития человечества, представители которой не сохранились на Земле. Даже аборигенов Австралии, с точки зрения Гексли, наиболее примитивный в физическом смысле тип «человека разумного», невозможно сравнить с троглодитом из Неандертала, настолько он звероподобен!

Утверждение это не столь заурядно, как может показаться с первого взгляда. Достаточно сказать что сам Чарлз Дарвин, лидер эволюционистов ограничился скудным указанием на факт открытия в Фельдгоферском гроте. Сдержанность Дарвина тем более примечательна, что именно его перу принадлежит великое творение - книга, озаглавленная: 'Происхождение человека и половой отбор'.

Альфред Уоллес, известный эволюционист, мимоходом высказал весьма характерное суждение о человеке из Неандертала: 'Дикарь!' Он же выразил уверенность, что ничего подобного больше никогда не найдут - настолько курьезен и уродлив неандертальский троглодит. Однако помощник Чарлза Лайеля, ирландский антрополог Вильям Кинг, придерживался прямо противоположной точки зрения: считая человека из Неандертала представителем особого типа людей, по-видимому достаточно широко распространенных в свое время в Европе, он осмелился выделить это существо в особый вид. В отличие от *Homo sapiens*, человека разумного, он назвал его *Homo neanderthalensis* - человек неандертальский. Скромному ректору латинской школы Дюссельдорфа Иохиму Нойманну-Неандеру снова повезло: его звучный псевдоним стал составной частью имени самого древнего из предков человека!

Однако слова одобрения, как бы ни были они весомы и значительны, не заглушали реплик неодобрения и насмешек, пристрастных суждений, двусмысленных шуток, сомнительных острот, категоричных в своей непримиримости и ярости суждений. И вот ведь что удивительно: полезной и имеющей отношение к делу информации в них мало, доводы до смешного наивны, а рой вызывающе небрежны, дискуссия, если ее можно назвать таковой, часто низводится до уровня затрапезного балагана, но тем не менее все это вместе взятой производит, как ни странно, впечатление на нейтральный ученый мир.

Прежде всего никто из оппонентов не хотел поверить в главное: в гроте Фельдгофер удалось найти остатки существа, резко отличного во многих деталях от *Homo sapiens*. Им казалось, что нечто подобное может встретить если не у современного человека, то у того, кто жил на севере Европы десяток-другой веков назад.

Чтобы нагляднее представить характер возражений оппонентов и одновременно установить, насколько крепкие нервы следовало иметь Карлу Фульротту, достаточно привести классические образцы ученого творчества противников неандертальского человека.

Париж. Аудитория Антропологического общества. На трибуне французский антрополог Прюнер-Бей:

- ...Я подвожу итоги своих размышлений: у меня нет никаких сомнений, господа, что в долине Неандерталь обнаружены костные останки древнего кельта. Конечно, черепная крышка, описанная профессором Фульроттом, достаточно странная, но он не учел одного обстоятельства - ему посчастливилось найти скелет не нормального кельта, а идиота от рождения. Совершенно очевидно, что нарушения физические и психические нашли яркое отражение в особенностях строения большинства костей, выкопанных из глины, и более всего в строении черепа и костей конечности. Обратите внимание на значительную кривизну бедра, господа: она означает, что кельт ходил, сутулясь и сильно согнув ноги в коленях! Таков мой итог мучительных раздумий над «курьезом природы» из грота Фельдгофер...

Геттинген. Перед коллегами выступает анатом Рудольф Вагнер:

- ...Позволю себе не согласиться с высказанным до меня заключением. По моему мнению, антропологические особенности строения черепной крышки, а также других частей скелета дают возможность утверждать, что в Неандертале найдены останки пожилого эмигранта из Голландии...

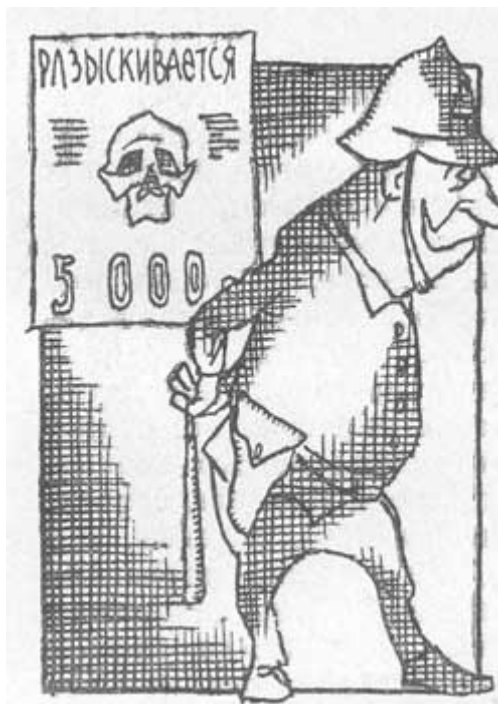
Бонн. Своими мыслями о находке делится земляк Иоганна Карла Фульротта анатом Август Франц Мейер:

- ...Мне кажется, разгадка тайны грота Фельдгофер до смешного проста. Приходится только удивляться, как раньше не могли додуматься до столь тривиальной истины. Для меня очевидно, что никакого неандертальского человека нет, поскольку я могу точно сказать, когда умер тот, кого нашли в гроте, - ровно полвека назад, в 1814 году. Сейчас разьясню, господа, немного терпения! В особенностях строения черепной крышки отчетливо проглядывают монголоидные черты. Если добавить необычайно изогнутое бедро, все станет на свое место: это погребение монголоидного казака! Как он мог оказаться на берегах реки Дрюссель, спросите вы? Те, кто внимательно слушал меня, надеюсь, уже догадались: именно тогда по долине Рейна проходила армия русского генерала Чернышева. Старики помнят, какие ожесточенные сражения происходили здесь с авангардом войск Наполеона Бонапарта, они привели к большим потерям с обеих сторон.

Порой мне представляется, что я воочию вижу, как тяжело раненный казак в поисках пристанища заползает в Фельдгоферский грот. Он смертельно ранен и потому вскоре в страшных мучениях умирает. 50 лет вполне достаточно, чтобы труп занесло глиной. Какой же это неандерталец? Это без вести пропавший солдат-казак... Вот почему черепная крышка имеет монголоидные особенности. Что касается бедра, то его необычайная изогнутость объясняется просто: это бедро человека, редко слезающего с лошади! Остается последний вопрос: каков возраст первобытного человека? По моему мнению, несерьезно говорить о допотопной эпохе. 8000 лет - таков крайний, с разного рода возможными допускками, предел времени его существования...

Очевидно, что в подобного рода высказываниях наука начала смыкаться с фольклором. Одновременно предпринимаются более серьезные попытки объяснить особенности структуры черепной крышки и костей конечностей неандертальца. Обращается, в частности, внимание на разного рода патологические изменения и всевозможные отклонения от нормального развития в процессе роста и старения организма.

Лондон. Речь произносит анатом Бернард Дэвис:

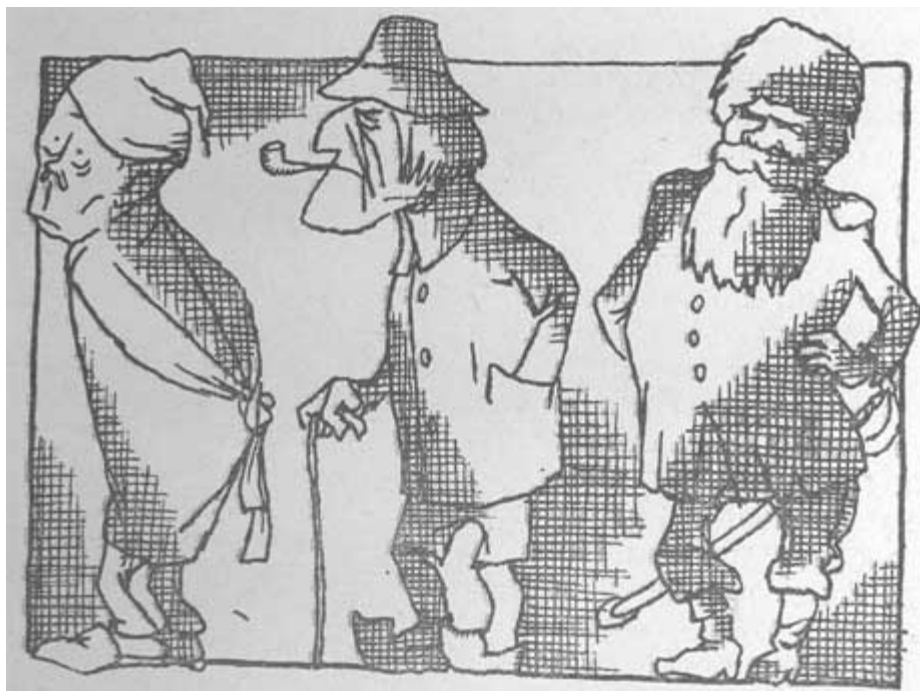
р

- ...Камнем преткновения при анализе структуры черепной крышки из Неандертала служат надбровные валики над глазницами и массивный гребень в ее затылочной части. Есть ли возможность объяснить подобное явление, не обращаясь к сомнительной гипотезе о ледниковом предке современного человека? Да, есть! Представьте себе, что швы, скрепляющие отдельные составные части черепа, по какой-то не совсем пока ясной причине срослись значительно раньше положенного времени. Это обстоятельство приведет к тому, что костное вещество взбухнет в нижней части лобной кости и в районе затылка. Неудивительно поэтому странная уплощенность лба, небольшая высота черепа и, напротив, слишком значительная его длина и ширина...

В этом же направлении работала мысль крупного немецкого врача и патологоанатома Рудольфа Вирхова. Его слово, учитывая огромный авторитет ученого в кругах специалистов, изучавших человека, могло направить дискуссию по более плодотворному пути. Однако Вирхов не верил в существование обезьяноподобного предка, изменившегося с течением времени до неузнаваемости. Тонкий и проницательный врач, интуиция и чутье которого легендарны, смотрел на необычные кости сквозь очки своей любимой патологоанатомии.

Берлин: Международный съезд антропологов. На трибуне Рудольф Вирхов:

- ...Нам, не уставая, указывают на убегающий назад лоб и слишком большую длину черепной крышки. Но человек с подобными особенностями может родиться вне зависимости от каких-то мистических законов эволюции! Непривычно изогнутые бедро и тазовые кости? Такой странный вопрос могут задавать только люди, никогда в жизни не слышавшие о том, какие превращения случаются с костями, когда они подвержены в течение длительного времени рахиту. К тому же только слепец может не заметить на них совершенно очевидные следы старческой подагры!..

Рудольф Вирхов, как на врачебных приемах, смело и решительно ставя диагноз болезней на основании сведений о костях, чего в свое время не решился сделать провинциальный врач Кун, метил гораздо дальше, подвергал сомнению гораздо больше, чем оценку значения скелета из грота Фельдгофер. После знаменитого диагноза, вызвавшего торжество противников Карла Фульротта, Вирхов на десятилетия вперед определил свое отношение к идее происхождения человека от обезьяноподобного животного: «Этого не может быть!»

С трибуны продолжали сыпаться вопросы, на которые сразу же давались категоричные, не допускающий возражений ответы:

- ...Человек эпохи ледников? Но ведь никто никогда не находил его останков, а следы его культуры сомнительны! Древний человек примитивнее современного? Абсурд, ибо в таком случае необъяснимо, как он мог выдержать жестокую, не на жизнь, а на смерти борьбу за существование. Это не означает, господа, что я вообще не признаю существования первобытного человека, шагавшего по планете тысячелетия назад. Боже упаси! Если есть неоспоримые факты, почему не признать их? Вот, например, люди каменного века, построившие некогда на озерах Швейцарии дома на сваях. Десятки веков отделяют их от нас, но черепа озерных жителей едва ли отличимы от современных. Нет, пусты что угодно выдумывают фантазеры, но я убежден непоколебимо в следующем: тело человеческое всегда было таким, каким мы привыкли видеть его, в жилах его всегда текла алая кровь господина природы!..

Что мог противопоставить Карл Фульротт всеокрушающей атаке авторитетов и знатоков, поучающих, указывающих, разъясняющих?.. Ничего нового, кроме вся тех же удивительных признаков черепной крышки, бедра и таза да уверенности в справедливости собственных суждений. Но последнее не довод в спорах, а пей вое уникально и потому порождает невообразимую разногласию мнений. Поэтому, в который раз разъясняя суть своих взглядов, он терпеливо ждет, как чуда, появления новых фактов. А пока объектом исследования продолжают оставаться черепная крышка и другие остатки скелета неандертальского человека.

Выходит в свет вторая работа профессора Фульротта, названная значительно определеннее, чем прежняя «Ископаемый человек из Неандертала». Заголовок говорит

сам за себя. Иоганн Карл Фульротт ни на йоту не отходит от высказанных ранее взглядов на значение находки в гроте Фельдгофер.

Тем временем появляются сведения об открытиях, которые возрождают веру в торжество справедливости идей Фульротта. Во Франции маркиз Вибрэ во время раскопок пещеры Фей, расположенной в департаменте Ионны около местечка Арен Сюр-Кюр, знаменитого многочисленными гротами, обнаружил в самой нижней части рыхлых толщ заполнения обломок странной нижней челюсти, а также зуб и первый шейный позвонок. Челюсть слишком массивная и тяжелая, чтобы не обратить на нее внимание.

Может быть, как раз такая сопровождала череп из Неандерталья? К тому же древность ее вне сомнения: в том же слое, помимо чрезвычайно примитивных каменных орудий, находились кости вымерших животных ледниковой эпохи - пещерного медведя, пещерной гиены, шерстистого носорога и мамонта! Может ли новая находка защитить Карла Фульротта? Как бы не так! Во-первых, далеко не все осведомлены о ней, а во-вторых, как доказать, что именно такого типа челюсть была у человека из грота Фельдгофер?

Надежда, не успев разгореться, погасла.

Но нельзя ли все же провести дополнительные раскопки в Неандертале, чтобы доказать возможность древнего возраста глинистых отложений грота? Трудно сказать, имел ли Фульротт отношение к развернувшимся в 1864 году в окрестностях Неандерталья исследованиям, но руководителю их Гансу Дехену посчастливилось обнаружить на берегу реки Дюссель в слоях, датированных ледниковым временем, останки тех же видов животных, которые извлек из пещеры Фей маркиз Вибрэ и кроме того, кости лошади.

Если бы все это залегало в глине грота Фельдгофер!

1864 год мог стать переломным в отношении антропологов к неандертальскому человеку: английский геолог Георг Баск объявил участникам конгресса в Норвиче об открытии в Гибралтаре черепа, обладающего знакомыми особенностями, в том числе массивными надглазничными валиками. Находка эта была сделана 16 лет назад, 3 марта 1848 года, и честь открытия черепа принадлежит не Баску, а лейтенанту королевской армии Флинту. Это он руководил взрывными работами на северном склоне горы у карьера Форбес, где военное начальство решило поставить очередную артиллерийскую батарею, призванную увеличить огневую мощь скалы, запирающей проход в Средиземное море.

После одного из взрывов в каменной стене внезапно появился вход в пещеру, скрытый от глаз человека обвалами. Когда рабочие начали выбрасывать глинисто-заполнение пещеры, к склону горы для инспекции ход работ направился Флинт. Он подоспел как нельзя вовремя - из отверстия в скале вместе с комьями земли покатылся череп. Нижняя челюсть и левая часть черепной крышки отсутствовали. Сильно покатый лоб, нависшие над глазами костяные гребни, массивные и грубые кости лица и зубы черепа настолько удивили лейтенанта, что он, направляясь к казармам, захватил его с собой.

Флинт не Беккерсгоф, он сам интересовался разного рода древностями и редкостями. Недаром в крепости Гибралтар он занимал пост секретаря научного общества. Так что, пожалуй, если бы даже череп не отличался звероподобными деталями, лейтенант поднял бы его и присоединил к коллекциям общества. Однако, с другой стороны, совершенно очевидно, что Флинт не Иоганн Карл Фульротт. Сообщение о находке на очередном заседании любителей науки не произвело впечатления сенсации: череп как череп, мало ли их находят в земле?

Присутствуй в зале ученый вроде Германа Шафгазена, кто знает, как дальше обернулось дело. Но пока Флинт, не подозревая, какую ценность дала ему в руки судьба, равнодушно и довольно небрежно запаковал череп и уложил его в один из ящичков, где хранились коллекции Гибралтарского научного общества. Так и пролежал череп в хранилище местного музея 14 лет, пока в Гибралтар не пожаловал геолог Георг Баск, который увлеченно занимался поисками костных останков вотных ледникового периода. Помимо полевых работ в районе знаменитой скалы, он внимательно проработал коллекции хранилища музея и в 1862 году отправил в Англию наиболее ценные экспонаты, в том числе череп человека.

В докладе, прочитанном в 1864 году на конгрессе Британской ассоциации наук, состоявшемся в Норвиче, Баск заявил, что гибралтарский череп принадлежал человеку неизвестной расы. Судя по всему, он близок неандертальцу из грота Фельдгофер и поэтому позволяя полнее представить особенности строения черепа троглодита, поскольку сохранились лицевая часть, затылок и база. Объем мозга составляет 1200-1296 кубических сантиметров.

Выводы Георга Баска не показались участникам конгресса убедительными. Во всяком случае, он, так же как Иоганн Карл Фульротт, не мог сказать ничего определенного о том, какой эпохой следует датировать находку в карьере Форбес. Правда, Баск собрал в районе Гибралтарской скалы кости вымерших животных ледниковой эпохи и высказал предположение, что это позволяет определить возраст черепа. Однако геолог отдавал себе отчет в слабости подобной позиции: ведь кости вымерших животных найдены вне пещеры, а лейтенант Флинт не заметил, а вероятнее всего, просто не подумал собрать кости животных, которые, возможно, сопровождали череп. Только они могли дать ответ на вопрос: действительно ли в ледниковое время жил гибралтарский человек?

Туман скептицизма не рассеивался. Хотя, судя по всему, наступило новое время, и заявления вроде того, что с легкостью необычайной позволил себе сделать Август Франц Мейер, стали теперь рискованными. Во всяком случае, армия генерала Чернышева не высаживалась у скалы Гибралтар, и раненый казак не мог заползти в пещеру, где теперь располагался карьер Форбес!

Между тем доклад Баска привлек внимание анатомов. Когда он в 1868 году подарил череп из Гибралтара Королевскому колледжу хирургов, его изучением занялся сначала Хоп Фальконер, а затем - с особым пристрастием и вниманием замечательный французский антрополог Поль Брока. Стало ясно, что находка заслуживает внимания. Так, Фальконер пришел к заключению о принадлежности черепа представителю вымершей расы и предложил выделить еще один, помимо неандертальского, вид человека, назвав его Человек гибралтарский.

Итак, к началу 70-х годов предполагаемых предков Homo sapiens встали сразу два претендента на это почетное звание - неандерталец и гибралтарец, причем не исключалась возможность, если Георг Баск прав, что оба они являлись представителями одной разновидности древнейших людей, которую по праву первооткрывателя Карла Фульротта следовало назвать неандертальцами.

Пока медленно разворачивались события, связанные со спорами вокруг гибралтарского черепа, подоспели новые открытия. В 1866 году знаменитый бельгийский геолог Дюпон начал раскопки пещеры Тру-де-ла-Нолетт, которая располагается на левом берегу реки Лайзи около города Динанта. В не нарушенных подземными перемещениями слоях пещеры, где часто встречались примитивные каменные орудия и кости давно вымерших животных, ему посчастливилось обнаружить клык, локтевую кость и большой обломок нижней челюсти человека. Последняя возбудила не меньше волнения, страстей и противоречивых откликов, чем открытие черепа в гроте Фельдгофер.

Анатомические особенности челюсти буквально потрясли антропологов. Она была не только непривычно больших размеров, массивной, но также обладала и обыкновенно

грубым рельефом. С такой челюстью можно перемалывать не просто грубую пищу, а, пожалуй, кости. Может быть, их раздробили зубы жившего некогда в пещере человекообразного существа?

Вряд ли следовало удивляться подобным предположениям: альвеолы, гнезда для зубов, особенно коренных, отличались необычайно огромными размерам. Можно представить, какие непривычно большие зубы удерживала челюсть!

Однако ничто не возбудило столько волнений, как область подбородка. Вначале специалисты отказывались верить своим глазам: подбородочного выступа, заметного у каждого человека по слегка выдвинутой вперед нижней части лица, у челюсти из пещеры Тру-де-ла-Нолетт не было!

До сих пор подобное наблюдалось только у антропоидных обезьян. Невероятно! Неужто обезьяна изготовляла орудия и жила в пещере на берегу Лэйзи?

Об этом не могло быть и речи. Во-первых, клык локтевая кость принадлежали скелету человека. Во-вторых, обезьяна, теплолюбивое животное, не могла существовать в сообществе гигантов ледниковой эпохи! И наконец, в-третьих, сама по себе челюсть, несмотря на ее примитивность, все же относилась по типу к человеческой, но не антропоидной. Пещеру, несомненно, занимал человек, однако по сравнению с современным он был так же примитивен, как его каменные орудия по сравнению с машинами века пара и электричества.

В дверь настойчиво стучался предок, которого не желали пускать в священный храм науки. Слишком обезьяноподобным казался он.

Изучением челюсти, найденной Дюпоном, занимается вначале Прюнер-Бей, тот, что заявил в свое время, будто череп из Неандерталя принадлежал старому кельту, да к тому же идиоту. На сей раз, публикуя результаты своих исследований находки из Тру-де-ла-Нолетт, он воздерживается от легкомысленно-иронического тона! Юмор забыт: человеческая челюсть с обезьяньими особенностями найдена в ходе безукоризненно проведенных раскопок, в точно зафиксированном слое, который датируется ледниковой эпохой. То, чего не доставало Карлу Фультотту в гроте Фельдгофер, педантичный Дюпон добыл, раскапывая пещерные напластования Тру-де-ла-Нолетт.

Чтобы возвестить полный триумф Фультотта, Прюнер-Бею достаточно было сделать вывод, что челюсть из Ла-Нолетт и череп из грота Фельдгофер представляют один тип первобытного человека. Однако Прюнер-Бей определенно не та фигура: над ним продолжают довлеть старые представления.

Счастливого в жизни каждого ученого «озарение» приходит к известному французскому натуралисту Гами, с чрезвычайным старанием и успехом разрабатывающему проблемы «палеонтологии человечества»: черепная крышка из Неандерталя с ее убегающим лбом и массивными надглазничными валиками и челюсть из Тру-де-ла-Нолетт, лишенная подбородочного выступа, представляют собой остатки черепа человека «одной, так сказать, расы», жившей в пещерах Европы в ледниковые времена!

Кажется, подобное заключение, высказанное Гами печатно в 1870 году, устраняло наконец преграды к признанию выдающегося значения открытия, сделанного Фультоттом четырнадцать лет назад. Тем более что во Франции в пещере Гурдан, расположенной на территории департамента Верхняя Гаронна, вместе с обломками лицевых костей, сходных с соответствующими частями гибралтарского черепа, обнаружен фрагмент челюсти, сходной с найденной Дюпоном. Однако груз предубеждений безмерно тяжел, инерция традиционных представлений неодолима, амбиция не желающих признать свою неправоту слишком велика.

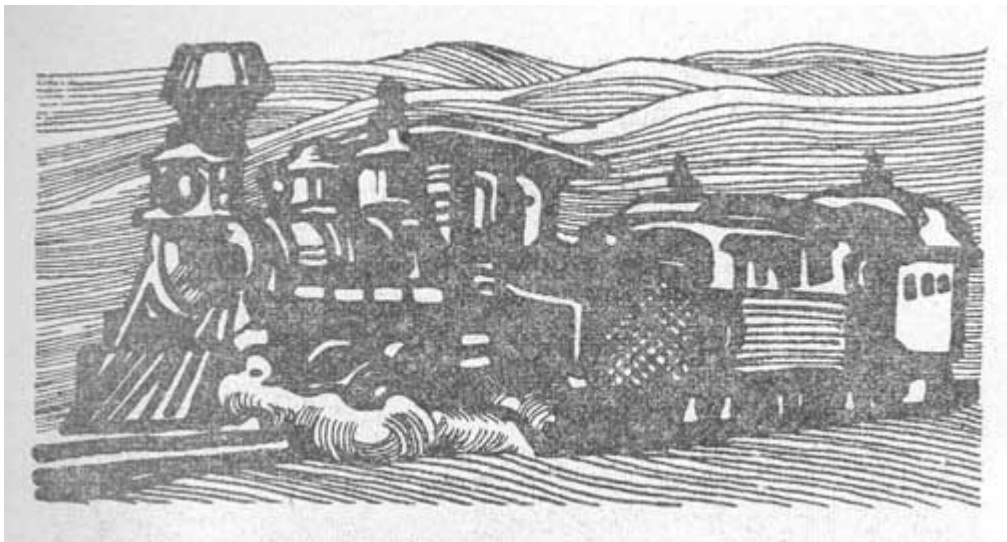
Возражения, если отвести в сторону заведомо несерьезные, не отличаются особой новизной. Ни неандертальский, ни гибралтарский черепа невозможно датировать точно, поскольку их не сопровождали останки ископаемых животных. Тот и другой найдены без нижних челюстей, поэтому нет оснований с уверенностью говорить о том, что в Труа-де-ла-Нолетт жил человек неандертальского типа. Следовательно, челюсть из бельгийской пещеры, в заполнении которой она обнаружена вместе с костными останками животных ледниковой эпохи, не может помочь определить древность останков людей из грота Фельдгофер и пещеры карьера Форбес! Во всяком случае, никто из серьезных исследователей, опасаясь прослыть фантазером, не рискнет утверждать, что может заранее предугадать, каким окажется череп у человека, челюсть которого столь обезьяноподобна.

Правильнее поэтому предположить, что черепная коробка человека, вместилище разума, и десятки тысячелетий назад имела такой же вид, какой сейчас. Челюсть, может быть, и была сходной с обезьяньей, но мозг первобытного человека, троглодита и дикаря, вынужденного вести тяжелую борьбу, чтобы выжить, не мог быть иным и, естественно, размещался в той черепной коробке, которую без существенных изменений наследовал *Homo sapiens*.

Карл Фульротт, постаревший, потерявший былую подвижность и остроту ума, с грустью наблюдает за все более ожесточающейся борьбой, конца которой не видно. Она ведется с переменным успехом, можно даже сказать, что его преемники имеют некоторый перевес. Но как невыносимо медленно это происходит!

Иоганну Фульротту не суждено было дожить до заветного дня. В 1877 году, на семьдесят третьем году жизни, он скончался. До начала триумфа его дела оставалось десять лет. Но он предчувствовал победу, потому что написал однажды слова оптимистические и горькие: «Окончательное решение о существовании ископаемых людей я предоставляю будущему». Как и Буше де Перт, он верил в будущее.

История вторая. «Странная» гипотеза, «странные» камни...

*Великие горизонты, и перспективы
откроются для науки, когда начнется
исследование Сибири.*

А р м а н д К а т р ф а ж

Французские ученые принимали Ядринцева исключительно радушно и оказывали ему всевозможные знаки внимания, Николай Михайлович не сомневался, направляясь в Париж, что здесь, в одном из ведущих мировых центров востоковедения, его поразительные открытия в степях далекой Монголии встретят с интересом. Но действительность превзошла все его ожидания. Уже на третий день, задолго до доклада о результатах путешествия по Центральной Азии, его пригласили в Парижское географическое общество и представили ведущим деятелям этого всемирно известного научного учреждения. А когда началось заседание, усадили на самое почетное место. Во Франции знали об открытии Ядринцева, сделанном в прошлом, 1889 году, о достоинстве оценили его вклад как в разгадку одних из самых головоломных тайн письменности древних - загадочных «сибирских рунических надписей», так и в определение местоположения столицы монгольских ханов - грозного Угэдэя и Мункэ-хана - Каракорума, описанного в XIII веке Марко Поло, Плано Карпини и Рубруком, а также Гастоном Гарагоном и Кремоном.

Затем последовали знакомства с французскими академиками и профессорами Кордые, Деверна, Секарош и Оннертом. Ядринцева, как русскую знаменитость, представляют сначала Французской академии (одна из редких почестей, которой удостоиваются иностранные ученые), а позже Обществу антикваров. Он присутствует, наконец, на заседании в парламенте.

Через две недели после прибытия в Париж в Географическом обществе при большом стечении ученых и публики состоялся подробный доклад Ядринцева о его открытиях в Центральной Азии. Безукоризненный французский язык, яркий и увлекательный русская страсть и темперамент публициста и ученого произвели большое впечатление на

французов. Успех был полным! Николая Михайловича наградили по окончании доклада шумными овациями.

Интерес к «сибирским рунам», насчитывающим многие сотни знаков связного текста, был велик. Востоковеды рассматривали и изучали копии надписей, которые пока никто не мог прочесть. Но скоро они должны зазвучать, ибо плиты с рунами оказались билингвами, то есть двуязычными. Параллельный и, очевидно, идентичный текст на китайском языке должен помочь исследователям наконец расшифровать загадки «сибирского», или «енисейского», рунического письма.

Удивительный и неиссякаемый интерес французских ученых - географов, археологов и этнографов - к Сибири поразил Ядринцева. Где угодно, но только не здесь думал он встретить сочувствующих его рассказам о большом значении своеобразных древних памятников окраинной Северной Азии для истории культуры. При чем не просто сочувствующих, а, если хотите, единомышленников, сторонников. У французских археологов Бертрана, Флуэста, Шантра и Ленормана, оказывается, существовала теория, с помощью которой они стремились решить проблемы не только французских, но и вообще западноевропейских культур, начиная с самых древних. Эта гипотеза основывалась прежде всего на признании факта широких трансконтинентальных миграций первобытных людей.

Французы считали, что истоки ранних западноевропейских культур следует искать на далеком востоке европейской России или, вероятнее всего, в Средней Азии и Сибири. Там, в глубинных областях Евразийского континента, должны быть рано или поздно открыты «отсталые» и вместе с тем древнейшие памятники «примитивного человека».

Этнологи Франции не просто занимаются созданием сугубо теоретических выкладок. В Париже вспыхивает огромный интерес к русской археологии. Ученые усердно штудируют литературу о российских древностях, один за другим едут в Россию, работают в музеях ее крупнейших городов и даже ведут, подобно барону де Баю экспедиционные исследования. Сибирь оказывается для них все более заманчивой и желанной. Это

увлечение восточными древностями среди французских археологов получило даже особое название: «Движение к изучению России». В свете этого восторженный прием Ядринцева, многие годы связанного с исследованиями в Сибири, не кажется ни случайным, ни неожиданным.

Николай Михайлович готовился сегодня, к самому, может быть, интереснейшему за всю поездку во Францию визиту. Скоро в отель должен прийти русский доктор-антрополог Деникер, его помощник по парижским делам, который любезно содействовал установлению полезных связей и знакомств, и барон Жорж де Бай, депутат парламента, молодой, но уже преуспевающий археолог, всегда полный самых неожиданных идей и планов. Это он представил Ядринцева академии и Обществу антикваров, а затем знакомил с парламентом.

Барон совершил несколько поездок в Россию, где занимался изучением музейных коллекций и даже вел раскопки на Кавказе. Рассказы Николая Михайловича о Сибири воспламенили его новой идеей. Барон решил во что бы то ни стало побывать в местах, о которых с таким увлечением рассказывал Ядринцев, и заняться на месте этнографией, а также посмотреть древние сибирские памятники.

Барон и Деникер ведут его к одному из почтенных и уважаемых ученых Франции, крупнейшему зоологу и антропологу Арманду Катрфажу. Де Бай близок Катрфажу - он его ученик и разделяет многие из идей своего учителя, в том числе связанные с происхождением первобытного человека, местом его первоначального появления и характером последующего расселения по всей территории Земли.

Катрфаж принял гостя из России с истинно французским великолепием и гостеприимством. Непринужденная беседа не прерывалась ни на минуту.

Сначала, разумеется, поговорили о Монголии и открытиях Ядринцева. Николай Михайлович рассказал много нового из того, что ему пришлось опустить из-за ограниченности времени, отведенного для доклада в Географическом обществе. Затем коснулся сибирских древностей, курганных полей страны мертвых - Минусинской котловины и под конец осторожно затронул популярную тему - о выдающемся значении древних сибирских народов и культур в мировой истории. Скифы и гунны, а затем монгольское нашествие. Разные народы, отдаленные многими веками событий...

Катрфаж слушал молча, изредка кивая головой, а затем заговорил горячо и убежденно. Мысли гостя о роли сибирских и центральноазиатских культур созвучны его представлениям. Более того, по его мнению, следовало заглянуть глубже в «предысторию» человека и подумать о том, не играла ли Сибирь особую, может быть, решающую роль в ключевой момент, когда из царства животных впервые выделился человек.

- Мы до сих пор не можем определить, где же располагается колыбель человечества. Думаю, что Сибирь, или вообще глубокий север, в том числе, возможно, европейский, была той областью, где люди появились задолго до оледенений четвертичного периода. Нам неизвестны истоки доисторической археологии Северной и Средней Азии, но я верю, что эти районы земли могут когда-нибудь дать факты, которые изменят наши взгляды о первых периодах жизни человечества, например - неолитическую индустрию, соединенную с четвертичной фауной! Вы удивлены? Странная гипотеза, не правда ли? - смеясь, обратился Катрфаж к Николаю Михайловичу.

- Признаться, я никогда серьезно не задумывался о таких далеких временах, как период появления первых людей, - смутился Ядринцев. - Правда, мне приходилось писать нечто вроде лирических эссе о наших первопредках, но в них всегда было больше фантазии, чем фактов! Россия бедна памятниками палеолита...

- Еще бокал вина? - предложил Катрфаж. - Пока бедна, если говорить точнее. Кто знает, что за открытия ожидают археологов, которые специально займутся поисками палеолита в азиатской России. Я, во всяком случае, оптимист и надеюсь, что уже в Москве на конгрессе при встрече вы преподнесете мне сюрприз любимой вами Сибири!

Николай Михайлович, смеясь, поднял бокал и провозгласил тост за исполнение желаний профессора, хотя времени для этого, пожалуй, маловато: ведь конгресс состоится через два года, в 1892 году. Однако все же как Катрфаж объясняет главное в «странной», по его словам, гипотезе? Почему именно Сибирь, возможно, была родиной людей и как представляется ему картина появления человека в Европе, где открыты столь многочисленные и богатые палеолитические стоянки?

- О, вы задаете мне слишком сложный вопрос, пожалейте хозяина. Боюсь, что мой ответ вряд ли удовлетворит вас. Не знаю, действительно ли ваши эссе о первопредках фантастичны, но в гипотезе о сибирской прародине человечества, как и во всякой гипотезе или неутвердившейся теории, действительно еще много неопределенного. Впрочем, этими вопросами больше занимались немцы. У них с философией истории всегда дела обстояли лучше...

Катрфаж затем подробно рассказал о теориях Вагнера и Мюллера, которые те развивали в последние несколько десятилетий. В основу их взглядов, раскрывающих особое значение северных суровых районов Земли в истории первобытного человечества, положены мыса Дарвина и его ближайших последователей о главном факторе появления человека: резких изменениях природной среды и вызванной ими коренной перестройка жизнедеятельности его обезьяноподобных предков.

Это случилось около миллиона лет назад, когда в Европе и Сибири началась одна из грандиознейших природных катастроф, причины которой до сих пор остаются загадочными. Северные области Европы и Сибири покрылись гигантскими ледяными полями, достигавшими в толщину многих сотен метров. Лед под собственной тяжестью начал двигаться к югу, сметая все на своем пути. Срезались гигантские скалы, бесследно исчезали громадные массивы леса. Ледники пропахивали широкие долины. Внезапное похолодание привело к гибели большого количества животных, которые не могли переселиться в южные теплые районы.

Морозное дыхание ледников, уничтожившее тропические леса, оказалось подлинной трагедией для их многочисленных обитателей, в особенности для тех, кто был приспособлен для жизни на деревьях. Они поневоле оказались вынужденными сойти на землю, внезапно резко изменить свой образ жизни, искать новые источники пищи и принципиально иные способы ее добычи. Все это привело, естественно, к ожесточенной борьбе за существование. Победителями из нее вышли те виды, которым удалось проявить наибольшую жизненную активность и изобретательность.

Как же ведет себя в этих условиях антропоидные предки человека, слабые, беззащитные, лишенные сколько-нибудь мощных «орудий» нападения и обороны? Они, по мнению Вагнера, пытаются компенсировать свою слабость, употребляя в качестве орудия камни! Преследование животных при охоте, длительное и упорное, способствует развитию нижних конечностей антропоидов и специализации их для ходьбы и бега. Постоянное использование камней приводит, в конце концов, к появлению главного признака, отличающего древнейших предков человека от других животных, - умению изготавливать искусственные орудия.

Только север и в особенности Сибирь, где климатические изменения в эпоху оледенений происходили в несравненно более грандиозных, чем где-либо, масштабах, могли предоставить благоприятные условия для такого поистине поворотного в истории животного мира Земли события, каким является формирование древнейших орд обезьянолюдей. Правда, в Сибири никто не находил костных останков обезьян, которые могли быть предками первых людей. Но ведь их там и не искали...

Далее, согласно представлениям Вагнера, события развиваются следующим образом. Ледники продолжают неуклонное продвижение на юг, сплошь покрывая десятки тысяч квадратных километров. Первые группы людей вынуждены переселяться на юг вместе со стадами животных, на которых они охотятся. Миграция продолжается до тех пор, пока беглецы, спасающиеся от льда и холода, не достигают предгорий широтного евроазиатского горного пояса. Здесь, в предгорьях (отступать далее некуда: сверху, с гор, также ползут ледники), первобытный человек вступает в особенно ожесточенную борьбу за существование с мае сой пришлых животных, которых остановил горный барьер.

Предок человека оттачивает здесь мастерство метания камней. Он ловко лазает по скалам, спасаясь от хищников, и продолжает совершенствовать новые полезные навыки, приобретенные после перехода с деревьев на землю, то есть как раз те качества, которые приведут впоследствии к появлению «истинного человека». Сохраняя стадные привычки своих прародителей антропоидных обезьян, наши предки действуют не одиночку, а сплоченными коллективами. Обезьянолюди становятся общественными животными. Это дает им огромные преимущества в борьбе с природой.

Около 5-10 тысяч лет назад на Земле вновь наступает потепление. Ледники начинают таять и отступать на север, к океану. От ледников освобождаются огромные территории Северной Азии и Европы, а лишенный льда евроазиатский горный барьер больше не препятствует миграциям животных. Люди вслед за ними широко расселяются по Земле на восток, запад, а со временем и на север.

Эмиль Карталяк, один из видных исследователей культуры человека древнекаменного периода во Франции, также полагал первоначальное заселение Европы первобытными охотниками на мамонтов, северных оленей и носорогов происходило из Сибири. Он обратил внимание исследователей на архаичность памятников древнекаменного века обнаруженных на востоке от Франции, и высказал убеждение, что чем далее на восток они отстоят, тем численнее, древнее и, следовательно, примитивнее должны быть памятники. Так восстанавливается путь, пройденный древнейшими людьми с места их предполагаемой родины, из Сибири, на запад, вплоть до Атлантики!

Даже восточноевропейский палеолит, говорил Карталяк представлен чрезвычайно немногочисленными памятниками, а каменные орудия, найденные в России вместе с

костями мамонта, крайне грубы и примитивны. Чем далее на запад от Сибири и восточноевропейских равнин уходил первобытный человек, тем совершеннее становилась его культура. Уже в Германии и Австрии найдено значительно большее количество орудий из камня, кости и рога, но особенно они обильны и разнообразны на крайнем западе Евразийского материка во Франции. Здесь же, по мнению Эмиля Карталяка, впервые появляется первобытное искусство - скульптура и пещерная живопись.

Это не значит, однако, что он отрицает какое-либо сходство между французским и восточным древнекаменным веком. Просто повышение уровня развития культуры эпохи палеолита в западных памятниках по мнению с восточными подтверждает гипотезу о североазиатском происхождении европейского каменного века. Древнейший человек, утверждает Карталяк, впервые появился в Сибири, когда она отличалась значительно более теплым климатом, чем современный. В одну из эпох отступления ледника древние охотники двинулись из Северной Азии на запад и заселили сначала Восточную, а затем Западную Европу. Более того, Карталяк убежден, что Сибирь сохраняла роль своеобразного культурного центра и в последующие эпохи - в период неолита и раннего металла. Во всяком случае, он не перестает говорить на ученых заседаниях, что находки древнекаменного века в России помогут в значительной мере решить вопрос о древнейших стадиях культуры самого раннего человека и путях его распространения из Азии в Европу!

Катрфаж в заключение сказал, что многие из мыслей и предположений Вагнера, Мюллера и Карталяка кажутся ему весьма правдоподобными, хотя впредь до более значительных открытий в России, в особенности в азиатской России, то есть в Сибири, вся их система доказательств остается, разумеется, не более чем гипотезой, противники которой называют ее «странной».

Николай Михайлович с нескрываемым удовольствием и вниманием выслушал рассказ Катрфажа, а когда тот, обращаясь к нему, повторил, что теперь дело за сибиряками: только они могут подтвердить или опровергнуть теоретиков из Франции и Германии, Ядринцев решил наконец спросить:

- А как вы расцениваете открытие Черского?

- Черского? Что вы имеете в виду?

- Черский, теперь знаменитый своими исследованиями по геологии Сибири, еще в начале своей научной карьеры, в 1871 году, открыл в черте Иркутска какие-то странные изделия из мамонтовой кости вместе с костями древних животных и расколотыми камнями. Он высказал предположение, что эта находка относится к палеолиту. В России, однако, к его заключению большинство специалистов отнеслось более чем холодно!

Катрфаж вопросительно взглянул на барона. Де Бай недоуменно пожал плечами.

- Вы считаете, что Черский прав?

- О, это не моя область, - улыбнулся Николай Михайлович. - К тому же я не видел подлинных вещей, найденных Черским. Когда три года назад мне пришлось совершать специальную поездку по сибирским музеям, в Иркутске мне их не показали. Я не знаю, сдал ли Черский находки в фонды музея Географического общества, но если да, то они погибли в огне пожара 1879 года. Здание, где хранились коллекции общества сгорело дотла! Есть, однако, в Сибири один любитель-археолог. Для него мнение Черского - истина, сомневаться в которой просто неприлично. Я вряд ли стал бы вам об этом говорить, если бы он не был весь без остатка захвачен желанием открыть в Сибири как раз те памятники, о которых вы мечтаете. Мне кажется, он нашел их.

- Палеолит? - спросил Катрфаж.

- Да.

- Вы знакомы с этим археологом? - заинтересовался де Бай.

- Я встретился с ним в ту же поездку по музеям в 1886 году, когда прибыл в Красноярск, - ответил Ядринцев. - Его зовут Иван Тимофеевич Савенков.

Беседа затянулась за полночь. Открытия Савенкова заслуживали этого. Возвращаясь в отель, Ядринцев продолжал думать о красноярском любителе археологии, находки которого так взволновали французов.

...Слово «любитель» в отношении к людям, которые, помимо основных своих занятий, осмеливаются вторгнуться в науку, приобретает иногда в устах «профессионалов» обидный оттенок. Дилетант, любитель - разве можно ученым всерьез полагаться на его работу, наблюдения и выводы! И все же Савенков с его фанатичной любовью и преданностью науке о древностях по целеустремленности, жажде познания, стремлению к максимальной точности, совмещенной с осторожностью, - любитель-археолог в лучшем смысле этого слова. В своей работе он достиг той грани, когда любительство перерастает в подлинный профессионализм.

Может быть, широта интересов Савенкова была обусловлена, помимо его личных качеств, и удачно выбранным факультетом Петербургского университета: в 1870 году он закончил естественноисторическое отделение физико-математического факультета. И уехал в Сибирь, которая была для него настоящей родиной, поскольку большую часть детства и юности он провел в Иркутске. Иван Тимофеевич был направлен на работу Красноярск, где сначала преподавал математику, физику и естествознание в гимназии, а затем в 1873 году занял пост директора учительской семинарии. Семья Савенковых, судя по рассказам старожилов, выделялась среди интеллигенции Красноярска. Иван Тимофеевич - человек редкой жажды знаний и трудоспособности, замечательный педагог, творчески разрабатывавший проблемы воспитания детей и подготовки учительских кадров. Он отличался поразительной энергией и разнообразием интересов. Сочинитель летних пьесок и стихов для детей, любитель экскурсий походам на десятки

километров и блестящий шахматист (один из сильнейших русских шахматистов конца XIX века), лучший стрелок города и артист, на спектакли с участием которого невозможно было достать билет, поклонник многих видов спорта, особенно плавания и гимнастики, Савенков упорно занимался самообразованием. Супруга Савенкова Екатерина Ивановна Батурина - первая женщина в Красноярске, которая «рискнула» поступить на государственную службу. В доме Савенковых бывали такие крупные представители русской науки и краеведения, как Норденшелья Черский, Лопатин, Мартыанов.

Каково же было удивление знакомых Ивана Тимофеевича, когда он внезапно, решительно забросив все свои увлечения, за исключением, быть может, шахмат занялся краеведением. Сначала он совершает краеведческие экскурсии в окрестности Красноярска, а затем становится «ревностным археологом». Заветной мечтой его стало страстное желание открыть на Енисее... палеолит! Теперь от спектаклей и разного рода «чтений» он стал «самым твердым образом уклоняться».

Трудно сказать, что толкнуло Савенкова к выбору такой сложной и необычной задачи: может быть, непрекращающиеся дискуссии о «мамонте в Сибири» или грандиозная выставка в Москве, организованная в 1879 году по инициативе Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при горячем участии ряда крупнейших зарубежных археологов и антропологов, в том числе Катрфажа. Возможно, его увлекли корреспонденции Дмитрия Николаевича Анучина из Западной Европы, где он изучал древности, собранные в музеях Парижа, Лондона, Вены, Брюсселя, Берлина и копал с Карतालком, Ванкелем и Массеной палеолитические пещеры Франции, Испании и Моравии. Однако главное, что укрепило мысли о возможности культуры «допотопного» человека на берегах Енисея, несомненно, были заметки Ивана Дементьевича Черского о находках у Военного госпиталя. Если культура *Homo deluvie testis* открыта на берегах Ангары, то почему она не может оказаться на Енисее?!

Однако с чего начать, где искать остатки древней культуры? В пещерах, как во Франции и Бельгии? Благо в окрестностях Красноярска и в особенности в долине живописной Бирюсы их довольно много. Но разведки в пещерах принесли разочарование. И вот тогда-то Иван Тимофеевич знакомится с Иннокентием Александровичем Лопатиным, одним из замечательных русских геологов-путешественников.

Они сошлись на почве общего интереса к археологии. Где бы ни бывал Лопатин - в Минусинских степях на Сахалине, в Приамурском или Приморском крае, -он всюду отмечал памятники старины, а некоторые даже раскапывал. У него, в частности, хранилась довольно значительная коллекция орудий неолита, собранная около Базаихи и Ладеек, вблизи Красноярска. В один из своих очередных приездов в Красноярск Иннокентий Александрович посетил Савенкова, и тот поделился своей мечтой найти палеолит на Енисее. Произошел интересный разговор, в ходе которого Лопатин посоветовал Ивану Тимофеевичу искать остатки культуры древних охотников не в пещерах, а в обрывах высоких речных террас, сложенных лёссом. Ведь именно здесь часто залегают кости древних гигантов - носорогов, мамонтов, быков и лошадей, современников первобытного человека. Если с ними окажутся обработанные камни, это и будет палеолит. Надо - провести точные геологические наблюдения, установить условия, в которых залегают кости и камни. Если такие находки действительно последуют, то прежде всего не стоит, определяя их время, увлекаться сравнениями и аналогиями с тем, что известно по открытиям в Европе, и ни в коем случае «не вдаваться в гипотезы». Главное - точность наблюдений. Как первый, так и второй совет Савенков принял и неукоснительно выполнял их.

Лопатин с этих пор стал помогать своему коллеге по увлечению археологией. Он снабжал его книгами и библиографическими указателями по «доисторической археологии», предлагал свою помощь при обработке материалов. Савенков, в свою

очередь, высоко ценил Иннокентия Александровича и любил говорить своим знакомым, что «с геологией и археологией края он знаком более, чем кто-либо другой».

Иван Тимофеевич с энтузиазмом занялся поисками палеолита в Красноярске и прилегающих районах. Однако успех пришел далеко не сразу. Работать приходилось в необычайно трудных условиях. В Красноярске не было людей, которые проложили бы дорогу его исследованиям и показали методы работы как в области археологии, так и геологии. Среди «неблагоприятным условий» и «прискорбных затруднений» самым, может быть, досадным и труднопреодолимым была «ощутительная бедность литературных пособий». Чисто подготовительный этап работы при характерной для Савенкова добросовестности отнимал огромное количество времени. А ведь он был «всего-навсего любителем» то есть минуты и часы для изучения книг и экскурсии приходилось урывать от времени, оставшегося посла выполнения прямых служебных занятий.

В 1883 году пришел первый успех. В глубокой промоине неподалеку от села Ладейки Иван Тимофеевич при очередной экскурсии нашел необычное каменное орудие. По размерам оно при сравнении с изящными тонко обработанными и миниатюрными изделиями неолита значительно превосходило все известное ему до сих пор. Оббивка камня была необыкновенно примитивна и груба. И даже дополнительная подправка, которой древний мастер стремился «облагородить» свое детище, не спасала положения. Орудие выглядело архаическим и подлинно первобытным. Когда Иван Тимофеевич очистил орудие от глины, сердце его вздрогнуло от радости: до чего же оно напоминало каменные инструменты, которые французские археологи называют сент-ашельскими и мустьерскими! Мог ли он мечтать о подобной древности культуры человека на Енисее?!

Но сам по себе примитивный облик орудия не может служить точным критерием древности. Савенков вспомнил предостережение Лопатина: «Не увлекайтесь сравнениями. Главное - точность наблюдения». Вспомнил и стал тщательно исследовать место находки оббитого камня. Вознаграждение за труд не замедлило появиться: недалеко от участка, где в глину впился камень, ему посчастливилось отыскать кость крупного «первобытного быка». Кость «первобытного быка» датировала, вне всякого сомнения, глинистый слой с каменным орудием, а следовательно, и само изделие первобытного человека значительно более древним временем, чем новокаменный век. Не менее 10-15 тысячелетий назад изготовлено это орудие!

Имя Савенкова становится известным в Иркутске. Его принимают в члены Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и выделяют средства на разведку и раскопки в окрестностях Красноярска. В 1884 году начинается серия продолжительных и успешных экскурсий в села Ладейки, Няшу, Базаиху, Тоевозяю, Собакино. Жителям примелькалась его крепко сбита фигура. Но их удивлению нет границ, когда они воочию видят результат непонятных «земляных работ» на песчаных дюнах, речных террасах и даже на вершинах возвышенностей.

К нему стали приносить «редкости», которые иногда приводили затем к любопытным находкам. Однажды в его квартиру заглянул инженер-технолог кирпичных заводов Красноярска Плотников. Он знал, что директор семинарии особенно интересуется костями древних животных. Он рассказал Савенкову о глиняных карьерах на Афонтовой горе, расположенной к западу от города. В некоторых из разрезов инженер отметил скопление остатков костей мамонтов и собрал извлеченные из глины «странные» камни. Можно представить радость Ивана Тимофеевича, когда он убедился, что «странные» камни несут несомненные следы обработки рукой человека. По виду их можно было принять за палеолитические. Если камни залегают в том же слое, что и кости мамонта, их обрабатывал человек палеолита, современник мамонта.

Возможно ли это? Никогда никому в Сибири, даже везучему на открытия Черскому, не удавалось встречать кости мамонта вместе с каменными орудиями.

Однако как можно сделать подобный вывод без самой тщательной проверки? Стоит ли удивляться, что на следующий день Савенкова видели на Афонтовой горе. Он переходил от одного карьера, где добывались «кирпичная глина», лёсс, к другому, осматривал стенки выемок, расспрашивал землекопов, где и как часто встречаются кости, на какой глубине они залегают и не попадают ли с ними камни.

Какие камни? Да самые простые, только определенным образом расколотые! К удивлению рабочих, этот приятный, любезный, но несколько, может быть, холодноватый и строгий господин с увлечением копался в глине, перерывал отвалы земли, спускался по шаткц мосткам на дно глубоких карьеров. И все ради того, чтобы со всевозможными предосторожностями, как не весть какую драгоценность, завернуть в газету старую никому не нужную и ни на что не пригодную кость.

Иван Тимофеевич просит рабочих не выбрасывать отвалы и не засыпать кости, а оставлять их для ней. Он готов даже платить за старые кости деньги - ну, не странный ли господин? Правда, нужно не просто собирать кости и сваливать их в кучу: Савенков хотя знает, где каждая из них найдена и на какой глубин! И снова просьба - замечать обитые камни.

На протяжении пяти лет, вплоть до 1889 года, не проходило почти ни одного дня, чтобы Савенков не посетил карьера кирпичных заводов на Афонтовой горя. Он стал там своим человеком и знал каждый из котлованов как собственную комнату. Количество костей увеличивалось день ото дня. Далеко не все их Иван Тимофеевич мог определить: какой из него палеонтолог. И все же, когда попадались особенно крупные кости или рога, он уверенно отмечал - еще мамонт, я здесь - северный олень. Хотелось, чтобы все эя осмотрел специалист. Но откуда он в Красноярске?

Находки костей радовали Савенкова. Однако полного удовлетворения не было. Камни как сквозь земля провалились - землекопы не находили ни одного из них, хотя Савенков пообещал «приличное вознаграждение» тому, кто их встретит в слое лёсса. Секрет такого странного явления оказался более чем простым: рабочие, как они объяснили потом, думали, что «нужны какие-то особые камни, а не простые, никуда не нужные не годные камни и осколки!». Так они называли оббитые рукой древнего человека каменные изделия, когда Иван Тимофеевич догадался наконец показать землекопам образцы «камней», которые ему требовались.

После этого в карьерах стали каждый день находить не только кости, но и камни со всеми признаками обработки. Савенков записывал в дневнике место открытия, глубину залегания, но не испытывал пока поя него удовлетворения - ни один из расколотых камней не представлял собой законченного, выразительного по типу орудия, чтобы можно было определенно сказать о его эпохе, времени и культурной принадлежности.

Наконец 3 августа 1884 года (Иван Тимофеевич удивительно точно запоминал дату каждой из наиболее счастливых находок!) в нижнем карьере Песегово землекопы извлекли из лёсса первое ясно выраженное орудие. Оно было круглой формы и примитивной грубой оббивки. Фасетки сколов покрывала густая и плотная известковая корка. Через несколько дней в присутствии самого Савенкова был сделан новый отвал от стенки карьера. На глубине нескольких метров прямо из глины торчало крупное, с грубыми сколами каменное орудие. Как первое, так и второе изделия вновь напомнили Савенкову мустье и сент-ашель. Неандертальский человек на берегах Енисея?

Количество разнообразных каменных орудий и костей, извлеченных из древнего, отложенного многие тысячелетия назад лёсса, росло. В ноябре 1884 года Савенков выехал в Иркутск и сделал в Распорядительном комитете Восточно-Сибирского отдела Географического общества доклад, посвященный археологическим исследованиям в районе Красноярска. Особое внимание Иван Тимофеевич уделил находкам каменных орудий в лёссах Афонтовой горы.

Он был немногословен во всем, что касалось древнекаменного века Енисея, и чрезвычайно осторожен в выводах. И все же после находок Черского в 1871 году это сообщение вновь подтвердило возможность найти в Сибири памятники многотысячелетней древности. Доклад произвел большое впечатление на Распорядительный комитет, и члены его, заинтересовавшись открытиями на Афонтовой горе, решили предоставить Савенкову в следующем году на археологическое исследование долины Енисея в два раза больше денег - 200 рублей, сумму по тем временам значительную.

Всю зиму Иван Тимофеевич тщательно готовится к предстоящим работам: прорабатывает археологическую и краеведческую литературу, которую удается найти в Красноярске, устанавливает связь с богатейшим в Сибири Минусинским музеем, директор которого Мартыанов высылает ему книги и дает советы, наводит разного рода «справки» и «сличения» по собранным ранее материалам. Делается все, чтобы «быть наиболее вооруженным в той нелегкой научной специальности», какую он избрал для себя, то есть в археологии.

Подготовка к предстоящим экспедиционным исследованиям, в ходе которых хотелось получить более веские подтверждения палеолитического возраста каменных изделий из глиняных карьеров Афонтовой горы, ведется в крайне неблагоприятных условиях: отсутствует большая часть необходимой справочной литературы нет удобного помещения, где можно было бы спокойно проработать и осмыслить добытый ранее материал. Научные занятия проводятся урывками, «между делом», много времени «отнимает служба, где дела иногда осложняются».

Савенков задумал беспрецедентное в истории археологических исследований Сибири предприятие - путешествие на лодке по Енисею на 500 километров! Чем шире масштаб работ, тем больше возможностей осуществить задуманную мечту - найти стоянки древних сибиряков.

В конце апреля 1885 года, едва ни возвышенностях окружающего город, сошел снег, Иван Тимофеевич и его неизменный спутник в походах орнитолог Киборт начали экскурсии по заранее составленной программе. Прежде всего решили обследовать Афонтову гору. Участились визиты к карьерам. Вновь посчастливилось извлечь прямо из глины несколько каменных орудий. Среди них преобладали плоские, обитые с одной стороны изделия, которые Иван Тимофеевич после «сопоставления с рисунками и описаниями в книгах» признал за мустьерские. Более грубые, обитые с двух сторон встречались значительно реже и были близки сент-ашельским из Франции.

Особенно много костей вымерших животных. Коллекция их разрослась настолько, что Савенков осмеливается установить связь с Иваном Дементьевичем Черским, лучшим в Сибири знатоком постплиоценовой фауны. Иван Дементьевич, который следил за успехами своего нового коллеги и продолжателя поисков следов «допотопных сибиряков», согласился встретиться с ним в Красноярске и осмотреть места, где находят кости и обработанные камни.

Пока ждут Черского, Иван Тимофеевич делает еще одно замечательное открытие: около заимки Долговой в слое глины, которая по виду очень близка афонтовским, он открывает кости носорога и мамонта. Трубочатая кость первого животного, вне всякого сомнения, расколота рукой древнего человека. «Для добывания костного мозга», - делает вывод Савенков. И как подтверждение его мысли, что кости животных не случайно оказались в лёссах Долговой, в том же слое глины вновь встречаются теперь уже хорошо знакомые изделия из камня - «одно орудие типа мустье» и несколько «сходных по типу с сент-ашель»!

Находки - Савенкова взволновали красноярскую интеллигенцию. О его открытии много говорят, и не удивительно, что вскоре им начинает интересоваться сибирская пресса. Его посещает, в частности, корреспондент томской газеты «Сибирский вестник» и дотошно расспрашивает о значении каменных изделий, открытых на склонах

Афонтовой горы, для «выяснения вопроса» древности человека в Сибири. Иван Тимофеевич, как всегда, сдержан и немногословен. Он полагает, что пока «тип этой стоянки без правильных раскопок, на которые потребуются большие средства, определить точно нельзя». Савенков явно не желает раньше времени привлекать излишнее внимание к своей особе.

Осторожность, точность и еще раз точность - вот его девиз. Надо дождаться приезда Черского, пусть он решит значение и дальнейшую судьбу его открытий: стоят они внимания или нет.

10 июля в Красноярск из Иркутска прибывает Черский. Произошла наконец встреча двух людей, первых разведчиков древнекаменного века Сибири. Иван Тимофеевич ведет Черского на склоны Афонтовой горы, и они вместе изучают характер и залегание лёссовидных глин. Иван Дементьевич находит в глине тонкие и хрупкие раковины моллюсков и - первая радость! - делает вывод, что они принадлежат разновидностям, проживавшим некогда на суше. Это означало, что глины на склонах Афонтовой горы отложены не водными потоками, а ветром. Отсюда следовал первый важный вывод: кости животных и каменные орудия принесены сюда не водами Енисея из каких-то неизвестных мест, а оставлены здесь в древности.

Возраст лёссовых толщ можно было определить только по костным остаткам животных. Черский самым внимательным образом изучил коллекцию костей, собранную Савенковым, и пришел к заключению, что среди них есть остатки мамонта, шерстистого носорога зубра и бизона, лошади, оленя и - самое, может быть, невероятное - собаки! Древнейший возраст лёссовых глин Афонтовой горы не подлежал теперь сомнению. Каменные орудия, извлеченные из них, можно было уверенно датировать палеолитическим временем.

На археологической карте Сибири появился второй район, где благодаря стараниям Савенкова были открыты следы культуры древних сибиряков.

Позже, вспоминая встречи с Савенковым в Красноярске, Иван Дементьевич с удовлетворением писал: «Я не сомневаюсь в палеолитической древности не описанных еще... каменных орудий, добытых... из знакомой мне толщи лёсса около Афонтовой горы. Следует выжидать с нетерпением подробностей описаний этих находок».

В свою очередь, Иван Тимофеевич, составляя отчет об исследованиях в 1885 году, который он представил Восточно-Сибирскому отделу Географического общества, с гордостью и радостью отмечал: «Сомнения наше о палеолитической древности каменных орудий... Черский рассеял, к величайшему нашему удовлетворению. По его определению, глина... окрестностей города Красноярска - лёсс постплиоценового образования. Каменные орудия по геологическому залеганию относятся, следовательно, к эпохе постплиоцена, то есть палеолитическая древнейшая эпоха каменного периода в окрестностях Красноярска едва ли может быть подвержена сомнению. Подробности имеют быть изложены в специальном очерке с требуемым наукой беспристрастием и с возможною для нас обстоятельностью».

Несколько позже, в середине июля, Савенков и Черский вновь встретились, на этот раз в Минусинске, куда Черский выехал для осмотра в музее коллекций костей, а Савенков для подготовки к путешествию вниз по Енисею.

Там же вскоре оказался Лопатин. Общение с двумя известными сибирскими геологами дало Савенкову то, чего он не мог почерпнуть ни в одном из руководств.

Затем начался «сплав» по Енисею и некоторым из его притоков - Обь, Большой Ине, Тубе. И снова последовали находки каменных орудий, напоминающих по своему облику палеолитические. Поистине педагог из Красноярска обладал редким и счастливым даром прирожденного разведчика с удивительной интуицией. Около деревни Тесь на реке

Тубе, на песчаных выдувах, Савенков собрал первые «каменные орудия, по-видимому очень древние по форме и способу оббивки». Одно из изделий вновь напомнило ему мустьерское орудие. Затем последовали находки около Батеней и Карасука, вблизи села Анаш и в окрестностях Абаканска. На реке Осиновой ему удалось отыскать кости мамонта и горного барана.

Большое впечатление на Савенкова и его спутника Киборта произвели Бирюсинские пещеры. На детальное обследование не хватило времени, и спутники решили: «Бирюсинские пещеры заслуживают того, чтобы ими заняться специально».

Обозревая все эти находки в отчете отделу, Иван Тимофеевич имел полное право сформулировать важный вывод: «Человек поселился в долине Красноярска в эпоху постплиоцена, то есть во время мамонта и носорога. Палеолитическая эпоха доказывается здесь не только типами орудий, но, главное, их залеганием».

Перед отъездом из Парижа Ядринцев случайно встретился с Катрфажем и де Баем в здании Географического общества. Катрфаж вновь заговорил о Савенкове и его находках на Афонтовой горе:

- Опасаюсь, что почтенный председатель Географического общества, узнай он о нашей беседе, не простит ни вам, ни мне, что такой потрясающий по новизне и сенсационности рассказ стал известен лишь в нашем узком кругу. Оказывается, палеолит Сибири, о котором мы так много фантазируем, для вас давно стал реальностью! Пока европейцы беспочвенно теоретизируют, сибиряки работают. Все же вы, русские, не умеете по-настоящему рекламировать свои научные достижения!

- Я забыл узнать, опубликованы ли сведения о находках Черского и Савенкова? - в свою очередь, спросил де Бай.

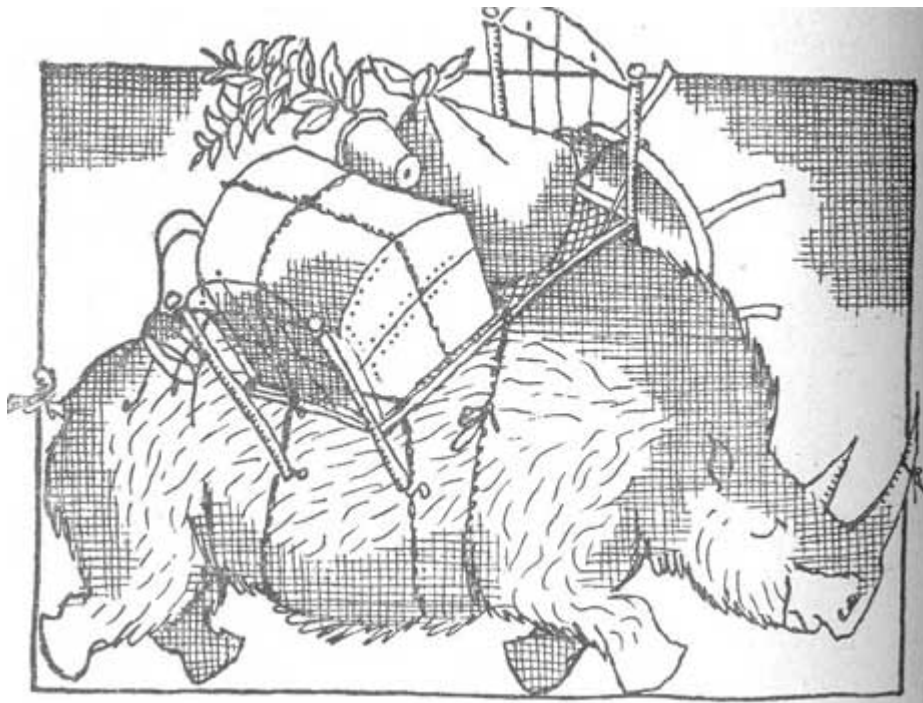
- Да, но в провинциальном, иркутском издании, поэтому, может быть, они неизвестны во Франции и Германии, - ответил Николай Михайлович.

- Вы знакомы с Савенковым лично, насколько мне помнится?

- По роду моих занятий я прежде всего журналист, публицист. Мне приходится редактировать одну из сибирских газет - иркутское «Восточное обозрение». Я часто встречаюсь с самыми разными людьми. Четыре года назад мне пришлось совершить поездку по сибирским музеям, и в Красноярске я был приятно поражен богатейшими археологическими и палеонтологическими музеями и удивлен богатейшими археологическими и палеонтологическими коллекциями, собранными Савенковым. Ничего подобного, за исключением Иркутска, ни в одном сибирском городе нет. Я держал в руках каменные изделия, найденные Иваном Тимофеевичем на Афонтовой горе. Они произвели на меня впечатление необычных и очень древних. Затем мы вместе с ним посетили карьеры кирпичных заводов, много беседовала, а Савенков показывал мне места и рассказывал об условиях находок каменных орудий и костей мамонтов и северных оленей. В одном из карьеров он встретил настоящий культурный слой - темную глину с прослойками угля и какой-то красной краски.

Должен вам сказать, что я тоже имею некоторый отношение к палеолиту Сибири - в «Записках Русского археологического общества» опубликована моя статья «Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 году для обозрения местных музеев», где с согласия исследователя приводится краткое описание древних орудий и список животных Афонтовой горы, составленный в свое время Черским. Сам Савенков характеризуете в ней как человек, страстно отдавшийся науке, усердный, внимательный, трудолюбивый, первый, кто, помимо Черского, делает систематические разыскания каменного века, ставя это в связь с геологическими и палеонтологическими исследованиями. Как видите, вы не совсем правы, мы рекламируем наши достижения. К сожалению, реклама не

достигает цели - я, как и Савенков, в науке не более чем любитель, в лучшем случае разведчик.

- Не надо скромничать. Ваши руны из Монголии, как и открытия Савенкова, факты изумительные,- сказал Катрфаж. - Азия не перестает изумлять нас. Но вы виделись с Савенковым четыре года назад. Можно представить, что он при его энергии и любви к археологии сделал за это время!

- К сожалению, после 1885 года Иркутск перестал финансировать его работу. Савенков поссорился с руководством отдела Географического общества.

Сначала Савенкова необоснованно обвинили в обращении к темам, «по-видимому мало ему знакомым».

Савенков - человек горячий, остро воспринимающий несправедливость, расценил все эти события как личное оскорбление. «В порядочных учреждениях выговоров, да еще на бланковых бумагах, любителям науки не пишут», - ответил он в Иркутск и с тех пор не хочет и слышать о каком-либо сотрудничестве с Географическим обществом!

- Как печально, - с досадой заметил де Бай. - Но, господин Ядринцев, не могли бы вы подробнее рассказать о каменных орудиях с Енисея?

- Мне не хотелось бы рисковать делать это в присутствии специалистов, - засмеялся Николай Михайлович. - Жажда увидеть изделия древних сибиряков, пожалуй, скорее приведет вас на Енисей, поэтому я ничего рассказывать не буду. Разве побывать на родине человечества, в Сибири, не увлекательная мечта?

...Последний летний месяц 1892 года оказался для Москвы очень тревожным. Все с опаской и ужасом говорили о приближающейся эпидемии холеры. Болезни свирепствовала в соседних областях, и врачи уже отметили несколько смертных случаев в самой Москве. Слухи о холере в Центральной России распространились за границу, поэтому, очевидно, многие ученые из-за рубежа, ранее изъявившие желание приехать и принять участие в работах очередного Международного антропологического конгресса, в последний момент от поездки уклонились. Вместо ожидавшихся 400 делегатов в Москву прибыло всего 150 человек!

Иван Тимофеевич Савенков был одним из немногих сибиряков, кто получил приглашение выступить на конгрессе с докладом. Он приехал в Москву как представитель Минусинского музея, богатейшего в Сибири хранилища древностей. Савенков доставил на выставку, организованную по случаю конгресса в обширных залах Исторического музея, коллекции знаменитых минусинских бронз. Кроме того, по просьбе организаторов собрание ученых, Дмитрия Николаевича Анучина и графини Уваровой, он привез некоторые из своих замечательных находок, обнаруженных при раскопках двух погребение людей новокаменного века, - живые и выразительные скульптуры лосей, вырезанные из кости. Свои сокровища представили также музеи Томского университета и Восточно-Сибирского отдела Географического общества. Среди них внимание всех привлекали изделия из камня и кости, добытые Витковским при раскопках неолитического могильника на реке Китое, притоке Ангары и предметы, найденные при раскопках Еленевым пещер в долине реки Бирюсы. В Сибири к 1892 году было открыто 14 музеев, и хозяева конгресса сделали все, чтобы представить ее не просто как область льдов, морозов и пустынных степей, а как часть России, «где живут люди мыслящие и трудящиеся».

Иван Тимофеевич предложил для доклада тему, связанную с исследованиями памятников, «оставленных над Енисеем человеком - современником мамонта». Разве можно упустить момент и не представить на суд ведущих ученых Европы, занимающихся историей человека и его культуры, свое любимое детище? Можно ли придумать вопрос более волнующий, чем проблемы открытия следов древнейшей культуры из далекой Сибири?

Савенков приготовил для выставки самые лучшие изделия человека с Афонтовой горы, подобрал коллекцию костей древних животных, в том числе останки мамонта, найденные в том же слое лёсса, где залежали каменные орудия.

Для Савенкова конгресс представлялся великолепной школой, местом приобщения к большой науке. В залах нового здания Московского университета, где прослушивались доклады, он наблюдал за корифеями европейской антропологической науки - Анатолий Петрович Богданов, патриарх и основатель русской антропологии, и Дмитрий Николаевич Анучин представляли Россию, Рудольф Вирхов - Германию, изящный Серджи - Италию, седоголовый высокий Кольман - Швейцарию...

От доклада Вирхова Савенков ожидал особенно много. Знаменитый врач и антрополог, посвятивший изучению человека многие десятилетия жизни, Вирхов всегда находился в центре внимания специалистов, обсуждающих проблемы древности рода человеческого, пути эволюции человека и вопрос о его происхождении.

Авторитет Вирхова был непререкаем. Не удивительно, что в Москве этот почтенный старик с видом ученого, изнуренного непрерывным бдением в кабинете, постоянно находился в центре внимания огромной толпы и переполненного слушателями зала. Он умел держать их в руках! Невысокого роста, с небольшой седенькой округлой бородкой на лице, с которого, кажется, не сходила холодная и тонкая, полная желчной иронии улыбка, как бы застывшая на бледных губах, красноватые веки слегка слезящихся глаз. Профессор бросал с трибуны полные язвительного сарказма фразы. Публика в конце речи покрывала его слова шумными аплодисментами.

В этой отнюдь не вдохновляющей и окрыляющей Речи не было и тени веры в могущество человеческого знания, в человеческий прогресс, которыми наполнялось каждое выступление, печатное или устное, творцов современной антропологии в Европе Брока и Катрфажа.

Вирхов считает, что, несмотря на кажущиеся успехи в археологии и палеоантропологии, вопрос о происхождении человека, как и поиски места, где он мог произойти и откуда затем расселился, не сдвинулся с мертвой точки. Древнейший третичный человек? Но кто и когда находил его останки?! Неандертальский череп, обезьяночеловек? А где доказательства, что в пещере не был похоронен казак, участник кампании 1814 года?! Вы настаиваете, что подобные черепа не курьез природы? Прекрасно, но почему именно они «недостающее звено», связывающее обезьяну и человека!

Вирхов с высоты своего научного авторитета и трибуны, возвышающейся над сидящими в зале, смеется, иронизирует, издевается...

Нет никакого сходства в строении и физиологии человека и обезьяны. Наследственность - не что иное! как передача неизменяемых существенных признаков рода. Резкие, не допускающие возражений выкрики, как удары молота, падают в зал. Снова, приступ злой иронии и язвительного сарказма, остроумие сомнительного свойства: вы утверждаете, что чешуйчатые отростки височной кости австралийцев и антропоидных обезьян сходны, и на этом основании позволяете сблизить человека и обезьяну? Прекрасно, но будьте логичны и последовательны: рунообразные волосы негра близки растительности овцы и пуделя - так сблизьте человека с пуделем!

Поиски решения задачи такого рода, за которую взялись столь же энергично, как и самонадеянно некоторые ученые умы, потерпели полное крушение. Нет древнего антропоида, от которого произошел человек! «Недостающее звено», связывающее обезьяну и человека, - химера. Человек - современник мамонта? Не верю! И вообще, вопросы, связанные с происхождением человека, праздные, и над ними не стоит ломать голову.

Каждая фраза охлаждала, сдерживала, наполняла скептицизмом в отношении к смелым теориям и гипотезам, которые бурно выдвигала молодая палеоантропология. Желчный старческий консерватизм Вирхова, желание свести счеты со старыми противниками произвели на Савенкова гнетущее впечатление. Не верит, что человек был современником мамонта. Но если подобное объявляется для Европы, можно представить, каким образом могут встретить утверждение, что в Сибири в эпоху мамонта жили люди каменного века. Ведь Вирхов в конце доклада советовал братья за решение вопросов более посильных, чем туманный и неопределенный палеолит, - например, изучать культуры бронзового века и их распространение. Характерно, что Вирхов словом не обмолвился о тех, кто вот уже в течение полувека работал в области изучения палеолита, но же время археологов-«бронзовиков» снисходительно назвал «гениями-покровителями».

Однако Ядринцев, который, как он заявил, не поддался «обаянию минуты и созерцанию великого ученого», успокоил Ивана Тимофеевича и шутя сказал, что на него, единственного из русских участников конгресса, выставившего доклад о палеолите, падает тяжелая миссия поколебать сомнения самого Вирхова в возможности одновременного существования мамонта и человека, да еще где - на самых задворках мира, в Сибири!

Второй гость, швейцарский антрополог Кольман, произвел на Савенкова значительно более благоприятно впечатление. Блестящий эрудит, профессор анатомии Базельского и Мюнхенского университетов, Кольман предстал перед слушателями как ученый, страстный увлекающийся. Седой высокий старик, сухощавый и сановитый, с длинной густой бородой; у него в характер не было и тени той злобности, которая бросалась в глаза в Вирхове. Кольман явно не желал тратить время на пустословие. Он приехал в Москву работать, у него четкие новые идеи и точный план. В докладе сделаны ясные выводы и глубокие обобщения.

Правда, Кольман не говорил о палеолите. Но тема его выступления очень заинтересовала Савенкова. Швейцарский профессор рассматривал -сложную проблему формирования европейских рас и утверждал, что уже в неолите на территории Европы «странствовали» представители нескольких расовых разновидностей.

Кипение страстей в европейской науке, связанной с проблемой первобытного человека, не могло, разумеется, не найти своего отражения в дискуссиях.

Приобщение к творческому духу настоящей науки волновало и радовало Савенкова. Ему не удалось прочитать доклад самому. Эту миссию взяла на себя графиня Уварова, которая доложила его участникам конгресса на французском языке. Специалисты могли по достоинству оценить характер великолепно и на уровне достижений археологии палеолита того времени проведенного исследования Афонтовой горы, самой яркой из енисейских палеолитических стоянок.

Савенков оказался талантливым учеником своих знаменитых учителей - Черского и Лопатина. Чтобы тебе поверили в главном: в глубокой древности каменных изделий, нужны беспристрастные и точные геологические и палеонтологические наблюдения. Итог многих лет экскурсий, во время которых проводились тщательные нивелировки местности и «топографическое ее изучение», вылился в классически четкую и ясную геоморфологическую схему трех речных уступов, прорытых в долине древним Енисеем, когда тысячелетия назад он был во много раз многоводнее и шире.

Характеристике лёссов Афонтовой горы, силам, отложившим его, Савенков не случайно уделял в докладе столько внимания. Условия залегания каменных орудий и обломков костей объясняли чрезвычайно важный факт: древняя фауна не смывалась с вышележащих уступов и не перемешивалась внизу со значительно более поздними по возрасту каменными орудиями. Кости и камни датируются одним достаточно древним временем, насчитывающим многие тысячи лет.

«Лёсс Афонтовой горы - воздушного происхождения. Кости животных и орудия погребались лёссом одновременно и находятся на месте своего первоначального положения. Все это более согласно с действительностью и нисколько не противоречит геологическим и топографическим данным». Там, где кости мамонта, носорога, северного оленя, бизона и собаки встречаются вместе с каменными инструментами, по решительному утверждению Савенкова, «нет ни складок, ни изгибов, ни переломов, ни сдвигов. Ненарушенность напластований лёсса вне всякого сомнения!»

Затем последовало самое удивительное - рассказ о находках изделий древнего человека Сибири. Сначала казалось, что Савенков представляет вещи интересные, но все же достаточно известные. Интересные потому, что никто никогда всерьез не мог представить, что в Сибири, отдаленной от Западной Европы многими тысячами километров, окажутся орудия, по типу - точные копии европейских.

В коллекциях с Афонтовой горы имелась прежде всего целая серия крупных, грубо обработанных скребел. Достаточно было бросить даже беглый взгляд, чтобы увидеть в них характерные палеолитические орудия ашельского или мустьерского времени. Скребела отличались крупными размерами. Их прямые или чаще выпуклые полулунные рабочие края, крутые, порой почти вертикальные, были сплошь покрыты крупными фасетками сколов и ретуши. От этих орудий, едва уместяющихся в ладонях, веяло подлинной первобытностью.

Остроконечники, или остря, - неременный спутник скребел на древнепалеолитических стоянках - так же были обнаружены на берегах Енисея. Эти удивительные инструменты, которые могли с успехом употребляться в качестве ножей и проколов, наконечников копий и дротиков, также выглядели чрезвычайно архаически. Их изготавливали из широких пластинчатых сколов, заостренных на конце. Это не были наконечники, характерные для неолита, - строго симметричные, струганные стелющейся ретушью с обеих широких плоскостей. Енисейские остроконечники слегка искривлены -

мастер подправлял только края орудия, оставляя поверхности его нетронутыми. По типу афонтовские острия не отличались существенно от мустьерских, ашельских из Франции.

Как скребла и остроконечники, так и ряд других изделий, например ножи и скребки, изготовлялись из сколов, полученных после специальной обработки каменных желваков-нуклеусов. Типы нуклеусов, относящихся к разным этапам каменного века, отличаются друг от друга. Афонтовские нуклеусы дисковидной и подпрямоугольной формы, покрытые на поверхности скалывания отщепов и примитивных пластин «негативами» снятых заготовок, принадлежали, как и следовало ожидать, к древнейшим образцам.

Особую серию орудий составляли галечные инструменты. Обыкновенные речные гальки, крупные и тяжелые, превращались первобытным человеком в изделия самого разнообразного назначения: здесь были то поровидные орудия с лезвием, оформленным несколькими скупыми сколами на одном из концов гальки, скребловидные инструменты, изготовленные из плоских вытянуто-овальных галек; из них же при необходимости делали нуклеусы как дисковидные, так и подпрямоугольные. Отличительной особенностью галечного комплекса сибирской палеолитической культуры было то, что, ни одно из орудий не обрабатывалось с двух сторон - сколы покрывали только одну поверхность. Поэтому при близком сходстве скребел и остроконечников Афонтовой горы с ашель-мустьерскими орудиями Европы несколько неожиданным оказалось отсутствие рубил - своеобразных топоров древнекаменного века. Что это - показатель более позднего возраста енисейского палеолита, когда рубила исчезли из употребления?

Из этого следовало, что на берегах Енисея жили не ашельские люди, а неандертальцы, мустьерцы.

К такому заключению и можно было бы прийти, если бы находки ограничивались только перечисленным выше комплексом орудий. Но своеобразие и необычность культуры каменного века, открытой и теперь представленной сибирским археологом участникам конгресса, не завершались на странном и вызывающем удивление наборе первозданных галечных инструментов, которые порой представлялись самыми первыми из когда-либо сделанных человеком изделий из камня (настолько примитивными они выглядели). Пока продолжался рассказ о них, специалисты слушали с любопытством, но без явных признаков недоверия. Однако, когда Уварова упомянула о второй большой группе каменных орудий, а вслед за тем и об изделиях из кости, ветерок сомнения прокрался в зал.

Если верить Савенкову, люди, изготовившие скребла, остроконечники и рубящие орудия из галек и занимавшие, судя по всем признакам, одну из низших ступенек эволюции человека, не были столь уж неискусны в обработке камня, как кажется на первый взгляд.

Вместе с грубыми и массивными, неправильной формы отщепами и пластинчатыми сколами, на «брюшке» (поверхности раскалывания) которых выделялись крупные ударные бугорки, свидетельствующие об огромной силе, с какой дробился камень, были найдены также ножевидные пластинки - правильные, изящные, строго прямоугольных геометрических форм. Эти пластинки не могли отделить при обработке дисковидных, прямо-Угольных и тем более примитивных галечных нуклеусов.

И действительно, среди сборов с Афонтовой горы были и принципиально иные нуклеусы. Они имели вид приостренных конусов или призм. Основания этих изделий, округлые или вытянуто-овальные, представляли собой площадку, тщательно выстроганную уплощающими сколами. Иногда по краю площадки были заметны дополнительные мелкие сколы. Ее не случайно подтесывали столь тщательно. Сверху по краю наносился точно рассчитанный удар или, может быть, нажим камнем или костью, и с боковой плоскости конуса отскакивала миниатюрная ножевидная пластинка!

Нуклеусы такого типа и снятые с них пластины - обычные находки на поселениях неолита. Неужели обитатели Енисея, современники мамонта и северного оленя, овладев

такой высокосовершенной техникой обработки камня, продолжали изготавливать скребла и остри конечники, которыми пользовались десятки тысячелетий назад? Как объяснить странное совмещение в одном культурном слое орудий предельно примитивных и совершенных? Своеобразием культуры? Ничего подобное никогда и нигде не находили.

Две техники обработки камня, отчетливо выделяющиеся на материалах Афонтовой горы, с точки зрения сложившихся представлений совершенно несовместимы. Тут что-то не так.

Еще более удивительно, что мустьерско-ашельские комплексы Енисея сопровождаются изделиями из кости! Ни в одном из памятников палеолита Европы, исследованного к началу 90-х годов, костяные орудия не были встречены. Они появляются значительно позже, в эпоху верхнего палеолита. Но даже и среди верхнепалеолитического инвентаря европейских поселений, несмотря на его разнообразие, не находили того, что посчастливилось обнаружить Савенкову на Афонтовой горе.

Среди изделий из кости обращали на себя внимание кинжаловидные острия с очень узкими глубокими желобками, пропиленными вдоль одного края. Кажется, никакого практического смысла пропиливание подобных канавок не имело. Для чего они могли служить? Савенков разгадал назначение желобков.

По его мнению, кинжаловидные костяные острия представляют собой только часть орудия комбинированного типа, служат его основой - гибкой, эластичной и в то же время твердой и прочной. Однако край костяной основы, каким бы острым ни старался сделать его мастер, в работе никогда не дает того эффекта, который достигался с помощью расколотого камня. Древние охотники изобрели гениальную и столь же простую комбинацию из кости и камня: в пропиленный вдоль края основы паз вставили тонкие и правильные ножевидные пластинки, плотно подогнав их друг к другу!

Разгадать назначение подобного орудия не менее трудно, чем изобрести его: ни Савенков, ни слушатели его доклада ничего подобного никогда не находили в Европе. А ведь она всю вторую половину прошлого века была центром изучения палеолита.

Для охоты на крупных животных, вроде мамонта или медведя, нужно было иметь оружие достаточно надежное и мощное. Всеми необходимыми качествами ни камень, ни кость, ни дерево не обладали, и только комбинация из них привела к появлению удивительных вкладышевых инструментов.

Кто мог ожидать от первобытного охотника такой технической изощренности? Почему подобное изобретение оказалось характерным только для Сибири?

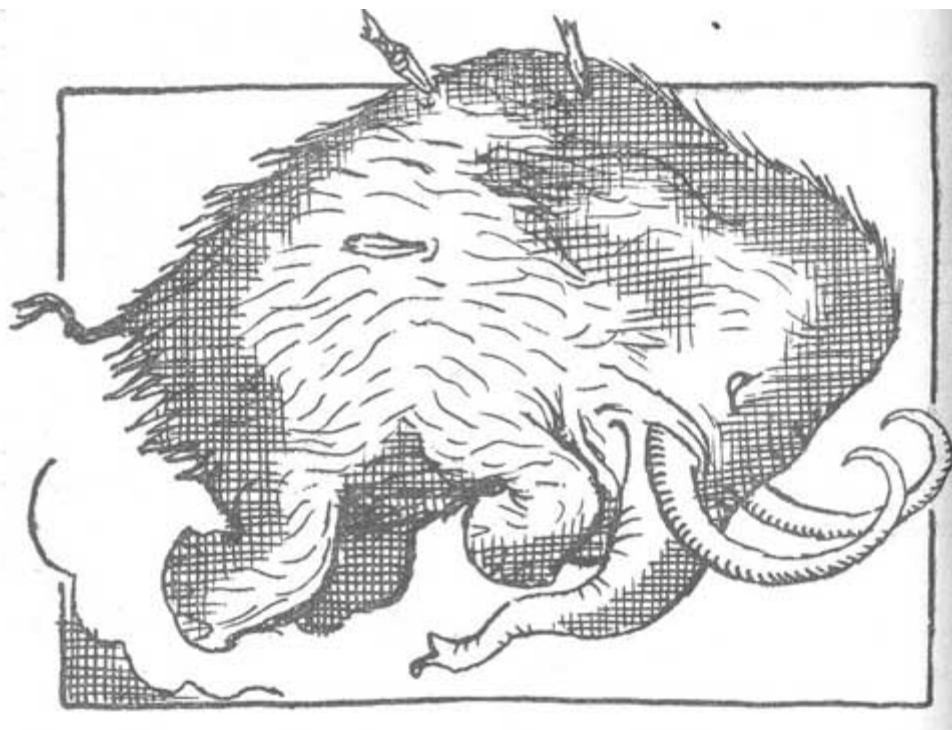
Ножевидные пластинки могли вставляться в костяную оправу без какой-либо дополнительной обработки: края их были идеально острыми, как хорошо отточенное металлическое лезвие. Оставалось только подобрать серию пластинок, которые по толщине не превосходили ширину паза и хорошо совмещались друг с другом. Затем пластины в определенном порядке загонялись в пропиленную в кости канавку и для прочности скреплялись древесной смолой или клеем.

Однако первобытный охотник вскоре понял основной недостаток подобных лезвий - их края оказывались хотя и острыми, но чрезвычайно хрупкими. Достаточно было кости или жестким сухожилиям попасть под лезвие, как оно немедленно ломалось и становилось тупым. Поэтому-то, очевидно, вместо простых ножевидных пластинок-вкладышей появляются пластины, специально обработанные по краю ретушью. С первого взгляда могло показаться, что мастер безнадежно губил орудие, пластинка не заострялась, а, напротив, затуплялась: ее наиболее острая часть обламывалась крутыми фасетками ретуши, и именно этот, а не противоположный край выступал из паза костяной оправы кинжалов и копий! Лезвие инструментов становилось, разумеется,

значительно более тупым, но зато не обламывалось и надежно служило хозяину в работе, порой далекой от тонкой и деликатной. Ножевидные пластинки служили заготовками для набора разнообразных инструментов. Из них делали не только вкладыши, но также мелкие скребки, проколки, ножи, пилки. Из небольших сколов изготавливали круглые и вытянуто-овальные скребочки, применявшиеся для обработки шкур (с их помощью снималась мездра), дерева и кости.

Отличия между сериями грубых и примитивна орудий из галек, остроконечниками и скреблами, а же дисковидными нуклеусами, с одной стороны, какими инструментами из ножевидных пластин и небольших отщепов - с другой, были настолько разительным, что производили странное впечатление. По выработанным и установившимся к 90-м годам XIX века представлениям, эти два комплекса нельзя совместить. Если первый из них можно уверенно датировать ранней стадией палеолита, то второй - поздней, или верхним палеолитом. Некоторые из вещей по тонкости их обработки совершенству не выходили даже из рамок набора орудий, характерных для неолита!

Находки Савенкова из Сибири явно не укладывались в знакомые и привычные схемы и требовали поэтому своего объяснения. Выхода было только два: объявить открытие на Енисее «подозрительным» или признать древнейшую культуру человека в Сибири оригинальной и своеобразной, не похожей на европейскую. Второй выход не устраивал как господствующее в то время в археологии эволюционное, или, как тогда говорили, «трансформистское», направление с его жесткими и не допускающими отклонений путями и ступенями развития древней культуры человека, так и, естественно, кто вообще противился признанию реальности существования палеолитических охотников на мамонтов носорогов. Первый выход был проще, спокойнее, естественнее, и поэтому, очевидно, большинство «эрудитов» и «законодателей» конгресса с большой подозрительностью и недоверием слушали текст сообщения Савенкова, который продолжала спокойно и бесстрастно зачитывать графиня Уварова.

А она сообщила, что, кроме основ для вкладышевых наконечников копий и ножей, древние обитатели Енисея изготавливали из кости шары, проколки и шилья, иглы и украшения. В дело шли также роговые стержни: из них делали колотушки или молотки, мотыги для вскапывания глины и загадочные предметы с широким круглым отверстием на конце. Зал оживился, когда последовало их описание - это были так называемые

«жезлы начальников», которые часто встречаются на стоянках заключительного периода палеолита Европы, так называемой мадленской культуры.

Вновь европейские параллели, но в отличие от каменных орудий древнего комплекса не самые ранние в рамках палеолита, а, напротив, наиболее поздние! Как же сможет первооткрыватель каменного века на Енисее решить проблему датировки этой загадочной сибирской культуры, если в ней причудливо и замысловато перемешались элементы хронологически несовместимых культур и периодов?

Нижнепалеолитические, мустьерские и ашельские по типу орудия не ввели Савенкова в заблуждение и не толкнули к соблазнительному выводу о невероятно глубокой древности енисейских памятников. Состав древней, вымершей теперь фауны, анализ «топографических особенностей» местонахождения, тщательная проработка всего комплекса каменной индустрии, не позволявшая по соображениям условий залегания как древних типу вещей, так и совершенных орудий разделить на две одновременные группы - нижнепалеолитическую и верхнепалеолитическую, привели Ивана Тимофеевича к выводу о том, что его находки представляли единую культуру.

Вопрос о времени Афонтовой горы Савенков решил неожиданно просто. Находки в карьерах кирпичных заводов датируются, несомненно, палеолитической хой. Подтверждение этому смелому, но тем не менее очевидному и бесспорному для него выводу Иван Тимофеевич видел прежде всего не в типологии каменных орудий, как следовало ожидать, а в геологических и палеонтологических наблюдениях и выводах.

Изделия первобытного человека залегали в одном горизонте с костями мамонта, носорога и северного оленя в глине «постплиоценового» возраста. Поскольку никаких перемещений в слоях древней террасы, что позволяло бы говорить об искусственном смешении палеонтологических и археологических находок, не отмечено, то каменные и костяные орудия изготовлены древним человеком - современником мамонта и северного оленя. По мнению Савенкова, это была эпоха, когда началось вымирание мамонта, и (здесь следовало самое неожиданное), «следовательно, палеолитическая эпоха двигалась к концу»!

В конце сообщения Савенкова говорилось о предварительности его заключений. Он осторожно писал о «наблюдениях», «предварительных соображениях», а выводы свои

скромно назвал «самыми предварительными», «без малейшей претензии на решение вопросов». Собранный почти за десятилетие материал Савенков отдал на суд ученых и говорил, что решающий голос в научных вопросах принадлежит отнюдь не любителям, а случайным собирателям научных материалов, а ученым-специалистам.

Доклад вопреки ожиданиям устроителей конгресса стал для ряда специалистов настоящей сенсацией и «центральным событием». Сила его заключалась не только в том, что Савенков представил данные о «сенсационных материалах», полученных в таежной Сибири, но и в квалифицированности его рассуждений. Новизна фактов, профессионализм «ревностного археолога Савенкова» привели французских делегатов в изумление, а его коллекции, выставленные в одном из залов выставки, стали для них «настоящим откровением».

Не все, однако, поняли значительность открытия. Многие, в том числе и Рудольф Вирхов, «злой гений» исследователей древнейших людей и их культур, приняли сообщение из Сибири равнодушно. Когда председательствующий попросил делегатов высказаться по поводу прослушанного доклада, то его призыв сначала не нашел отклика.

Наконец слова попросил барон де Бай. Он сказал об огромном интересе западноевропейских, и в частности французских, археологов к сибирским древностям. До сих пор можно было только предполагать, что собой представляла древнейшая культура каменного века Сибири, поскольку европейские ученые не знали ни об одном факте открытия здесь палеолитического поселения. Русскую археологическую науку можно теперь поздравить с выдающимся достижением - сибирский исследователь Савенков представил конгрессу удивительные вещи несомненно палеолитического возраста. Сибирская палеолитическая культура действительно оказалась необычной: в ней древние, нижнепалеолитические по характеру вещи соседствуют с развитыми, почти неолитическими по облику. Таким образом, подтвердилось предсказание Катрфажа о возможности открытия в Северной Азии «неолитической индустрии, соединенной с четвертичной фауной!» Каменные и костяные орудия, извлеченные из лёссов Афонтовой горы, залегали в ней вместе с костями мамонтов, носорогов и «верных оленей.

- Я вчера осматривал выставку, - продолжал де Бай, - и корреспондент одной из московских газет задал мне традиционный вопрос: «Что больше всего понравилось вам в залах, что больше всего поразило Вас?» Мне не хочется обижать никого из тех, кто представил на выставку свои коллекции, - все они интересны. Но прошу быть снисходительным ко мне и моим слабостям к палеолиту: я ответил, что сборы господина Савенкова стали для меня настоящим откровением! Они стали для меня самым неожиданным из всего, что, когда-либо видел на подобных конгрессах. Что касается доклада, то он мне кажется наиболее значительным научным событием среди представленных оценке членов настоящего конгресса.

Однако, как ни странно, выступление де Бая было первым и последним, где упоминались находки Савенкова и давалась оценка значения его открытия по палеолиту. Так, в замечаниях Анучина говорилось только о скульптурных изображениях неолитического времени, обнаруженных Иваном Тимофеевичем на Енисее, он ни словом не обмолвился об Афонтовой горе. Даже палеонтолог академик Шмидт, который с большим вниманием встречал каждую находку, связанную с древними животными Сибири, в реплике по докладу Никитина «О следах четвертичной эпохи в России как результате деятельности доисторического человека» меланхолично констатировал, что он не может указать точных данных об одновременном существовании человека и мамонта ни для европейской России, «ни для Сибири, конечно».

Стоит ли после этого удивляться, что Рудольф Вирхов, решительный противник одновременного существования первобытного человека и мамонта, при ознакомлении с выставкой, где его сопровождал и давал объяснения Николай Михайлович Ядринцев, не пожелал осмотреть сколько-нибудь внимательно стенды с находками Савенкова из

карьеров кирпичных заводов. Его заинтересовали только вещи, добытые Витковским при раскопках неолитического могильника в устье реки Китой в Прибайкалье.

Причин для огорчения у Ивана Тимофеевича было более чем достаточно. Сколько надежд возлагал он на поездку в Москву, с каким удовольствием и трепетом представил для выставки камни и кости Афонтовой горы, и вот результат: серьезного разговора о находках не получилось. Приятно было, конечно, слушать комплименты де Бая, но, может быть, он просто золотил горькую пилюлю?

Де Бай, однако, и в последующие дни продолжал оказывать Савенкову подчеркнутые знаки внимания. Он беседовал с ним об Афонтовой горе и условиях местонахождения каменных орудий, попросил разрешения сфотографировать некоторые из находок и опубликовать их для сведения западноевропейских ученых в одном из научных журналов Франции. Барон высказывав горячее желание побывать в Сибири и в особенности на Енисее, в Красноярске.

Они расстались в Москве, чтобы никогда уже больше встретиться, хотя де Бай сдержал свое обещание приехал в Красноярск. Савенков покинул к этому времени Сибирь и переехал на новое место работы - в Варшаву. Де Бай, однако, поддерживал с Иваном Тимофеевичем переписку.

В середине 90-х годов де Бай совершил одиннадцатое путешествие по России. Во время этой поездки, которая заняла полгода, он посетил крайние восточные, примыкающие к Уралу, европейские губернии России, а затем проехал всю Сибирь вплоть до Красноярска. Это было путешествие по возможным маршрутам продвижения древнейших людей с востока, из Азии, на запад - в Европу. Одним из главных стимулов поездки было открытие Савенкова на Афонтовой горе.

Цель поездки, писала газета «Енисейские губернские новости», освещая пребывание гостя из Франции в городе, заключалась в том, «чтобы окончательно рассеять зародившееся у археологов недоверие (к древностям, открытым Савенковым. - В. Л.), осмотреть все исследованные господином Савенковым местности, собрать там необходимый материал и своим опубликованием его подтвердить несомненность существования палеолитической эпохи в окрестностях Красноярска».

Де Бай прибыл в Красноярск в середине августа 1896 года и сразу же после визита в музей высказал, писала та же газета, чрезвычайную заинтересованность теми местностями, в которых Савенков нашел весьма много предметов палеолитической эпохи. Вместе со старыми коллегами Ивана Тимофеевича по работам в окрестностях Красноярска - Проскуряковым, Кибортом и Лингвальдом де Бай совершил четыре экскурсии на Афонтову гору, это, по его словам, «Эльдорадо давно исчезнувшей культуры каменного века».

К сожалению, осенью в карьерах кирпичных заводов не добывалась глина, из которой землекопы выбрасывали массами кости животных и каменные орудия, не придавая им решительно никакого значения. Тем не менее находки на Афонтовой горе оказались обильными. Де Бай собрал коллекцию выразительных каменных орудий (среди них преобладали скребла) и множество костей древних животных, в том числе и мамонта, носорога, аргали, первобытного быка и северного оленя.

Афонтова гора произвела на барона глубокое впечатление. На этом уникальном памятнике заслуживающем, по его словам, детального изучения, можно отследить эволюцию культур, начиная от каменного века и кончая железным. Что касается общей оценки наблюдений над палеолитом Афонтовой горы, то, как отмечалось в газетной корреспонденции, с тем «значительным и в высшей степени ценным палеолитическим материалом... барон заранее и смело мог уже торжествовать победу над скептицизмом своих собратьев по науке», которые не хотели принимать всерьез енисейский палеолит.

В 1899 году де Бай вновь посетил Красноярск и дважды совершил экскурсию на Афонтову гору. Его археологические сборы, как и в первый раз, отличались большим разнообразием и обилием. Кроме того, он побывал в Минусинске, где познакомился с самым богатым из сибирских музеев, откуда Савенков, «его усердный сотрудник», был направлен в 1892 году на международный конгресс в Москву. Результатом поездок де Бая в Сибирь стали несколько статей и книга, в которой подробно рассказывалось о работах на Енисее.

Известно, что де Бай весьма скептически относился к палеолиту, открытому в европейской части России к 90-м годам прошлого века. Он считал недостаточно разработанными вопросы геологической и палеонтологической датировки палеолитических находок русский. Во всяком случае, открытия, о которых шла речь на конгрессе в 1892 году в Москве, позволили ему «сомневаться относительно глубокой древности следов человеческой работы». Дело в том, что, по мнению де Бая, обработанные камни из европейской России («они представляют особый характер») сильно отличались от палеолитических изделий Западной Европы. В то же время свои сибирские сборы и находки Савенкова он сразу же безоговорочно датировал палеолитом. На него, очевидно, произвели сильное впечатление безупречные по точности геологические и палеонтологические наблюдения первооткрывателя енисейского палеолита и выразительность сборов на Афонтовой горе.

Де Бай выделил среди орудий из Сибири «формы, типичные для западноевропейских находок», и оценил это как «факт большой важности». «Они (то есть изделия. - В. Л.) имеют форму, хорошо известную по находкам во Франции в индустриях периода палеолита. И далее уточнял: «Они представляют индустрию, которую мы обозначаем на Западе как характерную для так называемой эпохи мустье». Причем «точные формы примитивным орудиям» палеолитический человек в Сибири придал, несмотря на «довольно трудное для обработки сырье» - кварцит.

Де Бай становится настоящим популяризатором выдающегося открытия Савенкова на Енисее. В Музее естественной истории в Париже барон организовал выставку археологических находок, обнаруженных на Афонтовой горе и в ряде других мест в окрестностях Красноярска. Ее посетили видные французские ученые, о том числе члены Антропологического общества и видные археологи Капитан и де Месиль.

Французский палеонтолог Годри специально занимался определением многочисленных костей, найденных де Баем на Афонтовой горе. Заключение его не противоречит выводам Савенкова: в толщах Афонтовой юры залегает «допотопная фауна» - мамонт, носорог, северный олень!

Летняя выставка де Бая в музее способствовала широкому ознакомлению французских специалистов каменного века с открытиями Савенкова в Сибири. Палеолитические изделия из Красноярска поразили всех своей архаичностью и примитивизмом. Недаром Капитан, сравнивая сборы де Бая на склонах Афонтовой горы с европейскими находками палеолита, не употребляет для их датировки иного хронологического подразделения, чем мустье.

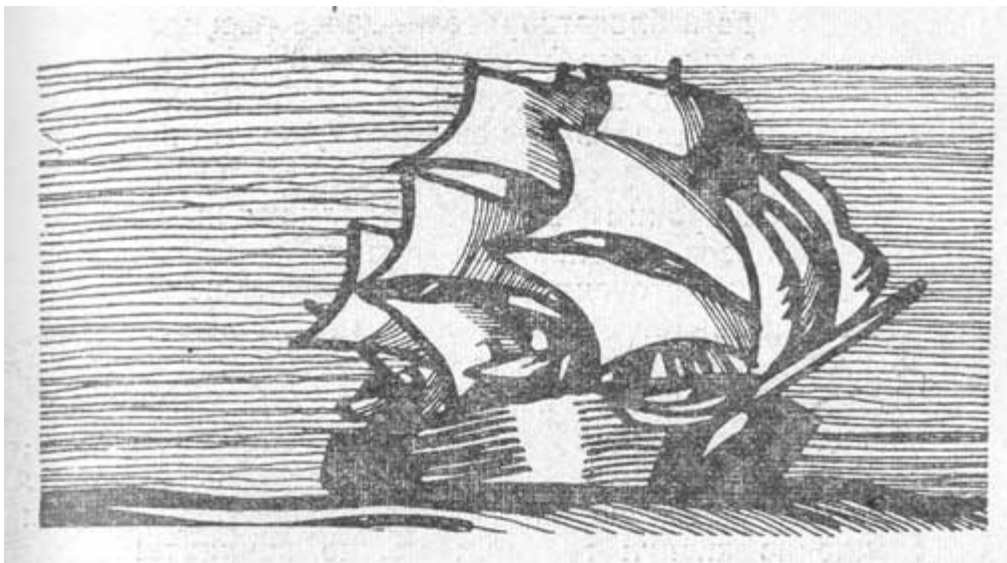
Де Бай предпринимает, кроме того, еще один важнейший шаг для ознакомления ученого мира Европы с находками Савенкова - он выступает в Париже перед членами Французской академии наук со специальным сообщением о выдающемся значении его открытия на Енисее, сопровождая рассказ демонстрацией фотографий каменных орудий Афонтовой горы. В восторженном и темпераментном докладе де Бай характеризовал сообщение Савенкова на конгрессе в Москве как «лучшее украшение», «истинный его научный центр». Работы Савенкова на Енисее, по его словам, «открывают новую эру в исследованиях о начальном периоде существования человека и там, где предполагалась его колыбель. Эта новая эра будет плодотворна благодаря добросовестным работам, для которых господин Савенков столь блестяще проложил дорогу».

Де Бай высоко оценил энтузиазм, преданность делу и огромный труд Савенкова, вложенный в изучение палеолита Сибири. За открытие его сибирскому труженику «ученые мира должны выразить признательность». Он также подчеркнул необыкновенную скромность исследователя, которая, по его словам, «столь же велика как велики его заслуги».

В следующем же издании труда «Доисторическая жизнь» Габриэля де Мортилье, отца научного палеолитоведения, непререкаемого авторитета по вопросам древнейших этапов культуры человека, появились сведения о памятнике каменного века, найденном на берегах далекой сибирской реки Енисея. Afontova gora стала знакома в Европе всем, кто интересовался ранними культурами Старого Света. Сибирский палеолит вошел наконец в мировую науку.

А что Савенков? Он остался таким же скромным, когда по обстоятельствам службы ему пришлось покинуть Сибирь, большую часть коллекций, собранных на любимой Афонтовой горе, он решил передать в дар Академии наук. В архиве Института этнографии хранится большой разлинованный лист бумаги, пожелтевший от времени. Наверху его надпись: «В Императорскую Академию наук. Заявление И. Т. Савенкова». Далее следует текст, написанный рукой Ивана Тимофеевича. Он пишет, что приносит в дар академии без каких-либо вознаграждений все свои коллекции по палеолиту. Основной мотив, побудивший его совершить подобный шаг, заключается в том, чтобы коллекции эти «не затерялись и чтобы их временами выставляли».

История третья. Один шанс из миллиарда

*Мы обращаемся к будущему.
Нынешнее поколение скажет: это
сумасбродство. Будущее поколение
скажет: быть может.*

Б у ш е д е П е р т

Рудольф Вирхов сделал широкий приглашающий жест беспредельно радушного и гостеприимного хозяина. Сегодня, 14 декабря 1895 года, он имеет на это право не только потому, что все давно привыкли видеть его в роли участника модных теперь в городах Европы диспутов, связанных с туманными и щекотливыми проблемами происхождения человека. Почетное председательское место на собрании Берлинского общества антропологии, этнографии и первобытной истории занял несколько мгновений назад именно он, профессор Рудольф Вирхов, знаменитый патологоанатом, антрополог, врач и к тому же действительный тайный советник императорского величества.

Когда знаменитость, по привычке слегка запоздав, появилась в зале заседаний общества, свободным было только председательское кресло: сегодняшнее собрание привлекло на редкость многочисленную аудиторию. В первом ряду сидели седовласые старцы - почетные члены общества и благодетельники, далее расположились те, кто составлял ученый цвет собрания, - анатомы, зоологи, палеонтологи и, конечно, археологи... В проходах стояли гости, в основном студенты и гимназисты.

К столу широким шагом приближался высокий стройный человек средних лет. Его лицо, слегка утомленное, но сосредоточенное и решительное, не могло не привлечь внимания: высокий лоб, энергичные складки около уголков губ, прикрытые коротко подстриженными седоватыми усами, строгие, слегка настороженные глаза, взгляд оценивающий и немного насмешливо-критический. Вирхов внутренне поежился, когда их глаза на мгновение встретились, но тут же взял себя в руки и благосклонно кивнул головой: можно начинать!

«История поистине повторяется», - с усмешкой подумал Вирхов и еще раз взглянул на трибуну докладчика, как будто и в самом деле хотел убедиться, что за ней стоит не

Иоганн Карл Фульротт, а новый его оппонент с новым черепом обезьяночеловека: Евгений Дюбуа.

Докладчик между тем с трудом откашлялся (эта противная берлинская зима с ее холодом свалит, наверное, его в постель!) и внимательно посмотрел в зал.

Позади заседания ученых обществ разных рангов вплоть до международных конгрессов в Лондоне и Париже, Эдинбурге и Дублине, Лейпциге и Иене... Теперь вот Берлин. И снова Дюбуа собирается с яростью и непреклонностью фанатика отстаивать то, что стало благодаря все той же безграничной убежденности главным событием его жизни. Какие надо найти слова, чтобы затронуть не только мозг, но и душу слушателей?

Подозревает ли кто из сидящих в зале и слушающих его спокойную речь, что отнюдь не радость и удовлетворение принесло ему «великое открытие», сделанное семь лет назад на Яве? Если бы знать, сколько страданий, потрясших его до глубины души и сделавших неузнаваемым даже для самого себя, последует за счастливым мгновением осуществления мечты, стал ли он с таким беззаветным упорством стремиться к ней, не замечая добрых и мудрых советов друзей?

Пока Дюбуа растолковывает собравшимся суть своих идей, обоснованных не только общими соображениями, но и строгими выкладками измерений, принятых антропологами, резонно обратиться к событиям десятилетней давности...

Конец октября 1887 года выдался в Амстердаме на редкость дождливым и холодным. Рыхлые облака закрыли шпили соборов, сплошной пеленой укутали небо. Высланная крупными плитами, обычно нарядная набережная порта покрылась скучными серыми лужами. От одного вида мутной воды, перекачиваемой под порывами ветра, бросало в холодную дрожь и знобило.

Народу на пристани почти не было: портовые зеваки из-за непогоды сидели дома, а провожающих набралось немного. В море в тот день уходил только небольшой бриг. Рядом с трапом стояла группа людей, в основном военные моряки, а несколько поодаль двое гражданских - один сравнительно молодой человек, второй - пожилой. Издали они выглядели как двойники: одинаково короткие, согласно моде, скуртуки, черные цилиндры, белые шарфы, закрывающие грудь. Только у старшего в руках была трость.

- До посадки на корабль осталось совсем немного времени, - говорил он. - Я достаточно хорошо знаю тебя и твое знаменитое упрямство и все же еще раз прошу: подумай, пока не поздно. Вот она, ирония судьбы и сюрприз на старости лет - Евгений Дюбуа, на которого я возлагал большие надежды, жертвует всем достигнутым, чтобы отправиться ловить мираж! И кто это делает? Может быть, легкомысленный студент, у которого ветер в голове? Нет, доктор медицины и естественных наук Евгений Дюбуа, который всего год назад стал моим ассистентом и лектором анатомии в Амстердамском университете. Подумать только, все это он сменял на звание «офицера второй категории», а попросту говоря, армейского сержанта! Уму непостижимо!

Макс Фюрбрингер, один из выдающихся анатомов Европы, настолько разволновался, что выпустил из рук трость, которая отлетела в сторону. Дюбуа поднял ее и передал хозяину.

- Могу поручиться, угадаю до единого слова каждый из твоих доводов. Хочешь послушать? - спросил он Дюбуа тихо. Учитель, когда сердился, всегда почему-то переходил в разговоре почти на шепот. - Ты еще был в колыбели, когда твой кумир Эрнст Геккель произнес свою знаменитую речь на заседании естественноисторического общества в Штеттине. Это было в 1863 году. Тогда он впервые объявил, что у обезьян и человека одни предки и надо найти знаменитое «недостающее звено», которое, кстати, два с лишним десятилетия так и остается «недостающим»!

- Но именно в нем разгадка родословной человека, - попытался было возразить Дюбуа, но тщетно.

- Через пять лет вышла в свет не менее знаменитая «Естественная история мироздания» все того же автора. Сколько шума она наделала, и главным образом, из-за двадцати двух ступеней родословного древа человека, «выращенного» в кабинете! Многое в предположениях автора можно было принять даже консерваторам, однако здесь снова на предпоследней ступеньки появилось «недостающее звено». Впрочем, какое же оно «недостающее», если Геккель не только описал его особенности, словно неоднократно наблюдал это «звено», но и, случай редкостный в практике зоологов, дал ему название - *Pithecanthropus alalus* - обезьяночеловек бессловесный! Я знаю, откуда все это идет: Геккель ведь никогда не скрывал, что находится под влиянием своего друга - философа фон Шлейхера.

Фюрбрингер замолчал и украдкой взглянул на Дюбуа. Как-то он воспринимает его задиристые выпады против Геккеля? Но тот почтительно молчал.

- Не подумай, пожалуйста, что я испытывал какую-то неприязнь к Геккелю. Напротив, я всегда восхищался смелостью, с которой он обратился к проблеме происхождения человека. В этом вопросе он оказался решительнее самого Дарвина, который, как ты знаешь, не рискнул в «Происхождении видов» затронуть эту тему. Но, объявив о существовании *Pithecanthropus alalus*, Геккель поступил легкомысленно. В не меньше» степени легкомыслен ты, поверив, что в антропологии,» как в астрономии, возможно открытие на кончике пера. В эволюции человека действовали, очевидно, законы куда более сложные, чем в небесной механике. Мы к тому же до сих пор не знаем их, чтобы рисковать предсказывать, каков он, предок человека. Надо дать возможность антропологам спокойно, не торопясь разрабатывать теорию на основе того, что добудут из земли палеонтологи и археологи.

- Но ведь гипотетический предок человека, обезьяночеловек бессловесный, только одна из составных частей гипотезы Геккеля, - осторожно возразил Дюбуа..

- Если бы не было других «составных частей», я не провожал бы тебя сегодня на край света. Но подумай, что за «части», и будь благоразумным. Геккель считает, что наиболее близок человеку древнейший и самый примитивный представитель антропоидных обезьян - гиббон, а не шимпанзе, как доказал с обычной для него основательностью Дарвин. Редкий случай противоречия двух великих мыслителей, но весьма примечательный, поскольку в своих симпатиях к гиббону Геккель почти одинок, Впрочем, многое объясняется пристрастием к эмбриологии. Ведь ему представляется, что эмбрион гиббона наиболее близок эмбриону человека...

Если уж искать предка человека, то в Африке, где с незапамятных времен живут шимпанзе, а не на юго-востоке Азии, где лазают по деревьям гиббоны. Не понимаю, почему в вопросе возможной прародины человека ты отдал предпочтение Геккелю, а не Дарвину?

- Мне трудно объяснить это, - ответил Дюбуа. - Я опасаюсь, что вы обвините меня в мистике, но убежденность моя в правильном выборе места исследований настолько глубока, что я не испытываю ни малейшего волнения перед отправлением в чужие края. Спокойствие мне придает, пожалуй, глубокая вера в справедливость эволюционной теории Дарвина, Гексли, Геккеля в применении ее к человеку. Это главное. Думаю, успех дела решат в конце концов моя настойчивость и упрямство. Должен же я найти хоть какое-то полезное применение дурному качеству моего характера? Может быть, Геккель не прав в своих пристрастиях к гиббону, но ведь в доледниковые времена в Голландской Индии могли жить шимпанзе, которые затем вымерли...

- Стремимся примирить непримиримое? - покачал головой Фюрбрингер. - И Дарвину воздать должное, и Геккеля не обидеть? Не знаю, что из этого получится. Итак, кроме Геккеля, у тебя нет союзников?

- Отчего же нет, - улыбнулся Дюбуа. - Сам Рудольф Вирхов!

Макс Фюрбрингер на мгновение даже потерял дар речи.

- Избавь нас господь от таких союзников, а с врагами мы справимся сами. Что, разве Вирхов изменил свои взгляд на происхождение человека? - с недоверием спросил Фюрбрингер. - Насколько мне помнится вот уже десять лет, со времени Мюнхенского съезда естествоиспытателей и врачей, когда, грома Геккеля, он произнес знаменитую речь «Свобода науки в современном государстве», Вирхов не уставал твердить одно и то же: «Никакого низшего типа ископаемого человека не существовало!» Он с таким ожесточением нападал на идеи и факты, связанные с ископаемым человеком» что даже Дарвин, человек редкой терпимости к взглядам противников, вынужден был бросить реплику: «Поведение Вирхова недобросовестно!»

- Нет, Вирхов не изменил своих взглядов, но он не прочь теперь порассуждать о прародине, и знаете, где он ее помещает?

- Если он стал твоим союзником, догадываюсь...

- Родина человека, по мнению Вирхова, находилась между Индией и Голландской Индией, - серьезно пояснил Дюбуа.

- Насколько мне помнится, там нет никакой земли, океан, и только.

- В этом-то и соль - прародину поглотил океана. Она называется Лемурия.

- Вот он, типичный Вирхов! - засмеялся Фюрбрингер. - Родина есть, и ее нет, предки человека были, но остатки их надо выкопать со дна океана. На что же ты, однако, надеешься?

- Океан, возможно, поглотил не всю Лемурию, - в тон учителю ответил Дюбуа. - Суматра и Ява, страна гиббонов, чем не осколки материка прародины Вирхова? К тому же он давно выражает неудовольствие тем, что ведется только теоретическая разработка проблемы «недостающего звена»: «Надо взяться наконец, за лопаты и перестать фантазировать!» Вот я и решил «взяться за лопату» и отправиться на место, которое указал сам Вирхов. Я выполню все его пожелания! Кстати, он допускает, что даже одно-единственное открытие может полностью изменить весь аспект проблемы происхождения человека. Почему бы мне не сделать это одно-единственное открытие?

- У тебя один шанс из миллиарда на успех задуманного предприятия.

- Я выиграю даже при таком невыгодном для меня соотношении.

Макс Фюрбрингер развел руками. Дальнейшие уговоры бесполезны. Он, Фюрбрингер, предпринял все возможное, чтобы поездка, вдохновленная поистине безумными надеждами, не состоялась. Они помолчал немного, и, когда Дюбуа, пародируя университетское начальство, начал рассказывать, как он выколачивая деньги на поездку и получил решительный отказ («подобные затеи надо оплачивать из собственного кармана!»), на бриге часто зазвонил колокол, призывая команду и пассажиров занять места.

Наступила минута расставания.

Вскоре берег скрылся из виду, но Дюбуа еще долго стоял на палубе, слушал тоскливо-призывный крик чаек. На душе у него было отнюдь не спокойно. Жалобы часто находили в ней отклик, и только методичные удары волн о борт несколько глушили тревогу, которая обычно сопутствует человеку, даже если он уезжает из дома на край света. «Надо сразу же заняться чем-то достаточно серьезным, иначе сплин станет хозяином положения», - подумал Дюбуа и направился в каюту.

Здесь ему предстоит провести более полутора месяцев, пока бриг не пристанет к берегу Суматры около Паданга. Если бы год назад кто-то сказал, что ему предстоит стать военным врачом, то Дюбуа только посмеялся бы над шутником. Но поскольку личных средств у Дюбуа не было, а университетское начальство в средствах на экспедиционную поездку отказал ему не оставалось ничего другого, как в 26 лет стать военным, добровольно согласившись служить в колониальных войсках. Это давало ему возможность за казенный счет добраться до «страны гиббонов».

Накануне отъезда Дюбуа доставил на корабль свое незамысловатое имущество. Теперь надо навести порядок в главном и наиболее ценном - записях. Дюбуа открыл один из чемоданов и достал кипу листов, исписанных аккуратным почерком.

Чем же он располагает, чтобы с такой уверенностью! отправиться в путешествие? Прежде всего, нет никаких сомнений в том, что до появления на Земле Homo sapiens, человека разумного, существовал какой-то иной тип людей с ярко выраженными обезьяньими чертами. Чтобы не волновать учителя, Дюбуа не стал вдаваться в детальное разъяснение фактической стороны дела.

Разумеется, Фюрбрингер прав, теоретические рассуждения Генри Гексли и Эрнста Геккеля играли немаловажную роль в его убежденности в правоте заключений о существовании переходной формы, связывают человека и антропоидную обезьяну, так называемого «недостающего звена», обезьяночеловека бес, и о возможном местонахождении прародины человечества на юго-востоке Азии. Особенно в островной

её части, представляющей собой жалкие остатки загадочной Лемурии, поглощенной водами океана.

Однако это только одна, и, может быть, не самая главная, сторона дела. В Европе за последние двадцать лет сделаны поразительные по значимости открытия. Не заметить их могут лишь те, кто начисто лишен способности отказаться от представлений полувековой давности, или люди недобросовестные. До прошлого, 1886 года можно было еще сомневаться в истинном значении открытий Иоганна Карла Фульротта в Неан-дертале и лейтенанта Флинта у Гибралтарской скалы, ссылаясь на отсутствие фактов, подтверждающих глубокую древность костных останков пещерного человека, которого антрополог Вильям Кинг назвал неандертальцем. Но что скажут противники теперь, когда появилось сообщение о результатах раскопок около местечка Спи-сюр-л'Орно?

Раскопки пещеры Бек-о-Рош, открытой на склоне каменистого обрыва недалеко от местечка Спи-сюр-л'Орно в провинции Намюр (Бельгия), были проведены со строгим соблюдением всех выработанных к середине 80-х годов правил исследования стоянок людей каменного века. Три бельгийских археолога - Жюльен Фрепон, Макс де Лоэ и Марсель де Пюи тщательно, не торопясь удаляли слой за слоем, детально документируя изменения характера горизонтов и их содержимое.

Скрупулезность работы щедро вознаградила исследователей. Прежде всего вскоре для них стало очевидным, что пещера Спи представляет собой своеобразную кладовую сокровищ. Под слоем щебня залегал полутораметровый пласт желтой глины, заполненный костями мамонтов; оббитые камни, рассыпанные между ними, не оставляли ни малейших сомнений в том, кто принес в пещеру кости гигантского животного. Это сделал древний человек, современник мамонтов.

Однако находки на этом не прекратились. Когда из пещеры удалили желтую глину, под ней проглянула прослойка красной глины, толщина которой не превышала 10 сантиметров. В ней было множество костей вымерших животных. Поражало их разнообразие, помимо останков мамонта, при раскопках красноцветной глины бельгийские археологи нашли кости носорога, лошади, северного оленя, а также тех, кто заселял пещеру Спи, когда ее покидал человек, - пещерной гиены, пещерного медведя и пещерного льва.

Наибольшие волнения доставили Фрепону, де Лоэ и де Пюи раскопки самого древнего из глинистых слоев. Толщина его составляла около метра. В нем тоже встречались кости мамонта, шерстистого носорога, северного оленя и лошади. Но не они и даже не превосходно изготовленные каменные орудия, в том числе остроконечники и скребла, заставили радостно забиться сердца археологов: под осторожно сдвинутым ножом слоем земли находились кости человека, современника вымерших гигантских животных ледниковой эпохи!

Одна находка следовала за другой. Вот полностью освобождены от земли кости ног - они подогнуты, как у спящего на боку человека. Далее располагались сильно разрушенная грудная клетка и, наконец, рука, согнутая в локте. Когда начали расчищать участок раскопа, прилегающего к кости руки, последовало самое волнующее открытие: в мягкой желтоватой глине лежал череп. Лицевые кости его сохранились далеко не полностью, но зато черепная крышка вместе с затылочной частью, нижняя челюсть и часть верхней представляли собой благодатный материал для антрополога.

Можно представить восторг Фрепона и де Лоэ, когда после беглого осмотра находки они поняли, что в их руках находится череп, по деталям строения удивительно близкий неандертальскому и гибралтарскому: те же массивные надглазничные валики и сильно убегающий назад лоб. А нижняя челюсть? Она не имела подбородочного выступа, как и челюсть из Трой-де-ла-Нолетт. Вот она - комбинация, которую гениально предсказал в свое время французский натуралист Гами! Сомнений не оставалось: у неандертальского черепа из грота Фельдгофер была такая же обезьяноподобная, грубая массивная, с крупными зубами челюсть, с чудовищной силой перемалывавшая пищу. Если бы

Беккерсгоф и рабочие, которые отыскивали кости «медведя», были более внимательны и нашли челюсть, не понадобилось бы и 30 лет на то, чтобы установить эту истину.

Раскопки, проведенные в последующие дни, преподнесли Фрепону еще один приятный сюрприз. Поистине, если к археологу приходит долгожданная и привередливая богиня удачи, скупое и с разбором одаривающая вниманием и милостями, успех начинает следовать за успехом: неподалеку от первого скелета на той же глубине обнаружили останки еще одного человека. Как и первый, он лежал головой к восходящему солнцу, на правом боку, с подогнутыми ногами и кистью руки, покоящейся около лица. Создавалось впечатление, что умерший некогда заснул, да так и не проснулся. Череп молодого мужчины, возраст которого вряд ли превышал 20 лет (первый скелет принадлежал женщине 35 лет), по массивным надбровьям и уплощенному низкому лбу снова оказался во многом близким неандертальскому.

Стало очевидным, что в пещере Спи найдены скелеты людей, стоящих на стадии развития, предшествующей человеку современного типа. Это были, без сомнений, «неандертальцы», ожесточенные споры о которых не прекращались со времени открытия Фюльротта!

Теперь можно, очевидно, оказать решающую поддержку упрямым сторонникам профессора из Дюссельдорфа. Древние люди пещеры Спи найдены в одном слое с костями давно вымерших животных ледниковой эпохи, а каменные орудия, которыми они пользовались, принадлежат культуре, отстоящей от современности, по крайней мере, на 100 тысяч лет, если не больше. Судя по находкам в Спи, мустьерская культура распространялась также на территорию теперешней Бельгии. Значит, неандертальцы, предки современного человека, жили не только в долине Рейна и на юге Апеннинского полуострова, а всюду, где в руки археологов попадают характерные каменные орудия мустье - остроконечники и скребла!

Жаль, что Карлу Фюльротту, очевидно, не удалось ознакомиться с находками бельгийцев, столь блестяще подтвердивших его прозорливость. Ведь седьмой том «Архива биологии» за 1886 год вышел из печати в Генте в 1887 году. Сомнительно, чтобы эта книжка успела попасть в руки Фюльротта. Ушел из жизни человек, настойчивости и самоотверженности которого исследователи предков обязаны слишком многим. Не взвалил ли он, Дюбуа, на свои плечи непосильную ношу, заявив, что привезет с юго-востока Азии «недостающее звено»?

Неандертальцы, конечно, предки человека, что наглядно подтверждают обезьяньи черты строения их черепов. Но обитатели гротов Неандертала, Гибралтара и Спи слишком «молодые» предки - они жили в ледниковую эпоху, всего каких-нибудь 100 тысяч лет назад. Если же ему, Дюбуа, предназначено судьбою найти подлинное «недостающее звено», загадочное и никому пока не ведомое существо, связывающее в единую цепь антропоидных обезьян и человека, то возраст его выйдет за пределы миллиона лет. Ведь «недостающее звено», в чем он глубоко убежден, жило в доледниковую эпоху в благодатных тропиках юга, где его и следует искать в пластах третичного периода. Только впоследствии далекие потомки «звена» переселились на север Европы и Азии и, спасаясь от холода ледниковой поры, превратили в жилища многочисленные пещеры и гроты.

В Индии, в местности Сивалик, у подножий взметнувшихся к небу Гималаев Рихард Лидеккер обнаружил сравнительно хорошо сохранившиеся челюсти палеопитека, загадочного антропоида с огромными, как у гориллы, клыками, который жил в тропических лесах Южной Азии около полутора миллионов лет назад. Эта находка показывала, что далекие предки современных антропоидных обезьян (вероятнее всего, как думал Лидеккер, шимпанзе), а следовательно, и человека могли жить не только в Африке, но и в других южных районах Старого Света.

Много лет назад художник Раден Салех, а также другие любители переправили в Европу коллекции костей вымерших животных, которые они отыскивали на берегах рек

Малайского архипелага, в частности на Яве. Кости в конце концов оказались в Лейденском музее, где их внимательно изучил и описал Мартин. И тут-то выяснилась примечательная деталь - древний животный мир юго-востока Азии оказался во многом сходным с животными, кости которых были найдены Лидеккером в Сивалике вместе с челюстью сивапитека, древнейшей шимпанзе.

Для Дюбуа такой оборот дела означал чрезвычайно многое, поскольку теперь более четко вырисовывалась перспектива успешного поиска в Голландской Индии «недостающего звена». Ведь находка на ее территории животных, близких к индийским, позволяла надеяться на удачу в открытии здесь, как в Индии, антропоидов, также предков человека. Условия для жизни их на Суматре и Яве были идеальными: теплые тропики, роскошная растительность, которая круглый год снабжала обитателей леса обильной и разнообразной пищей...

Если действительно был на Земле библейский Сад Ирма, в котором разгуливали первые люди Адам и Ева, то Дюбуа не сомневался: искать его надо в Голландской Индии! Недаром в джунглях Борнео и Суматры до сих пор живет «лесной человек», как называют малайцы орангутанга, а на лианах, как на гигантских качелях, раскачиваются, стремительно перелетая с дерева на дерево, юркие гиббоны. Разумеется, факты, подтверждающие справедливость гипотезы южноазиатской прародины человека, более чем скромны, но, если бы все обстояло иначе, Дюбуа не стал бы сержантом королевской колониальной армии. Там, на загадочной Суматре, он отыщет «недостающее звено» и превратит предположения Эрнста Геккеля в стройную теорию, подкрепленную беспристрастными «свидетелями» ее истинности - костями «обезьяночеловека бессловесного»...

Дюбуа долго не мог заснуть в первую ночь, которую он провел на корабле.

Через несколько дней все, однако, наладилось. Дюбуа постепенно втянулся в размеренный ритм корабельной жизни. Моряки отличались завидным здоровьем, поэтому ему почти не приходилось заниматься врачеванием. Большую часть времени он уделял подготовке к предстоящей работе, с упоением перечитывал медицинские сочинения, а также палеонтологические статьи и книги, заполненные скучными, с точки зрения «непосвященных», таблицами и колонками цифр всевозможных измерений костей черепов. Прошло много времени. Позади остались Атлантика и Средиземное море, Персидский залив, и на горизонте показалась зеленая каемка земли. Это была Суматра, с ее извилистым низким берегом, покрытым тропическими лесами, и синеватой цепью холмов и гор на горизонте.

Обменявшись салютом с береговой батареей, бриг вошел в бухту и бросил якорь. Через несколько часов Дюбуа представили начальнику гарнизона Паданга, а затем он познакомился с госпиталем, где предстояло начать военную службу. Ни о каком отступлении назад теперь не могло быть и речи, если бы даже такое странное желание вдруг появилось у Дюбуа...

Редкая цепочка людей медленно продвигалась вперед по извилистой тропинке, едва заметной в густой траве джунглей. Стремительно надвигались вечерние сумерки, накрапывал дождь, готовясь перейти в ливень. В лесу наступила непривычная тишина. умолкли птицы, обычно ожесточенно щебечущие перед заходом солнца. Слышались только шорох крупных капель дождя, с силой ударяющих о листья, да резкий хруст веток под ногами запоздалых путников.

Двое впереди шли налегке, без груза. Оба они, малаец, по-видимому проводник, и чуть отставший от них Дюбуа, были одеты в легкую полевую форму солдат колониальной армии Нидерландов. У остальных одежда ограничивалась широкой набедренной повязкой и фартуком. Босые, с непокрытыми головами, они, разбившись на пары, несли тщательно упакованные тюки, которые были подвешены к гибким бамбуковым шестам.

- Может быть, устроим короткий привал? - обратился Дюбуа к проводнику. - Наши помощники, кажется, совсем выбились из сил. Им нужен отдых.

Проводник, не говоря ни слова, воткнул в землю короткую палку с вделанной на конце острой металлической полосой, которой он ловко обрубал ветки, преграждающие путь. Затем что-то коротко и отрывисто крикнул по-малайски. Носильщики не заставили себя долго упрашивать: тюки сразу же полетели на землю. Малайцы уселись около них. По тому, как обычно словоохотливые и разговорчивые носильщики не проронили ни слова, Дюбуа понял, что люди утомились основательно. Они уже несколько дней в пути. Дорога лесная, груз тяжел, а часы ночных привалов, когда приходится устанавливать палатки и готовить на кострах пищу, предельно коротки: как только забрезжит рассвет, лагеря быстро сворачиваются и снова в путь. А перед походом были не менее тяжелые дни раскопок в пещере.

- Скоро ли Паданг? - спросил Дюбуа молчаливого проводника, который уселся на краю тропинки.

- Думаю, осталось не более часа пути, - ответил малаец после некоторого размышления. - Если, конечно, не разразится ливень, - добавил он, поглядывая на потемневшее небо. - Господин доволен походом в дальнюю пещеру?

- Как тебе сказать? С одной стороны, конечно, доволен. Мы нашли в пещере зубы «летных людей», орангутангов, которые жили в джунглях Суматры давно-давно, может быть, полмиллиона лет назад. Это были далекие предки современных «лесных людей». Разве такая находка может не радовать? Но, с другой стороны, нам так и не удалось отыскать кости столь же древних предков современных людей. Скажи, почему малайцы избегают останавливаться в пещерах, пугаются их и с такой неохотой соглашаются провести к ним, а тем более копать в них землю?

- Жители нашей страны верят, что пещеры - прибежища злых духов. Недаром в них живут змеи, ящерицы, летучие мыши и прочая нечисть. Поэтому даже в грозу и ливень малаец не станет искать убежища в пещере. Тем более устраивать в ней постоянное жилище или хоронить умерших сородичей. Возможно, такие же обычаи были у наших предков?

- Возможно, - согласился Дюбуа и задумался: «Что, если эти верования людей тропиков действительно столь же стары, как сам человек? Впрочем, о каких верованиях у «недостающего звена» можно говорить?»

- Господин, если мы хотим сегодня попасть в Паданг, нужно трогаться в путь, - прервал его размышления проводник-малаец. - Скоро станет совсем темно. Нужно зажечь фонарь.

- Да, конечно, отдавай распоряжение идти.

Проводник громко выкрикнул команду, и носильщики заторопились взгромоздить на плечи шесты с привязанным к ним грузом. Далее двинулись тесной группой, сохраняя минимальное расстояние друг от друга, чтобы не терять из виду впереди идущего. Тусклый огонек фонаря то исчезал за деревьями, то вновь появлялся, отмечая причудливые повороты заброшенной тропинки. Дюбуа торопился в Паданг.

Слова проводника-малайца об отношении жителей страны к пещерам заставили Дюбуа задуматься о том, на правильном ли пути находится он, не напрасно ли растрчивает силы и время. Дело, разумеется, не в суевериях. В отличие от неандертальцев, обезьянолюдей Европы, которых морозы заставляли «осваивать» пещеры, древнейшие обитатели тропических джунглей Суматры не нуждались в этих холодных, а часто и сырых убежищах и потому избегали их. Значит, надо искать в других местах, например на берегах рек, где во время наводнений бурные потоки воды

вымывают кости вымерших животных. Неудачные раскопки пещеры, откуда они теперь возвращаются, убеждали Дюбуа в естественности такого вывода. Надо оставить в покое пещеры! Но прежде всего следует окончательно расстаться с военной службой. Она не позволяет целиком отдаться любимому делу.

В одном из номеров «Verslag van het Mijnwezen» - «Квартальных докладов Рудного бюро» Батавии за 1888 год опубликована его статья с ужасно длинным и старомодным названием: «О необходимости исследований по открытию следов фауны ледникового времени в Голландской Восточной Индии и особенно на Суматре». Он нашел досуг написать первую за время пребывания в Голландской Индии статью, в которой, воспользовавшись темой важности поиска костных останков вымерших животных, изложил свои взгляды на возможное местонахождение родины человека.

Дюбуа решительно отверг идеи о том, что Европа и вообще северные пределы могли быть колыбелью человечества. Ледниковые поля, которые покрывали те огромные районы, полностью исключают такую возможность. Родину человека, призывал он, надо искать в тропиках, где обитают антропоидные обезьяны и некогда жили «предшественники человека». Предки людей, постепенно лишившиеся здесь волосяного покрова, долго не выходили за пределы «теплых районов». Как раз на территории этих районов и следует искать «ископаемого предшественника человека».

Дюбуа объяснил, почему он надеется обнаружит костные останки: если в Индии найдены очень древние антропоиды, они должны быть и здесь. Примечательно, что в подтверждение справедливости своих мыслей Дюбуа ссылаясь не на кого-нибудь, а... на Рудольфа Вирхова! В статье приводилась выписка из рассуждений маститого патологоанатома: «Огромные ареалы Земли остаются почти полностью неизвестными в отношении скрытых в них ископаемых сокровищ. Среди них в особенности обнадеживающие места обитания антропоидных обезьян: тропики Африки, Борнео и окружающие острова еще совершенно не изучены. Одно-единственное открытие может полностью изменить состояние дел».

Статья в «Квартальном докладе Рудного бюро» сыграла предназначенную ей роль: колониальная администрация Голландской Индии обратила внимание на работы Дюбуа и обещала по возможности содействовать им. Обещание было выполнено. Как сообщил первый «Квартальный доклад Рудного бюро» за 1889 год, «господину М. Е. Дюбуа поручается с 6 марта проводить палеонтологические исследования на Суматре».

Итак, Дюбуа получил средства на проведение раскопок. Раньше приходилось ограничиваться тратой своих скудных сбережений, а много ли на них можно было сделать? Обязанности по службе резко сократились. Теперь ему почти не приходилось совмещать работу в военном госпитале с путешествиями к пещерам через десятки километров сырых джунглей. Такое совмещение обязанностей оказалось делом далеко не простым. Раскопки и разведки проводились урывками, нерегулярно. Возможно, поэтому за полтора года со времени прибытия из Амстердама и до мартовского решения Рудного бюро так и не удалось достичь успеха.

Правда, в отсутствии усердия никто, да и сам он упрекнуть себя не может: работа велась на пределе сил, буквально до изнеможения. С тем же напряжением исследования ведутся сейчас, когда поискам можно уделять значительно больше времени. Однако, помимо множества зубов орангутанга да костей слонов и носорогов, которые несут сзади носильщики-малайцы, больше ни в одной из пещер в окрестностях Паданга ничего обнаружить не удалось. В глинистых толщах пещерных отложений не только не было костей «недостающего звена», но вообще отсутствовали следы пребывания «доисторического человека»: остатки костров, каменные орудия и захоронения. С мечтой об открытии предка человека в пещерах Суматры, возможно, придется расстаться навсегда.

Дюбуа, занятый грустными размышлениями, не заметил, как дождь превратился в ливень. Одежда в мгновение ока промокла до нитки, пробковый шлем на голове

отяжелел, в армейских ботинках неведомо где нашлись щели. Через несколько минут тропинка стала бурным широким ручьем. Громовые раскаты разбушевавшейся тропической грозы оглушали людей. Человеческий голос терялся в могучем реве оживших стихий. «Если это земля недостающего звена», нелегко приходилось ему в такие минуты за пределами пещер!» - мелькнула мысль у Дюбуа.

Ливень прекратился внезапно, и так же быстро небо очистилось от туч. Притихший лес осветила луна. Тропинка начала сливаться с другими просеками в джунглях и наконец превратилась в сравнительно широкую дорогу. «Впереди за холмом Паданг!» - радостно крикнул проводник-малаец. Носильщики оживились. Вскоре стал слышен лай собак. Через полчаса путешественники добрались до места назначения, кое-как устроив багаж и, обессиленные, отправились спать. Отдав необходимые распоряжения, Дюбуа вопреки установленному ранее правилу не стал просматривать почту, накопившуюся за две недели, а свалился в постель и мгновенно заснул мертвым сном хорошо поработавшего человека. На следующее утро, разбирая накопившиеся деловые бумаги, Дюбуа обратил внимание на письмо, доставленное местной почтой. Оно пришло несколько дней назад с Явы. Сначала Дюбуа читал письмо со скучающим видом, не понимая, с какой стати обращается к нему господин ван Ритшотен, почтенный и хваткий делец, судя по всему, занятый поисками залежей подходящего для строительства камня - известняка или мрамора. Но когда, со всей обстоятельностью изложив перспективы осмотра крупных скальных обрывов, корреспондент упомянул наконец о самом главном, что заставили его засесть за письмо, Дюбуа взволнованно и торопливо пробежал глазами финальную часть «послания».

Нет, ван Ритшотена, геолога, связанного с Рудным бюро Батавии, вовсе не интересовали перспективы открытия месторождений известняка и мрамора на Суматре, о чем с досадой подумал вначале Дюбуа. Оказывается, геолог счел для себя честью сообщить ему, ведущему на Суматре по поручению бюро изыскания в области палеонтологии, о том, что на юге Центральной Явы в местности Тулунг-Агунг открыт череп человека!

Случается же такое! Полтора года он, Дюбуа, занят тщетными поисками ископаемого человека, для чего пришлось отправиться на остров за тысячи миль от Амстердама. А вот какому-то неведомому ван Ритшотену, которому, очевидно, и в голову никогда не приходило найти в Голландской Индии костные останки предка, походя и между делом удалось обнаружить череп.

Дюбуа снова, на этот раз с особым вниманием, перечитал то место в письме ван Ритшотена, где геолог педантично и дотошно описывал район своей находки.

На юге Центральной Явы возвышается хороший ориентир - большой вулкан Лаву, откуда берет начало река Бенгаван. Два притока ее опоясывают еще один, меньший по размерам, вулкан Вилис. Около него протекают два притока реки Браутас, которая несет свои воды параллельно Бенгавану. В верховьях Браутаса на южном склоне Вилиса как раз и находится Тулунг-Агунг, или, как чаще называют эту местность, Вадь-як. Здесь на высоте 460 футов некогда располагалось обширное пресноводное озеро, теперь почти полностью засыпанное пеплом вулкана Вилис. На берегах озера возвышаются известняковые обрывы и «ступеньки» уступов-террас, которые отмечают постепенное усыхание водоема. Здесь ван Ритшотен и нашел череп человека. Он залегал не в пещере, а в одном из слоев древнего берега озера, где уже много тысячелетий не плескалась вода.

Место находки озадачило Дюбуа. Рассматривая карту Голландской Индии, на которой без труда удалось отыскать Бенгаван, Лаву и Вилис, он вновь подумал о том, что пещеры в тропиках все же не совсем подходящее место для поисков «недостающего звена». Не следует ли, исходя из обстоятельств открытия ван Ритшотена, решительнее изменить направление изысканий? И может быть, не случайно первая, во многом пока загадочная находка сделана на Яве, а не на Суматре? И наконец, что, если обратиться в Рудное бюро Батавии с просьбой разрешить ему палеонтологические исследования на Яве?

Продолжать дальше работы на Суматре при скудных в общем результатах вряд ли удастся, а возможный громкий успех исследований на Яве сразу же поправит дела и поднимет престиж Дюбуа, что, как известно, во многих случаях заставляет раскошелиться даже самых осторожных и скарденых.

Не откладывая дела в долгий ящик, Дюбуа написал два письма. В первом он поблагодарил господина ван Ритшотена и выразил надежду побывать на Яве, познакомиться с первооткрывателем ископаемого человека Малайского архипелага, осмотреть череп из Тулунг-Агунга и место его открытия.

Второе письмо было адресовано администрации Рудного бюро Баталии. Дюбуа кратко сообщил о результатах своих работ, посетовав на не очень значительные научные итоги, обратился с просьбой разрешить ему отправиться «на поиски костей ископаемых позвоночных животных» и, разумеется, останков «недостающего звена» на Яву. Свое желание переменить место исследований он мотивировал надеждами на более обильные сборы костных остатков в долинах яванских рек и в заключение обратил внимание бюро на открытие ван Ритшотена.

Дюбуа не ожидал быстрого ответа, однако, когда прошло несколько месяцев, а перспективы путешествий на Яву продолжали оставаться неопределенными, он начал терять надежду на благоприятный исход дела. Вероятно, Рудное бюро Батавии не решалось-таки способствовать расширению ареала его деятельности и потом ничего определенного не отвечало.

Прошло два года со времени его прибытия на Суматру, но, когда Дюбуа начинал думать о том, чего ему удалось достичь, у него портилось настроение: в ящиках с находками лежали все те же зубы орангутанга, незначительное число маловыразительных обломков костей слонов и носорогов. Использовался каждый перерыв между сезонами тропических ливней, однако продолжение раскопок пещер окрестностей Паданга, несмотря на поистине фанатичное упорство в работе, так и не принесло желанных результатов.

Наступил 1890 год, а затем прошло еще три месяца и никаких известий! В этой ситуации мог потерять терпение и впасть в отчаяние даже самый упорный и беспредельно преданный делу человек. Но не Дюбуа. Узнай о новой пещере, которую он еще не успел осмотреть, Дюбуа в свободное от службы время немедленно отправлялся к ней и копал, копал, копал...

Упорство вознаграждается, но, к сожалению, далеко не всегда. Пещеры Суматры так и не осчастливили Дюбуа - «недостающее звено» упрямо продолжало оставаться «недостающим». Поэтому как нельзя кстати подоспело письмо из Батавии. 14 апреля 1890 года он получил официальное разрешение Рудного бюро продолжить исследования на Яве. Это был выход из беспросветного тупика, в котором неожиданно для себя оказался «упрямец из Амстердама». Освободившись от обязанностей в военном госпитале Паданга, Дюбуа покинул Суматру. Так начался второй акт затянувшейся драмы поиска «предков Адама».

На Яве Дюбуа первым делом купил череп, найденный в Вадьяке, реставрировал его, обработал и подклеил раздавленные части. Вне всякого сомнения, череп принадлежал ископаемому человеку, и это не могло не радовать. Кости полностью потеряли органическую субстанцию и «окаменели», или, как говорят в таких случаях палеонтологи, минерализовались (фоссилизировались). Несмотря на массивность костей черепа и некоторые примитивные детали строения его, он, бесспорно, принадлежал человеку современного типа - *Homo sapiens*, «человеку разумному». Достаточно сказать, что объем мозга, заключенного в черепной коробке из Вадьяка, превышал средний объем мозга современного человека на 200 кубических сантиметров.

Ни о каком открытии черепа «недостающего звена» не могло быть и речи. Впрочем, Дюбуа, наученный горьким опытом двух лет бесплодных поисков на Суматре и

смирившийся с мыслью о сложности и длительности предстоящих работ на Яве, не надеялся на столь легкое решение проблемы. Он лишь с удивлением отметил про себя, что череп из Вадьяка не принадлежал по типу к черепам малайской расы, представители которой населяли теперь Яву и Суматру. Если бы не на удивление большой объем мозга, то можно было бы сказать, что ван Ритшотену удалось найти остатки захоронения предка коренных жителей Австралии или, может быть, папуасов Гвинеи.

Значит, до прихода малайцев на Яву остров населяли австралоиды, которые переселились затем на южный континент, положив начало расе аборигенов? Стоит ли, однако, ломать над этим голову. Ведь это же не череп «недостающего звена»! Не удивительно, что во втором квартальном докладе Рудного бюро» за 1890 год опубликована лишь краткая заметка Дюбуа о находке в Вадьяке.

В европейские журналы он не пишет ни строчки - не та тема! А кто из антропологов читает «Квартальные доклады Рудного бюро» Батавии? Можно уверенно сказать - никто! Даже 50 лет спустя Дюбуа будут упрекать за то, что он ни словом не обмолвился об открытии ван Ритшотена, и глубокомысленно определять его как «человека эксцентричного, странного и во многих случаях трудного для понимания». Странно здесь, однако, лишь то, что его судьи не удосужились перелистать «Квартальные доклады», изданные в Батавии.

Дюбуа определенно не та натура, которую может надолго задержать за столом изучение черепа, найденного к тому же кем-то другим. Он жаждет активной деятельности и буквально рвется в яванские джунгли, к берегам безымянного озера в Тулунг-Агунге. Через некоторое время Дюбуа с обычным для него усердием осматривает известняковые обрывы и уступы террас. Трудно сказать, сколько времени продолжались на этот раз напрасные поиски, но судьба, возможно желая вознаградить за упорство, неожиданно поманила надеждой и впервые за три года показала ему свою благосклонность: в галечном слое озерной террасы Вадьяка Дюбуа открыл второй череп!

Правда, это опять не череп «недостающего звена». Он поразительно напоминает находку ван Ритшотена: австралоидный по типу, с очень массивной нижней челюстью, плоской носовой костью, низким лбом и выступающими надглазничными, валиками, продолговатый с обширной мозговой коробкой. Значительные по толщине кости от длительного пребывания в земле минерализовались. Во всяком случае, Дюбуа не сомневается, что люди, которым принадлежали вадьякские черепа, жили в палеолите, в эпоху, когда северную Европу покрывали толщи льда. Каменных орудий в слое, где залегал череп человека, выявить не удалось, но многочисленные черепа, челюсти и даже части скелетов животных, найденные на склоне соседнего холма, позволили Дюбуа установить обитателей древнего леса Тулунг-Агунга, на которых, возможно, охотились «прото-австралийцы».

Снова неудача с открытием «недостающего звена»? Да, но лиха беда начало! Дюбуа посылает в третий «Квартальный доклад Рудного бюро» за 1890 год краткий отчет о находке.

Теперь поиски продолжаются с удвоенной энергией. День за днем обследует Дюбуа окрестности Вадьяка, неутомимо лазая по склонам известняковых обрывов, тщательно осматривая обнажения террасовых уступом озера. Находки костей животных следуют одна за другой. Он снова верит в свою счастливую звезду и, кажется, не обманывается в предчувствиях.

Однажды ему сообщают, что вблизи Вадьяка находится пещера. Дюбуа внимательно осмотрел камеру, пришел к твердому убеждению, что пещерой стоит заняться специально. Раскапывать пещеру - дело знакомое. Дюбуа сразу приступил к работе и на участке, «неположенном перед выходом в камеру, открыл погребение! Человеческий скелет оказался густо засыпанным красной охрой - кровью мертвых. Но вслед за радостью, как уже было у Дюбуа неоднократно, последовало разочарование: захоронение датировалось сравнительно поздним временем. Осмотр черепа, не

имеющего, как и другие кости скелета, значительных признаков минерализации, показал, что у входа в пещеру был похоронен малаец. «Недостающее звено», подразнив, снова ускользнуло из рук.

Дюбуа не терял надежды, он верил что цель близка. До нее осталось пройти всего 60 миль по прямой на северо-запад от Тулунг-Агунга. Но на это потребовалось два года выматывающих силы поисков, а чтобы уяснить значение открытого - еще два года труда. Вот она какова на самом деле, легкость удачи «баловня судьбы»!

Как бы ни были важны и интересны находки в районе Вадьяка, Дюбуа с самого начала понял, что надежда открыть «недостающее звено» на склоне вулкана Вилис не очень оправданна, поскольку большинство из найденных им костей принадлежало не вымершим, а здравствующим ныне в джунглях Явы видам животных. Поэтому он решил перенести разведочные работы на север, во внутренние области Центральной Явы, в район грандиозного вулкана Лару, Кукусан, где в долине реки Бен-гаван в местности Кедунг-Брубус, по сведениям окрестных жителей, часто находят кости гигантов, или, как называли их малайцы, «гвардейцев-руксасас». На Яве и в Бали не было храма, который не охранялся бы от злых духов огромными костями вымерших миллионы лет назад слонов. «Если на берегах Бенгавана не удастся найти «недостающее звено», придется вернуться на Суматру», - решил Дюбуа.

Сначала пробные раскопки развернулись около городка Мадун, где река прорезала пласты плотноцементированного вулканического туфа и песка. Здесь в изобилии залегали кости вымерших животных: слонов, гиппопотамов, оленей, гиен, тапиров. А 24 ноября 1890 года была сделана находка, после которой Дюбуа навсегда отказался от мысли отправиться на Суматру: из груды собранных за день костей он извлек обломок правой Стороны нижней челюсти с двумя предкоренными зубами и альвеолой (гнездом), в которой некогда помещался клык.

Достаточно было бегло осмотреть находку, чтобы понять - челюсть принадлежала человеку, а не антропоидной обезьяне. Глубокая древность обломка тоже не вызвала ни малейших сомнений. Судя по значительной тяжести, его кость давно минерализовалась, а по характерному темному цвету не отличалась от любой из многих сотен костей животных, извлеченных из вулканического туфа. Значит, челюсть принадлежала человеку, который жил на берегах Бенгавана в доледниковые времена, около миллиона лет назад, когда Ява соединялась «мостом» с материковой частью Азии?

Может быть, это обломок скелета «недостающего звена»? Прийти к такому заключению при взгляде на очень массивную челюсть чрезвычайно соблазнительно. Однако Дюбуа не торопился делать далеко идущие выводы. По-видимому, он иначе представлял себе челюсть «недостающего звена». «Питекантропус алабус», обезьяночеловек бессловесный, не умел, как следует из его названия, говорить. А первое, что бросалось в глаз при осмотре фрагмента челюсти и что поразило Дюбуа больше всего, была необычайно большая ширина ямки для так называемой двубрюшной мышцы. Существо из Кедунг-Брубуса, несомненно, говорило и, следовательно, не могло занять вакантное место «недостающего звена».

В первом «Квартальном докладе Рудного бюро» за 1891 год Дюбуа опубликовал краткие заметки об открытии обломка челюсти, найденного около Мадун. Из них следует, что он не сомневался в принадлежности ее человеку, поскольку клык, судя по сохранившейся альвеоле, был не антропоидный - бивнеобразный, а человеческий по типу. Передняя часть челюсти тоже отличалась человеческими особенностями, возможно, даже отчасти выделялся подбородочный выступ, чего не имела, как известно, челюсть неандертальца. Однако ярко выраженная примитивность нижнего края и массивность позволили Дюбуа определить фрагмент как «остаток неточно определенного вида человека», «другого, вероятно, низшего типа» по сравнению с челюстями современного человека и неандертальцев Европы ледниковой эпохи.

Поиски «недостающего звена» продолжались. До заветного места осталось пройти всего 40 километров на север-северо-запад. Чутье разведчика, выработанной за годы пребывания на островах Голландской Индия ведет Дюбуа вниз по течению реки Мадун, туда, где она сливается со стремительным потоком Бенгаван-Соло, Большой реки. Всюду, где по берегам поднимаются обрывы разрушенных водой вулканических пластов, Дюбуа останавливается и метр за метром осматривает обнажения, извлекая из песчанистого грунта кости. Затем снова бесстрашно пробирается с проводниками-туземцами через джунгли, чтобы выйти к очередному месту с залежами костей вымерших животных.

Один за другим заполняются бесценными коллекциями ящики. Дюбуа не считает теперь, как ранее, что только пещеры могут служить идеальной кладовой палеонтологических сокровищ. Продукты извержения Лаву-Кукусан и Гунунг-Гелунгунг - вулканический песок, зола и туф - превосходно «консервировали» кости, сохраняя их в идеальном для изучения состоянии.

Животные гибли, очевидно, во время страшных в стихийной мощи извержений вулканов и в периода катастрофических наводнений, или, как называют их его друзья-малайцы, «банджирс», знаменитых разливов яванских рек в сезон ужасных тропических ливней. Животные могли также стать жертвами крокодилов реки Мадун. По тем же причинам в вулканических пеплах и песке могли оказаться костные остатки антропоидных обезьян, человека и, разумеется, «недостающего звена», хотя «высокий интеллектуальный статус» позволял им избегать в опасных ситуациях смертельного риска. Поэтому не один раз придется выйти к речным обрывам, прежде чем в руках окажется нечто вроде обломка челюсти из Кедунг-Брубуса. Но Дюбуа не страшил ни опасности, ни джунгли, ни тяжелый, изнуряющий труд. Он верил, что находится на правильном пути.

На 60 миль протянулись вдоль рек Бенгаван и Мадун низкие гряды холмов Кенденгс: от Кедири до Мадунуна и Суракарта - с одной стороны, и от Рембанга до Самаронга - с другой. Всюду в этом обширном ареале речных долин встречались кости вымерших

животных, и любой шаг мог привести к неожиданному открытию. Нужно было соблюдать максимальную собранность.

Десятков и сотен метров толщины достигали слои разных геологических формаций: отложения моря, бурных пресноводных потоков, пласты вулканического песка и пепла. Остатки древней жизни (раковины моллюсков, кости животных, листья травы и деревьев) позволяли определить время образования слоев и характер природного окружения в центральных районах Явы сотни тысяч лет назад.

Увлеченный сборами, Дюбуа потерял счет дням, и если бы не приближающийся сезон дождей, то он так и продолжал бы переходить с места на место, несмотря на усталость и бесчисленные тяготы путешествия по глухим тропикам.

Осмотр разрушенных обвалами и водой берегов удалось возобновить лишь в августе 1891 года. В долине реки Бенгаван на левом берегу у подножий холмов Кенденгс, которые тянутся непрерывной узкой цепочкой с востока на запад, Дюбуа открыл богатые костеносные горизонты. Особенно мощными оказались древние вулканические слои, выступающие из воды. На семь с половиной миль от городка Нгави до небольшого компонга (деревушки) Тринил протянулись крутые обрывы, и каждый очередной участок левого берега реки казался заманчивее пройденного ранее!

Никогда еще не попадались в таком изобилии кости. Дюбуа едва успевал бегло осматривать содержание корзин своих помощников-сборщиков, радуясь разнообразию видов животных, остатки скелетов которых удавалось подобрать на отмелях у подножий обрывов или извлечь прямо из слоя. Большинство костей принадлежало вымершим, животным: южному слону стегодону, буйволам лептобос, разнообразным по видам и отличающимся небольшими размерами оленям, гиппопотаму, тапиру, носорогу, свинье, гиене, льву, крокодилам...

В Азии было известно до сих пор только одно место, где кости древних животных встречались в таком большом количестве и удивительном разнообразии: Сиваликские холмы в Индии. Холмы Кенденгс поразительно напоминали Дюбуа известный ему по описаниям район Ервалик, приютившийся у подножий Гималайских гор. А тут еще выяснилось, что кости буйвола с берегов Бенгавана оказались на удивление сходными с костями того же животного, бродившего некогда в окрестностях Сивалийских холмов.

Если тяжелые и неповоротливые буйволы сумели добраться почти до самой южной оконечности Азиатского континента, то почему такое же успешное «путешествие» не могли совершить антропоидные обезьяны, существа столь же подвижные и непоседливые, как и на удивление сообразительные? Непрерывная полоса тропических лесов, охватывающих юг Азии, - превосходная «дорога» для таких путешественников! Значит, надо искать, искать, искать...

И Дюбуа с неумолимым самозабвением ищет, с замиранием сердца вглядываясь в россыпи бархатистых коричневых костей, нетерпеливо извлекает из вулканических пеплов каждую подозрительную косточку.

Впереди на берегу Бенгавана за густым кустарником и пальмами спрятались легкие строения никому почти в мире не ведомой деревушки Тринил. Ее окружают большие плантации маиса и бананов, а дальше сплошной зеленой стеной встает тропический лес Кенденгс. Немилосердно жарит солнце, безлюдна деревня, все живое попряталось в тень. Дюбуа со спутниками переправляется на левый берег, чтобы осмотреть обнажения. Уровень воды в Бенгаване стоит еще высоко, однако часть древних слоев доступна для обследования. Дюбуа выпрыгивает из лодки и идет к наиболее возвышенному участку берега, где река делает крутой поворот.

За многие недели изучения геологии долины Бенгавана он стал безошибочно определять наиболее перспективные горизонты. Вода плещется у слоя галек,

образующих плотные скопления, конгломераты. Яванцы называют такие пласты «лахаром». В них встречаются камни, выброшенные при извержении вулкана. Верхнюю часть берега образуют твердые вулканические туфы, перемешанные с белой глиной. Здесь должны быть растительные остатки, листья фикусов и магнолий, например. Однако наиболее интересен средний слой, представляющий собой плотный пласт вулканического пепла, песка и золы, толща так называемых лапилли, в который обычно встречаются кости вымерших животных. К размытому потоками воды слою лапилли и направился Дюбуа, желая осмотреть его в первую очередь.

На отмели среди глыб темно-серо-коричневой земли лежало множество вывалившихся из земли костей, окрашенных в характерный темно-коричневый цвет, первый признак значительной древности. Дюбуа поднял несколько обломков и, как уже неоднократно бывало раньше, подивился тяжести - будто камни в руках держишь. Тринильский мыс явно заслуживал внимательного осмотра и даже, возможно, раскопок.

В течение нескольких недель продолжалось обследование окрестностей Тринила. Был конец сухого сезона, уровень в Бенгаване резко понизился, и на поверхность выступили густо насыщенные костями слои вулканических пеплов. Дюбуа «пожинал богатый осенний урожай находок», в коллекции прибавилось множество костей огромных южных слонов, тяжелых гиппопотамов, изящных тропических оленей, свирепых носорогов и неизменных для каждого нового пункта сборов крокодилов. Посчастливилось даже найти обломки костей низших обезьян - макак.

Однако ничто так не радовало Дюбуа, как невзрачный на вид зуб, который он извлек в сентябре 1891 года со дна неглубокой ямки, расположенной на склоне Тринильского мыса в слое лапилли. Дюбуа не потребовалось много времени, чтобы уяснить, какое из животных могло «потерять» этот зуб - настолько хорошо он сохранился. По структуре рельефа жевательной поверхности, величине коронки, широко расставленным корням третий коренной зуб, который выпал когда-то из правой ветви верхней челюсти, несомненно, принадлежал крупной антропоидной обезьяне или... человеку!

Вероятнее всего, обезьяне, решил Дюбуа, не очень велики размеры коронки и слишком широко расставлены непривычно длинные корни зуба. У современного человека они укороченные. А может быть, человеку? - колебался он. Все-таки зуб заметно меньше верхних третьих коренных антропоидных обезьян. Озадачивало, что длина зуба короче ширины - типично человеческая, а не антропоидная черта. Два выступа на жевательной поверхности заднего края коронки оказались сильно уменьшенными в размерах по сравнению с соответствующими выступами на коренном антропоидов.

В конце концов Дюбуа пришел к выводу, что зуб принадлежал антропоидной обезьяне типа шимпанзе. Такое заключение отнюдь не лишало находку на Тринильском мысе исключительной важности и сенсационности. Если этот зуб действительно принадлежал шимпанзе, то она представляла собой еще одно связующее звено с миром древнейших животных Сиваликских холмов Индии. А там, где есть связующее звено, можно надеяться открыть и «недостающее звено»!

В третьем «Квартальном докладе Рудного бюро» за 1891 год появилась заметка Дюбуа. Подводя итоги своих изысканий в районе деревушки Тринил, он назвал «наиболее замечательной находкой верхний третий коренной шимпанзе» - *Anthropopithecus troglodytes*. Это позволило ему сделать вывод, что «ближайшая из высших антропоидных обезьян кузина» человека жила миллион лет назад не только в Индии, но и на Яве.

Между тем Дюбуа не терял времени даром. Открытие зуба поистине удвоило его энергию. Все помощники он сам переключился на самый тщательный осмотр обнажений Тринильского мыса. Жители деревни, особенно вездесущие мальчишки в широких конических шляпах, безмерно удивленные странным объектом поисков «белого

господина» - никому не нужных костей, помогли собирать жалкие останки «гвардейцев-руксасас»!

Вскоре Дюбуа стало ясно, что поверхностный осмотр места находки и прилегающих участков не даст желанных результатов, если не совместить его с настоящими раскопками. Тогда он нанял наиболее сильных мужчин деревни Тринил, объяснил им задачу, и привычные к работе на полях крестьяне-малайцы начали неторопливо копать слой лапилли, выискивая в нем кости. С особым старанием и тщательностью велись раскопки около углубления, где Дюбуа обнаружил зуб шимпанзе! Не найдутся ли в том месте части скелета *Anthropopithecus troglodytes*?

Слой удалялся за слоем со всевозможными предосторожностями, один за другим извлекались из вулканического туфа многочисленные обломки костей, которые Дюбуа едва успевал просматривать. Нужно было обладать его терпением и упрямством, фанатической уверенностью и безграничным энтузиазмом, чтобы не впасть в безнадежное отчаяние от безрезультатности первой, второй и, наконец, третьей недели раскопок. Ни одной, даже самой незначительной косточки шимпанзе среди тысяч костей слонов, носорогов, свиней, тигров, гиппопотамов. Судьба явно испытывала терпение Дюбуа.

Но всему есть предел. В один из октябрьских дней малаец, который копал всего в метре от углубления, где лежал зуб, наткнулся на нечто шаровидное. Оно было включено в окаменевший вулканический туф. Когда блок со странной находкой извлекли из слоя лапилли и Дюбуа осмотрел «шар», стало ясно, что в руках у него черепная крышка, вероятно, того самого существа, которому принадлежал зуб.

Черепной крышке пришлось многое испытать, прежде чем она попала в руки человека: поверхность была покрыта большим числом мелких выемок и канавок, следами сильной коррозии. Особенно глубокие лунки прослеживались по краю верхушки черепа, где просматривались границы слома кости.

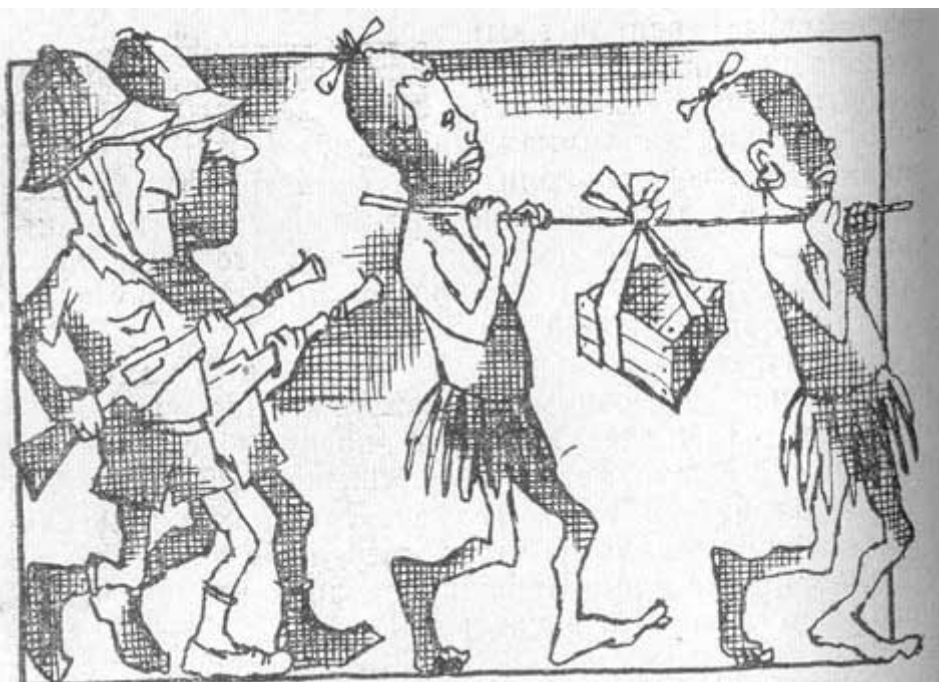
В одной из хижин Тринила с помощью долота и молотка Дюбуа освободил костяной шар из «каменного плена». Через несколько дней черепная крышка лишилась последних остатков туфового обрамления, и можно было приступить к внимательному и спокойному осмотру, а также к необходимым измерениям.

Череп сохранился далеко не полностью: отсутствовали все лицевые кости и основание, из-за чего реконструировать первоначальный облик было нелегко. Общий вид черепной крышки не оставлял сомнений, что она принадлежала какому-то крупному антропоиду, вероятнее всего шимпанзе. Сильно покатым узким лоб действительно напоминал лоб шимпанзе. Наиболее широкая часть черепа, если смотреть сверху, располагалась ближе к затылку, как у шимпанзе, а не по центру, как у современного человека. Исключительную примитивность существа из Тринила выдавали, кроме того, малая высота черепной крышки, сильно уплощенный затылок, а также массивные, как у обезьяны, надглазничные валики, козырьком нависающие над глазами. Посредине лба, где у обезьян поднимается костяной гребень, Дюбуа отметил возвышение, протянувшееся в виде валика. В какой-то мере тринильская черепная крышка напоминала не только череп шимпанзе, но также гиббона. Но для сравнения черепную крышку последнего надо увеличить в два раза!

Это показывало, как велика была черепная крышка Из Тринила. Когда Дюбуа замерил ее длину, а затем ширину, полученные цифры озадачили его - 182 и 133 миллиметра! Пока внутреннюю полость крышки заполнял твердый вулканический песок, измерить точный объем мозга не представлялось возможным. Тем не менее ориентировочная цифра - 800-850 кубических сантиметров - поразила Дюбуа. Как бы ни были велики размеры черепов современных высших антропоидных обезьян, но 600-610 кубических сантиметров объем мозга никогда не превышал.

Отсюда следовал вывод, что в Триниле Дюбуа посчастливилось обнаружить черепную крышку какого-то особого шимпанзе, обладавшего необыкновенно огромным мозгом, приближающимся почти вплотную к нижней границе объема мозга современного человека в 930 кубических сантиметров! Может быть, как раз эта разновидность древнего шимпанзе приобрела в процессе развития, продолжавшемся многие сотни тысячелетий, статус человека?!

Раскопки на мысе велись еще несколько дней, но безрезультатно. Как ни велико было желание продолжать работу, ее пришлось прервать. Сухой сезон кончился, наступила пора нескончаемых дождей. Опасаясь, скорого разлива рек, Дюбуа отдал распоряжение начать подготовку к возвращению в Батавию. Весь путь через джунгли под особо бдительным контролем находился небольшой ящик, где лежали бесценные сокровища - старательно упакованные в вату и туго перепоясанные бинтами черепная крышка и зуб антропопитека.

В Батавии Дюбуа вернулся к изучению тринильских антропоидных костей. Тщательный осмотр их не поколебал сделанных в поле выводов. Поэтому в отчете четвертого «Квартального доклада Рудного бюро» за 1892 год он уверенно написал, что самая замечательная находка октября - антропоидный череп с «еще меньшим сомнением, чем коренной зуб, относится к роду *Anthropopithecus troglodytes*. Оба образца, вне всяких сомнений, происходят от высшей человекообразной обезьяны (типа шимпанзе)». Далее он писал о сходстве верхнего коренного из Тринила с коренным шимпанзе (только ископаемый зуб слегка большего размера); об отличии черепной крышки Тринила от черепных крышек орангутанга (она длинная) и гориллы (отсутствует черепной гребень) и вновь подчеркивал, что не сомневается в вопросе родовой принадлежности антропоида из Тринила. Что касается вида, то от современного шимпанзе тринильская обезьяна отличается «большим размером и большей высотой» черепа. В заключение осторожный Дюбуа, с отвращением относящийся к сенсационным заявлениям, сделал «смелый» для него вывод, что по форме черепа древнейший «шимпанзе Явы» ближе к человеку, чем любой из современных антропоидов, в том числе шимпанзе.

Сообщение Дюбуа об открытии в Триниле не произвело впечатления разорвавшейся бомбы. Можно биться об заклад, что никто из европейских и американских антропологов по-прежнему не удосужился заглянуть в скучные «Квартальные Доклады Рудного бюро» Батавии, чтобы узнать, какие новости сообщает некий одержимый чудак Дюбуа, забравшийся в джунгли Центральной Явы. Позже они еще отыщут эти «Доклады».

Чем занимался Дюбуа в течение почти целого года, остается неизвестным. Может быть, освобождал от каменистого туфа внутреннюю полость черепной крышки антропитека троглодита, кто знает, да в августе 1892 года ливни прекратились и уровень воды в Бенгаване опустился до самой нижней метки сухого сезона, Дюбуа и его помощники снова появились на Тринильском мысу.

Малайцы принялись за привычную и знакомую теперь работу. Раскоп над слоем лапилли протянулся на очередные 50 ярдов. На сей раз судьба не стала испытывать терпения Дюбуа. Новое открытие окончательно решившее загадку тринильского антропитека последовало незамедлительно, в том же месяце. Когда на одном из участков, отстоящих от места находки черепной крышки на 15 метров, малаец-землекоп удалил слой толщиной 12 ярдов, из пласта вулканического туфа и золы показалась головка бедренной кости с отчетливо заметными следами зубов крокодила. Бедро извлекли слоя лапилли и принесли Дюбуа.

Он ожидал от раскопок в Триниле чего угодно, только не этого: малаец передал ему полностью сохранившееся бедро... человека. Не антропоидной обезьяны, а человека! Дюбуа не верил своим глазам. Может быть, произошла какая-то путаница и человеческую кость извлекли из другого слоя. Нет, бедро найдено в том же горизонте и на той же глубине, что и черепная крышка антропитека, но в стороне от нее. К тому же бедренная кость имела тот же характерный шоколадно-коричневый цвет и оказалась сильно минерализованной - она была вдвое тяжелее человеческого бедра того же размера. Кость сохранилась превосходно. Следы коррозии отсутствовали. Но бедро было изуродовано болезнью: бросалось в глаза патологическое, неправильной формы разрастание костного вещества на одном из участков. Длина кости оказалась равной 45,5 сантиметра, из чего следовало, что рост существа, обладавшего таким бедром, составлял около 170 сантиметров.

«Что могла означать такая неожиданная находка?» - думал пораженный Дюбуа. Конечно, если присмотреться внимательно, а тем более заняться измерениями, очевидно, можно найти немало особенностей, отличающих бедро из Тринила от человеческого. Так, уже сейчас Дюбуа мог сказать, что оно необычно прямое, а не слегка изогнутое, как у современного человека или неандертальца; подколенная ямка выпуклая, а не плоская или вогнутая; нижний отдел кости расширяется около сустава внезапно и резко, а не постепенно. Однако, как ни значительны эти различия, бедро из Тринила имело, бесспорно, облик человеческого. Из такого заключения следовал вывод, что антропомитек троглодит передвигался по земле на двух ногах так же уверенно, как человек. Древнейшая обезьяна Явы была прямоходящей! Это подтверждалось прямой бедра и отчетливым развитием так называемой «шероховатой линии», места прикрепления мышц.

Правда, черепную крышку и бедро разделяло 15 метров, и мог возникнуть вопрос одному ли существу принадлежали кости? Однако Дюбуа не колебался ни секунды: разумеется, одному! При каких бы обстоятельствах ни погиб антропомитек, возможно при извержении вулкана, но впоследствии дождевые потоки, разливы Бенгавана, крокодилы, наконец, могли рассредоточить части скелета на значительной площади древней береговой отмели. Недаром на бедре остались вмятины острых зубов крокодила! А то, что никто до сих пор и не подозревал о существовании прямоходящей антропоидной обезьяны, естественно, не могло служить серьезным аргументом, опровергающим вывод Дюбуа. В конце концов, он ведет поиски на земле, где проходило очеловечивание обезьяны, поэтому здесь можно столкнуться с любой неожиданностью. Раскопки продолжаются, и никто не предскажет заранее, какой сюрприз «запрятан» на не тронутых лопатой участках Тринильского мыса.

Судьба, однако, не собиралась баловать Дюбуа. Она оказалась предельно скупой и в награду за упорство Давала ему в руки минимум того, над чем стоило задуматься и поломать голову: каждый новый месяц раскопок одну какую-нибудь кость антропоида, а то и ни одной. Конец августа и сентябрь 1892 года прошли в бесплодных поисках, и только в октябре, когда горизонт начал затягиваться дождевыми тучами, возвещающими окончание сухого сезона, всего в трех метрах от черепной крышки удалось обнаружить второй коренной зуб антропоида.

Находка дала мало нового, но для Дюбуа она представляла особую ценность, так как располагалась между черепной крышкой и бедром антропомитека. Значит, правильно его предположение, что поток воды рассредоточил кости, принадлежавшие одному скелету. Они лежали на площади 46 квадратных футов, а вокруг на и миль ничего подобного не было обнаружено.

Именно эту особого значения мысль прежде всего подчеркнул Дюбуа в сообщении, написанном для третьего «Квартального доклада Рудного бюро» за 1893 год после возвращения из Тринила в Батавию. В то же время открытие на удивление человекообразного бедра, новые измерения черепной крышки и уточнение объема мозга антропомитека троглодита позволили ему сделать еще один решающий шаг к великому прозрению.

Отметив, что по объему мозга шимпанзе из Тринила превосходит современных шимпанзе в 1,4 раза и составляет 2/3 объема мозга человека, а череп по форме и другим особенностям оказывается сходным с черепом шимпанзе, а также гиббона, отличаясь от них большим размером и меньшим развитием надглазничных валиков, Дюбуа выдвинул новое смелое предположение: самая развитая из известных обезьяна Тринила, полностью освоившая прямохождение, не только наиболее близкий к человеку антропоид, но, возможно, и форма из которой «развился человек»! Поскольку тринильский шимпанзе «ходил прямо, как человек», Дюбуа решил изменить его видовое название. Отныне он должен именоваться «шимпанзе прямоходящий» - *Anthropopithecus erectus*. Тем самым подчеркивалась одна из наиболее неожиданных и удивительных особенностей нового вида шимпанзе - способность уверенно передвигаться на двух ногах и иметь свободные для манипуляций руки.

В заключение Дюбуа присоединился к мнению тех, кто считал Индию родиной человека. Открытие многочисленных останков древнейших антропоидов в Сивалике подкрепляло его уверенность в правильности такого предположения. Переселение обезьяньего предка человека из Индии на Яву теперь менее всего казалось проблематичным - ведь он ходил по земле на двух ногах, а тысячекилометровые расстояния не страшны, когда в запасе сотни тысячелетий!

И эта публикация не взбудоражила ученый мир: ее, как и предшествующие, просто-напросто не заметили! Но это было затишье перед бурей. Дюбуа осталось сделать всего один шаг, чтобы после шести лет неустанным поисков и мучительных размышлений воскликнуть наконец: «Эврика!» Как же несправедливы те, кто представив его в будущем человеком, которому не составляло никакого труда «делать» открытия. Это не значит, что раскопки 1893 года позволили сделать какое-то новое открытие. Напротив, поездка в Тринил оказалась на этот раз безрезультатной - ни одной, даже самой незначительной косточки «шимпанзе прямоходящего» обнаружить не удалось.

Чем больше Дюбуа раздумывал над результатами измерений черепной крышки и бедра, а также характерными особенностями костей шимпанзе из Тринила, тем больше сомнений и противоречивых мыслей они вызывали. До чего же причудливо и сложно перемешались здесь черты, характерные для антропоида и человека!

Стараясь по возможности точнее определить классификационный статус загадочного существа, жившего миллион лет назад у подножия вулкана Гелунг-Гелун-гунг, Дюбуа порой впадал в полное отчаяние.

С одной стороны, он как будто прав, присоединив его к семейству шимпанзе. Недаром Дюбуа затратил массу усилий, чтобы заполучить четыре черепа шимпанзе и два черепа гиббона, с которыми он теперь тщательно сравнивал черепную крышку. Конечно, не помешали бы и черепа гориллы, а также орангутанга, но приобрести их так и не удалось. Коренной зуб тоже во многом близок коренным шимпанзе и гиббона.

Но как совместить все это с огромным размером черепа «тринильца», невероятным для антропоидов объемом мозга, человеческим бедром? Да и коренной зуб в некоторых деталях строения гораздо ближе к коренным человека, чем у шимпанзе и гиббона. Значит, можно присоединить «хозяина» тринильской черепной крышки к семейству гоминид, людей? Однако объем мозга его составляет всего 2/3 объема мозга человека, да и слишком обезьяноподобен тринильский шимпанзе, чтобы осмелиться возвести его в почетный ранг человека!

Дюбуа лихорадочно искал и не находил выхода из беспросветного тупика.

А что, если?.. В самом деле, для чего, собственно, прибыл он сюда, на Малайский архипелаг, и что вот же седьмой год с усердием отыскивает в джунглях? «Недостающее звено»! Переходная форма между обезьяной и человеком! Тот самый *Pithecanthropus alalus*, «обезьяночеловек бессловесный», рожденный гениальным воображением Эрнста Геккеля...

Дюбуа был потрясен неожиданным поворотом мыслей. Вот он - выход из мучительного тупика: в Триниле найдены кости не обезьяны, но и не человека. Останки существа, стоящего на грани перехода от обезьяны к человеку. «Недостающее звено» отныне более нельзя считать «недостающим». «Звено» у него в руках. Двадцать первая по градации Геккеля ступень родословного древа человека найдена!

Осматривая в который раз черепную крышку, Дюбуа неожиданно вспомнил картину художника Габриэля Макса, который, пользуясь указаниями Геккеля, изобразил семейство питекантропов. Сгорбленные волосатые фигуры, тупой, бессмысленный взгляд...

Макс Фюрбрингер любил пошутить по этому поводу! Он говорил, что на картине запечатлена самая счастливая семья в мире: супруга обезьяночеловека была бессловесна. Поэтому она никогда не перечила главе семейства. Впрочем, и он ведь оставался бессловесным.

Милый, добрый учитель! Ты проиграл пари, а выиграл его тот, кто поставил на один шанс из миллиарда. Это кажется невероятным, но иголка в стоге сена найдена. Открыто то, за чем с самоуверенностью молодости он, Дюбуа, отправился за тридевять земель, махнув рукой на спокойное благополучие карьеры университетского профессора.

Теперь, когда мучительные сомнения оказались позади, Дюбуа решил объявить о своем открытии в специальной публикации на немецком языке. В 1894 году в Батавии выходит хорошо иллюстрированная книга, название которой поразило антропологов как гром с ясного неба, - «*Pithecanthropus erectus eine menschenanliche ubergangsform aus Java*». «Обезьяночеловек прямоходящий, человекообразная переходная формам с Явы». Да, Дюбуа снова, на этот раз окончательно, изменил «имя» обитателя тропических джунглей - это не *Anthropo - pithec* (человекообразная обезьяна), а наоборот - *Pithec - anthrop* (обезьяночеловек). Две составные части «имени» поменялись местами - только и всего, но за такой далеко не случайной перестановкой скрывался глубочайший смысл, для уяснения которого Дюбуа потребовалось два года!

Эрнст Геккель мог торжествовать: его название предполагаемой переходной формы было принято Дюбуа без колебаний. Однако вторую часть «имени» - *alalus* (бессловесный) он заменил словом *erectus* (прямоходящий)! Изучая внутреннюю полость черепной крышки из Тринила, он заметил отчетливый отпечаток извилины Брока, с которым обычно связывают уровень развития речи. Питекантроп был не бессловесным. Он говорил, мыслил, превосходно координировал свои действия!

Когда из типографии привезли кипу отпечатанных книг о питекантропе, Дюбуа начал отправлять их коллегам в Европу. Один из первых экземпляров послан Эрнсту Геккелю. На обложке ее Дюбуа написал: «Изобретателю питекантропа». Пока книги плывут к берегам Атлантики, чтобы произвести подлинный фурор в ученом мире и прессе, он старательно готовится к отъезду в Голландию; упаковываются ящики с коллекциями костей животных, подробно инструктируется Докворт, который будет продолжать под его заочным руководством раскопки в Триниле. В 1894 году Дюбуа в последний раз посетил деревушку на берегу Бенгавана. На возвышенном месте правой стороны реки под его наблюдением соорудили прямоугольную бетонную тумбу с надписью на одной из широких граней:

«*Pithecanthropus erectus wurde 175m ost - nord - - ost von diser Stelle gefunden in den Jahren 1891/93*».

Заботы о точном указании места находки «недостающего звена» не случайны. Бенгаван метр за метром размывает левобережный Тринильский мыс, и кто знает, что останется от него через несколько десятков лет. Поэтому Дюбуа и разместил скромную бетонную стелу с предельно лаконичной надписью на правом берегу, которому не угрожают катастрофические наводнения. Теперь каждый, кто пожелает, отсчитав 175 метров на восток-северо-восток, может увидеть место, где найден далекий предок человека.

Наступает 1895 год. Ничто более не задерживает Дюбуа в Голландской Индии. 300 ящиков с коллекциями отправлены в адрес Лейденского музея естественной истории, где хранятся кости вымерших животных, собранные некогда художником Раденом и описанные Мартином. Весомое будет пополнение!

Однако Дюбуа не торопится в Европу. Он выедет Сначала в Индию, чтобы осмотреть знаменитые обнажения Сиваликских холмов, древние слои которых хранят костные останки первых предков человека на Земле. Как можно равнодушно миновать место, откуда двинулся на восток миллион лет назад яванский питекантроп? С наслаждением

осматривает Дюбуа темные песчанистые слои Сивалика и находит, но по характеру они близки тринильским...

Тем временем книга достигла Европы и возбудила первые волнения и споры. В Иене ее получил Эрнст Геккель, «изобретатель питекантропа», и сразу же внимательно проштудировал. Итак, на Яве, одном из островов Малайского архипелага, где Геккель призывал искать родину людей, Дюбуа нашел странное существо - не обезьяну, но и не человека. Именно поэтому он провозгласил в отряде приматов новое семейство: Pithecanthropidae - питекантроповых, то есть обезьянолюдей. Что касается рода и вида, то голландец назвал свою находку почти в точности так, как Геккель четверть века назад назвал гипотетическую форму предка человека, - Pithecanthropus erectus!

Случай, пожалуй, уникальный в антропологии: чистая конструкция мысли, «плод фантазии», «выдумка» и постоянный объект издевательств и насмешек коллег вроде Вирхова, подтверждена счастливым открытием! Триумфальным финалом прозвучали для Геккеля заключительные слова книги Дюбуа: «Питекантроп прямоходящий есть не что иное, как переходная форма, которая, согласно эволюционному учению, должна была существовать между людьми и антропоидными обезьянами; он - предок человека!»

Восторженный прорицатель не замедлил бросить перчатку Вирхову: «Ситуация в великом сражении за истину в вопросе происхождения человека коренным образом изменилась... Открытие питекантропа - «материальное» воплощение того, что я сконструировал гипотетически. Найденные господином Дюбуа останки, несомненно, принадлежат тон вымершей ныне промежуточной группе между человеком и обезьяной. Находка Дюбуа и есть то «недостающее звено», которое так долго искали. Эта находка имеет несравненно большее значение для антропологии, чем великое открытие рентгеновских лучей для физики».

Выдающийся английский антрополог Эллиот Грэфтон Смит приветствовал открытие на Яве с не меньшим удивлением и радостью: «Случаются же поразительные вещи! Дюбуа действительно нашел ископаемое, которое предсказало научное воображение».

Однако далеко не все разделяли энтузиазм Геккеля, «духовного отца» питекантропа. Вирхов, в частности, заявил, что не видит особых причин для восторга. Чтобы унести определенное суждение о «так называемом питекантропе», следует для начала осмотреть черепную крышку, бедро и коренные зубы, найденные в Триниле, а не ограничиваться прочтением сочинения никому не ведомого господина Дюбуа. Подавляющее большинство антропологов согласилось с Вирховом.

В июне 1895 года Дюбуа прибыл в Европу. Занавес распахнут - идет финальный акт драмы, наполненный особенно острыми сюжетными коллизиями.

Началось с того, что костные останки питекантропа чуть было не затерялись навсегда. Вскоре после возвращения в Голландию Дюбуа, как некогда Фульротт, решил показать находки кому-нибудь из авторитетных антропологов и в беседах с ним удостовериться, насколько основательны главные из его выводов. В «роли» Шафгаузена на сей раз выступил выдающийся французский палеоантрополог Мануврие. Именно к нему в Париж отправился первооткрыватель «недостающего звена».

Он напрасно тревожился и переживал. При первой же встрече в лаборатории разговор принял самое благоприятное для Дюбуа направление; осмотрев черепную крышку питекантропа, а также бедро и зуб, Мануврие согласился с заключениями гостя. Действительно, питекантроп, судя по всему, не что иное, как переходная между обезьяной и человеком форма.

Взволнованные собеседники отправились в ресторан поужинать. Несколько бокалов доброго французского вина, поднятых в честь гостя и хозяина, настраивали на благодушный лад. Дюбуа подумал, что все самое трудное позади, поддержка

антропологов ему обеспечена. После ужина Мануврие предложил прогуляться по вечернему Монмартру, и они вышли, продолжая все ту же, кажется, не имеющую конца увлекательную беседу об обезьянолюдях.

Прошло достаточно много времени, прежде чем Дюбуа неожиданно почувствовал какую-то неосознанную тревогу. Чего-то не доставало. Вдруг он понял причину беспокойства и резко замедлил шаг. Мой саквояж, - упавшим голосом проговорил Дюбуа. - Мы забыли в ресторане саквояж с питекантропом!

Тут только Мануврие заметил, что в руках побледневшего Дюбуа действительно нет саквояжа, в котором лежали находки с Явы. Он поставил его под стол и в увлеченный разговором, забыл захватить, когда они покидали ресторан.

Дюбуа и Мануврие как по команде повернули назад. Трудно придумать положение нелепее: шесть лет отдано поискам питекантропа, и теперь, когда он найден, непростительно досадная небрежность может погубить дело.

Недобросовестный посетитель ресторана может прихватить саквояж с собой, надеясь разбогатеть, а когда увидит содержимое, с досадой забросит кости в грудку мусора. Может ли помочь парижская полиция отыскать утерянное? А что, если саквояж передали хозяину ресторана или на него обратил внимание официант?

К великой радости Дюбуа и Мануврие, саквояж преспокойно дожидался под столом возвращения своего рассеянного хозяина. Это происшествие доставило Дюбуа столько переживаний, что с тех пор он питекантропа в рестораны «не водил» и по улицам «не прогуливал».

Дюбуа посетил Англию, где представил питекантропа ведущим антропологам, геологам и палеонтологам страны. Черепную крышку из Тринила рассматривали Джон Леббок, Вильям Флоуэр, Вильям Турнер, Эллиот Смит, Артур Кизс, Смит Вудворд. Почетная привилегия осмотреть «недостающее звено» была предоставлена в Германии знаменитым антропологам и анатомам Рудольфу Вирхову, Герману Клаачу, Густаву Швальбе. Дюбуа изготовил бронзовые муляжи, точные копии черепной крышки питекантропа, и разослал во все ведущие институты Европы, где велись антропологические исследования. С муляжей, в свою очередь, сделали гипсовые слепки, и в результате широкие круги антропологов получили возможность наглядно представить характер находки в Триниле.

Мнения специалистов далеко не единодушны. Развернувшаяся в ученых собраниях и на страницах научных изданий дискуссия ведется в предельно острой, бескомпромиссной манере, частью на грани оскорбительных выпадов, чему способствуют диаметрально противоположные позиции сторонников и противников Дюбуа. Последних особенно раздражает утверждение об открытии на Яве «недостающего звена», а не антропоида, например, чрезвычайно низкоорганизованного человека под видом атаки на Дюбуа предпринимаются попытки развенчать и, в который уже раз, ниспровергнуть дарвинизм.

В споры вмешивается церковь. Служители культа не на шутку обеспокоены опасным брожением умов и стремятся по мере сил наставить «заблудших овец на путь истинный». О каком обезьяночеловеке можно говорить? Разве почтенный отец Джон Лайтерут из Кембриджа не подсчитал, что создатель сотворил человека из праха в 9 часов утра 23 октября 4004 года до рождества Христова!

В чем только не обвиняют Дюбуа коллеги! Он, оказывается, профан в геологии и палеонтологии, и поэтому понятна его ошибка в датировке так называемого питекантропа. Ни о каком миллионе лет не может быть в речи, на Яве найдена не очень древняя обезьяна, вероятнее всего гиббон.

Другие намекали на то, что Дюбуа не мешало бы внимательнее проштудировать антропологию: кто же из «серьезных специалистов» может с такой уверенностью и апломбом говорить о принадлежности черепной крышки, бедра и коренных зубов одному существу. Ведь каия дому очевидна «несовместимость» обезьяноподобном черепа и человеческого бедра.

Третьи обращали внимание на «ярко выраженные патологические изменения» костей черепа и бедра и объявляли выводы об открытии в Триниле «недостающего звена» «досадным заблуждением».

В споры вмешались даже фантасты: Герберт Уэллс горячо и страстно доказывал, что Дюбуа нашел кости не человека и не шимпанзе. Питекантроп, по его мнению, не что иное, как разгуливающая по Земле обезьяна с прямой человеческой осанкой.

Но не меньше огорчений приносили Дюбуа выступления тех, кто в общем соглашался признать выдающееся значение открытия на Яве. Большинство поддерживало мысль о том, что каждая из найденных в слое лапилля костей, о которых столь ожесточенно спорят, составляет часть одного скелета. Разногласия и противоречия начинались сразу же, как только симпатизирующие Дюбуа антропологи пытались определить «классификационный статус» питекантропа.

Одним казалось, что это существо не переходная форма от обезьяны к человеку, а «вне каких-либо сомнений, человек», самый низший из известных по уровню развития, прямой предок современных людей. Другие утверждали, что питекантроп - «низкоорганизованный человеческий тип». Третьи колебались и высказывали сомнения:

можно ли размещать обезьяночеловека из Тринила в «прямой линии предков человека»? Не правильнее ли определить его как боковую тупиковую ветвь древних людей, исчезнувшую с лица Земли, не оставив потомства?

Когда позже профессор Смитсоновского института Геррит Миллер попытался разобраться в противоречивых откликах на открытие Дюбуа, то насчитал 50 взаимоисключающих мнений: питекантроп древнее или, напротив, очень позднее существо, кости представляют части скелета одного или нескольких разновидностей антропоидов, зубы и черепную крышку связывали с гиббоном, шимпанзе, примитивным неандертальцем, нормальным человеком современного типа, идиотом... Дюбуа терпелив. Ему слишком хорошо знакомо это мучительное состояние неопределенности, чтобы досадовать, сердиться и сетовать на непонимание. Разве сам он не затратил годы, чтобы уяснить существо дела? Поэтому при встречах с коллегами Дюбуа старательно и с жаром разъясняет, доказывает, и, судя по всему, не без некоторого успеха.

Когда 15 сентября 1895 года в одном из обширных залов Лейденского университета открылся Международный зоологический конгресс, сразу же стало ясно, что питекантроп находится в центре внимания выдающихся специалистов, съехавшихся со всех концов Земли. Каждый из маститых профессоров антропологии, зоологии и геологии считал для себя честью и непременным долгом осмотреть кости «недостающего звена», любезно и с готовностью выставленные Дюбуа, и подержать в руках тяжелую черепную крышку странного существа - не то обезьяны, не то человека.

Целую неделю продолжались заседания, и ни на одном из них не утихали ожесточенные споры о том, что же представляет собой на самом деле обезьяночеловек из Тринила. Высказывались настолько противоречивые мнения, что растерявшемуся председателю в конце концов пришлось пойти на совершенно беспрецедентный шаг. Чтобы хоть в какой-то мере уяснить для себя картину «отношения» профессоров к питекантропу, он предложил провести голосование! После некоторой заминки, вызванной неожиданным предложением, 20 профессоров пришли к заключению о необходимости отдельного голосования по каждой из находок. Это показывало, что противоречия во взглядах достигли крайнего предела. Дюбуа с любопытством следил, чем закончится этот необычный «устный аукцион».

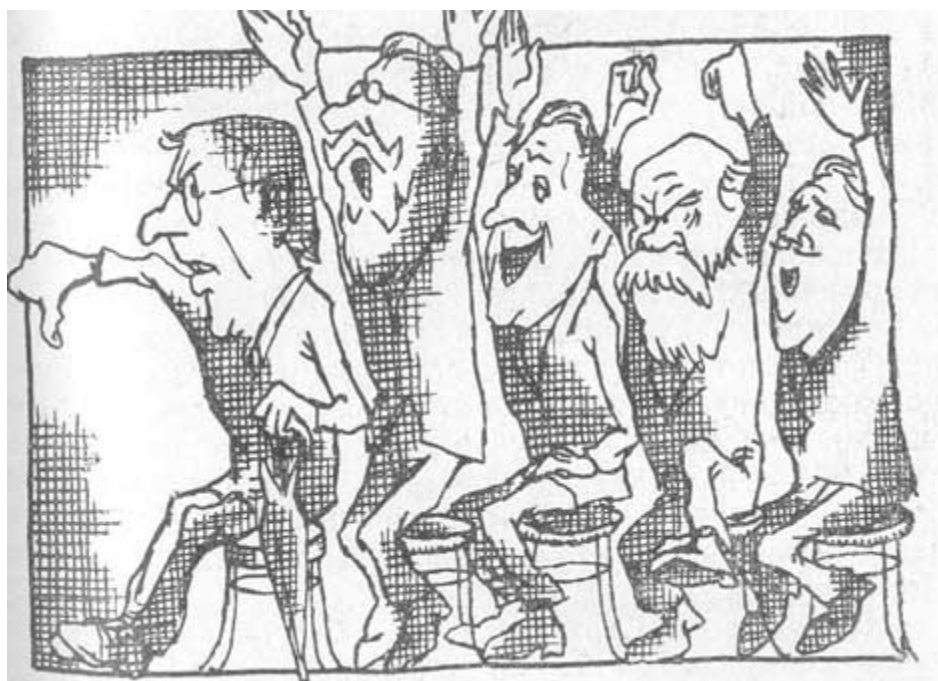
Сначала председатель предложил высказаться по поводу главной находки с Явы - черепной крышки. Мнения разделились почти поровну: за то, что она принадлежала человеку, подано 6 голосов, обезьяне - 6, промежуточному существу - 8. Если бы споры в науке можно было решать голосованием, Дюбуа следовало поздравить: хоть и незначительным большинством голосов, но он все же в первом туре одержал победу.

Затем начался второй тур - бедренная кость. На этот раз сокрушительное поражение: за то, что она принадлежала человеку, подано 13 голосов, обезьяне - 1 (Вирхов!), промежуточному существу - 6. Два сторонника Дюбуа покинули его лагерь. Потеря существенная, если учесть, что идея о прямохождении - одна из центральных в его концепции, связанной с особенностями «недостающего звена».

Председатель тем временем просит решить судьбу третьего коренного зуба. Снова победа за Дюбуа, но с тем же незначительным преимуществом: зуб человека - 4 голоса, обезьяны - 6, обезьяночеловека - 8. Два профессора не рискнули определить свою позицию. Этот нейтральный лагерь увеличился до 13 человек, когда началось голосование по поводу второго коренного: ни один из профессоров не решился назвать его человеческим; двое предпочли увидеть в нем зуб обезьяны, а пять - промежуточного существа.

Голосование голосованием, но каждый, естественно, остался при своем мнении. Палеонтолог Вильям Деймс писал после окончания конгресса в лейденской газете *Deutsche Rundschau* об «огромных различиях во взглядах» на костные останки обезьяночеловека. В то же время он без колебаний признал «силу аргументов, подтверждающих переходный характер питекантропа». Дюбуа результаты обсуждения разочаровали. Он готовился столкнуться с недоверием и настороженностью, во не со столь ярко выраженной и последовательной. Ему не давало покоя, что в лагере сторонников было больше палеонтологов, чем антропологов. Кроме того, сбивали с толку зоологи, которые уверяли, что на Яве найдены останки человека, и анатомы, убежденные, что Дюбуа обнаружил в Триниле кости обезьяны. Оставалось утешаться тем, что в жарких дебатах на его стороне оказались великий Мануврие, известный палеонтолог Неринг, знаменитый исследователь динозавров, титанотериев и ископаемых обезьян американец Оснил Чарлз Марш.

Неопределенность выводов Лейденского конгресса заставила Дюбуа с еще большим рвением отдаться борьбе со скептиками, которых возмущали его заявления об открытии «недостающего звена» и подозрительная легкость, с которой ему удалось найти кости питекантропа. Дюбуа понимает, что «воспламеняет умы», разжигает разногласия, ожесточает спорящих и даже толкает противников на «не совсем приличное поведение». Виновата его бескомпромиссность и уверенность, что на Яве открыто «долгожданное недостающее звено». Это обстоятельство почему-то дает право противникам вести критику в том тоне, в каком они находили нужным. Любое выражение считалось законным и естественным, поэтому некоторые из наиболее яростных оппонентов заходили в критическом раже настолько далеко, что без стеснения стремились скомпрометировать даже унижить Дюбуа и его находку.

Но разве объяснишь каждому, что «легкость» открытия - это миф, а выводы - результат долгих и мучительных раздумий?

Спорам, казалось, не было видно конца. Однако Дюбуа не отчаивался и продолжал настаивать на своей не для того провел он семь лет на Малайском архипелаге, чтобы отступить теперь, когда решается судьба его детища. Не удивительно поэтому, что прошло лишь два месяца со времени окончания конгресса в Лейдене, и Дюбуа снова на трибуне, на этот раз в Берлине, в зале заседаний Общества антропологии, этнографии и первобытной истории, там, где господствует сильный и опасный противник - Рудольф Вирхов.

- ...Господа! Я позволю себе сделать главный вывод из изложенного ранее и закончу доклад. Итак, из сравнительного изучения материалов, а также измерений, проведенных мною со всей возможной тщательностью неизбежно следует вывод; в Триниле открыта переходная форма от обезьяны к человеку, иначе говоря - «недостающее звено». Объем его черепной коробки, по форме напоминающей черепную коробку гиббона, составляет 908 кубических сантиметров. Рост, судя по длине бедра, достигал 1 метра 72 сантиметра. Думаю, что вес обезьяночеловека с Явы превосходил 100 килограммов.

Дюбуа наклонил голову в знак благодарности и принялся собирать листочки, разбросанные по пюпитру - Вирхов, который, кажется, под конец слегка задремал, утомленный докладом, сразу же оживился и торопливо водрузил на нос пенсне.

- Господа, мы имеем редкостную и счастливую возможность осмотреть кости из Тринила, которые наш гость любезно согласился привезти в Берлин. О них говорит сейчас вся Европа, да и Америка тоже. Поэтому я объявляю перерыв и прошу проследовать за нами в соседнюю комнату, где выставлены находки.

Большинство слушателей двинулось вслед за Дюбуа и Вирховом. Всем не терпелось поскорее увидеть знаменитое «недостающее звено», о котором не переставая пишут газеты. Каков он, далекий предок? Некоторые вскоре вернулись - кости как кости, и есть ли смысл спорить о них до хрипоты. Однако многие остались около стола и прислушивались к разговорам почтенных членов общества. Не каждый день случается посмотреть на останки странного существа, бродившего по джунглям миллион лет назад, и послушать, что говорят по этому поводу умные люди.

Осмотр коллекции закончился, заседание продолжалось. Один за другим выходили к пюпитру оппоненты, однако вскоре Дюбуа понял, что среди членов Берлинского общества антропологии, этнографии и первобытной истории сторонников у него будет еще меньше, чем в Лейдене. Снова удивительный разноречивый в мнениях, досадно противоречивые и сбивчивые заключения, необоснованные и сердитые упреки, странное нежелание понять суть его доводов, оскорбительные намеки на некомпетентность...

Что-то скажет сам Рудольф Вирхов? По праву председателя он завершит дискуссию и подведет ее итоги.

- Господа, я буду немногословен, поскольку считаю вопрос ясным. К тому же мне пришлось совсем недавно в Лейдене высказаться по поводу так называемого питекантропа, и не хотелось бы повторять все заново...

Так начал свою речь Вирхов, и Дюбуа понял, что ему не удалось убедить «закоренелого старого скептика», как назвал его однажды Оснил Чарлз Марш. Значит, остается лишь надеяться на лучшее будущее?

- Я не вижу причин и повода, - продолжал Вирхов, - к отказу от вывода, что черепная крышка принадлежала гиббону. Разумеется, не обычному, а какой-то гигантской его разновидности, поскольку черепная крышка отличается необычайно большими размерами. Но заметьте, господа, что даже при таком увеличенном размере череп сохраняет в общем сходные с черепом гиббона контуры. К тому же вы, очевидно, обратили внимание на резкое сужение черепной крышки в районе, расположенном сзади верхнего края глазниц. Ничего подобного не наблюдается у человеческого существа но характерно для обезьян. Следует, кроме того, учитывать деформацию кости от длительного пребывания Л в земле на очень большой глубине. На эту мысль меня наталкивает необычно уплощенный вид затылочной кости черепной крышки. Стоит ли говорить о совершенно обезьяньих надглазничных валиках? Это факт очевидный и не допускающий иного толкования. Отсюда можно сделать вывод, что черепная крышка аз Тринила представляет собой часть черепа не человека, а обезьяны. Коренные зубы тоже, бесспорно, обезьяньи, хотя при сильном желании в них можно заметить нечто от зубов человека. Но это не меняет существа дела...

Когда дело касалось принципиальных споров с глубоко антипатичными ему дарвинистами, Вирхов менее всего думал о деликатности и смягченных формулировках. В зал летели ядовито-насмешливые слова, и вспышками грозных молний сверкали в стеклах пенсне отсветы электрических ламп люстры.

- Признаться, более всего меня удивляет настойчивое желание доктора Дюбуа совместить черепную крышку и бедро. Разве не очевидно, что последнее принадлежало не обезьяне, а человеку? Я не буду утомлять вас доказательствами. Однако не могу не обратиться вашего внимания на нечто ускользнувшее от необычна зоркого глаза докладчика. Впрочем, упрек касается моей области интересов - патологоанатомии. Верхняя часть бедра изуродована болезнью. Здесь имеется отчетливое патологическое новообразование, что-то вроде наростов. Я, как врач, иногда встречал такие наросты у своих пациентов. Если они не пользовались специальным тщательным лечением, то были обречены на смерть! Но поразительно - существо из Тринила не умерло, а, судя по следам заживления, исцелилось и продолжало жить! Значит, бедро принадлежало не какому-то примитивному человеческому существу, а человеку современному и притом достаточно цивилизованному, чтобы бороться и победить ужасную болезнь.

Ради справедливости я должен отметить, что бедро обладает некоторыми примитивными особенностями. По его необычной прямизне, округлости диафизов особенно в нижней части, оно очень напоминает бедро гиббона. Поэтому, если уж так желательна идея совмещения всех костей, найденных в Триниле, я не вижу препятствий к утверждению о том, что бедро, как и черепная крышка, принадлежало гигантскому гиббону. Если бы это был человек, вы нашли бы вместе с его костями каменные орудия. Поскольку ничего подобного в вулканическом туфе не обнаружено, то в согласии со всеми правилами классификации тринильское существо следует считать животным, обезьяной, а не обезьяночеловеком. Питекантроп - выдумка, а не реальность!

Дюбуа снова обратил внимание на огромный по сравнению с антропоидами объем мозга «тринильца», детали строения черепной крышки, которые напоминали череп человека. Ученый призвал на помощь авторитет Неринга и напомнил, что сужение черепной крышки около верхнего края глазниц наблюдается иногда даже у современного человека. Привел также мнение Марша о благополучном существовании в тропиках обезьян с такими же, как на бедре питекантропа, болезненными наростами на костях. Они жили, хотя и не получали медицинской помощи. Очевидное смешение особенностей, присущих человеку и обезьяне, дает право, утверждал Дюбуа, считать существо с Явы обезьяночеловеком, древнейшим предком людей.

Все напрасно: друзей не следовало убеждать, а противники, вроде Вирхова, откровенно скучали, потеряв интерес к предмету спора. Дюбуа ушел с заседания глубоко огорченный и расстроенный. Его идеи, такие, кажется, очевидные и ясные, не находили широкой поддержки, на которую он рассчитывал...

Два года ведет ученый ожесточенное, не на жизнь, а на смерть сражение за питекантропа. Достаточно большой срок, чтобы даже «закоренелым скептикам» уяснить существо его мыслей. Во всяком случае, ему самому без посторонних подсказок потребовалось меньше времени на то, чтобы понять значение открытия на берегах Бенгавана. Противники с досадой отмахиваются от доводов и упорно не желают признать обоснованность заключений о «недостающем звене». Конечно, Дюбуа не одинок. На его стороне такие выдающиеся антропологи как Густав Швальбе и Герман Клаач. Его по-прежнему страстно поддерживает Эрнст Геккель. Однако Дюбуа нужно всеобщее признание. Ведь все так очевидно и ясно!

Неожиданно наступает момент тяжелого кризиса, Дюбуа стал замкнут, подозрителен, недоверчив, в поведении появились трудно объяснимые странности. Питекантроп превратился в его рок. Как ревнивый отец ограждает он от «посторонних» свое детище. Только он должен иметь исключительное право на обладание бесценным сокровищем. Несогласных с его выводами Дюбуа теперь считает своими личными врагами.

С большой неохотой показывает кости питекантропа даже избранному кругу лиц. Все труднее удастся убедить его показать уникальные находки какому-нибудь из ведущих специалистов по антропологии. Дело доходит до того, что для человека, в котором он видел коллегу, Дюбуа просто не было дома. Мысль потерять кости питекантропа из-за какой-нибудь нелепой случайности не давала Дюбуа покоя. Временами ему казалось, что он слышит звуки шагов ночных взломщиков, намеревающихся проникнуть в комнату, где хранятся черепная крышка, бедро и зубы обезьяночеловека, и выкрасть их. Ночами он чутко прислушивался к звукам, доносящимся с улицы.

Наконец измученный тревогами Дюбуа предпринял неожиданный для всех шаг: в 1897 году сдал кости питекантропа на хранение сначала в музей Тэйлора в своем родном Гаарлеме, а затем перевез в более безопасное и надежное место, в хранилище Лейденского музея. Здесь они четверть века скрывались от глаз людей за сложными замками двойного металлического сейфа. После всех оскорблений и унижений «коллегами» Дюбуа потерял всякий интерес к обезьяночеловеку и связанным с ним проблемам. Попробуйте теперь убедить его в том, что он не прав.

Ученый мир удивлен, шокирован, возмущен, полон негодования, сыплет протестами, но Дюбуа неумолим. Ни один человек не имеет доступа к костям питекантропа, кем бы он ни был и кто бы ни ходатайствовал за него. Что это - каприз, причуда, месть, обида на несправедливость?

Трудно сказать, но факт остается фактом: Дюбуа внезапно прекратил борьбу за питекантропа и лишил возможности других продолжать ее. Даже Эрнст Геккель, «изобретатель и духовный отец обезьяночеловека», так никогда и не увидел кости питекантропа, открытие Которого предсказал: участвовать в работах Лейденского конгресса ему не довелось, а сейф музея Лейдена перед ним не распахнули. Когда Герман Клаач, который приложил много усилий для доказательства правоты Дюбуа, вернулся из путешествия на Яву, где он осматривал Тринил, и захотел увидеть черепную крышку питекантропа, то ему было отказано решительно и бесповоротно. Дюбуа не захотел встретиться с ним и поговорить. Клаач так и не увидел костей питекантропа: на Яве он заболел тропической малярией и вскоре после возвращения в Европу скончался.

Кое-кто попытался оказать давление на Дюбуа через правительство Нидерландов, но тщетно: министр просвещения Купер объявил, что описание материалов, связанных с яванским обезьяночеловеком, и костей ископаемых животных из Тринила осуществит в ближайшие три года сам Дюбуа. Но и через три года ничего не было опубликовано. Антропологам пришлось довольствоваться изданным до 1897 года.

Тем временем сотрудники Дюбуа продолжают раскопки на берегах Бенгавана. В Лейден один за другим поступают большие ящики, наполненные костями. Что это за кости и есть ли среди них новые останки питекантропа, для всех, в том числе и для Дюбуа, остается тайной: ящики складываются штабелями в подвальном хранилище музея. Кажется, нет на свете силы, которая могла бы заставить Дюбуа приняться за дело и взять в руки перо. Он может выехать на Яву и вновь копать в Триниле, но ему приятнее, очевидно, демонстрировать равнодушие. Более того, вскоре отдается распоряжение прекратить работы, и охотники за костями вымерших животных покидают долину реки Бенгаван,

Выведенные из себя упрямством Дюбуа исследователи принимают решение отправить на Яву большую экспедицию на поиски питекантропа. Организацию ее взял на себя Эмиль Зеленка, профессор зоологии Мюнхенского университета. Его хорошо знали в Голландии в течение шести лет, с 1868 по 1874 год, он преподавал зоологию в Лейденском университете, а в 1887-1889 совершил путешествие в Восточную Азию, в ходе которого посетил также Яву и Борнео. Зеленка занимался изучением антропоидных обезьян, но его волновала проблема происхождения человека.

Друзья из Голландии после долгих хлопот добились для него разрешения вести раскопки на Яве, а Берлинская академия наук и Мюнхенский университет выделили

необходимые суммы денег. Экспедиция, однако, началась с несчастья - внезапно умер Эмиль Зеленка, руководство предстоящими исследованиями пришлось взять на себя энергичной супруге умершего - Маргарите Леоноре Зеленка. В начале 1907 года она вместе с ближайшими помощниками - профессором Максом Бланкенгорном, геологом Элбертом и голландским горным инженером Оппенуртом отплыла из Европы на Яву.

Слухи о предстоящих раскопках в долине Бенгаван-Соло заставили-таки Дюбуа сесть за перо и нарушить затянувшееся молчание. Вот, оказывается, что требовалось для возвращения его к деятельности! В течение 1907-1908 годов он опубликовал две почти совершенно идентичные заметки - одну на голландском языке, а другую на немецком. Но что это были за заметки!. Кажется, Дюбуа решил поиздеваться над палеонтологами, настолько вызывающе небрежно они составлены. Предельно краткое описание разновидностей древних животных, найденных в центральных районах Явы, не сопровождалось ни иллюстрациями, ни измерениями. Не обращая внимания на существовавшие до него описания, Дюбуа присваивал животным новые латинские названия. Словно в насмешку над неведомым противником, он перевернул вверх дном выработанные десятилетиями правила и переименовал обыкновенного тигра в «тигра Грюневельдта» (*Felis groeneveldtii*). Однако, издавая статью на немецком языке, решил почему-то лишить Грюневельдта высокой чести и того же тигра назвал тринильским (*Felis trinilensis*)!

Экспедиция фрау Леоноры Зеленка, к вящему удовольствию и радости скептиков, не открыла питекантропа, несмотря на горы перекопанной земли в местечке Сонуе, в нескольких милях от Тринила. Тысячи костей самых разнообразных животных извлечено из слоя лапилли, в том числе оленей, буйволов, южных слонов и малых антилоп, названных в честь строптивца «антилопами Дюбуа». Но ни одной косточки обезьяночеловека найти не удалось. Как курьез следует лишь упомянуть коронку зуба, обнаруженного опять-таки в Триниле и описанного первоначально Валкоффом как зуб питекантропа. Последующее изучение показало, что он принадлежал современному человеку. Одним из первых объявил об этом сам Дюбуа.

Его, кажется, обрадовало такое состояние дел, и он вновь замолк почти на полтора десятка лет! Обет молчания был нарушен в 1920 году столь же внезапно, как и ошеломляюще. Дюбуа не случайно обрел дар речи. Его заставила говорить сенсационная статья Стюарту Смита об открытии около Талгая первого черепа ископаемого человека Австралии.

Когда европейские и американские антропологи проявили заинтересованность в связи с этой замечательной находкой, Дюбуа решил напомнить о себе: он опубликовал статью о вадьякских черепах, найденных на юге Явы 30 лет назад! Поистине этот человек неистощим на сюрпризы. Его драматический выход на арену можно уподобить искре, вызвавшей взрыв невероятной силы: антропологи поражены скрытностью Дюбуа, которая превзошла мыслимые границы. Они не знают о кратких заметках в «Квартальных докладах Рудного бюро» и думают, что это первое сообщение об ископаемых австралоидных черепах.

С какой бы стороны ни оценивать поступок Дюбуа, одно остается бесспорным: когда в 90-е годы прошлого, века решалась судьба питекантропа, он не мог из стратегических соображений позволить себе положить перед и без того растерянными антропологами черепную крышку питекантропа вместе с вадьякскими черепами. Одинаково минерализованные, приблизительно из одного и того же района, но резко отличающиеся друг от друга, они вряд ли были бы правильно оценены специалистами. Это была бы, как говорят в таких случаях англичане, «пища не по желудку»! Во всяком случае, спор о «недостающем звене» мог принять нежелательное направление и резко обостриться.

Теперь, в самом начале 20-х годов XX века, антропологи приняли многое из того, что ранее казалось неприемлемым. Рудольф Вирхов упорным отрицанием фактов, связанных с ископаемым человеком, окончательно скомпрометировал себя. Блестящие исследования Густава Швальбе окончательно решили вопрос о неандертальце как о

предшественнике человека разумного. Поэтому питекантроп не выглядел более как какая-то химера, от которой следовало отрешиваться. Ряды сторонников Дюбуа бурно растут. Его открытия намного опередившее время, переоценивается заново.

Как никогда остро возникла необходимость извлечь из сейфа Лейденского музея пребывающего в тягостном заключении питекантропа. Однако кто рискнет без опасения столкнуться с недоброжелательно-холодным отказом, просить Дюбуа открыть сейф?

Первыми проявили смелость американцы. Генрц Ферфилд Осборн, директор Музея естественной истории Нью-Йорка, обратился в 1923 году с письмом президенту Академии наук Нидерландов. Осборн сравнил открытие питекантропа и вадьякских черепов с удачными поисками неведомой планеты посредством таинственного талисмана. Он просил дать возможность другим ученым взглянуть в этот волшебный талисман, раскрывающий загадки происхождения человека. Ведь нельзя же, в самом деле, ограничиваться мнением первооткрывателя. Это значит ставить каждого из интересующихся в неудобную позицию. В заключение письма Осборн просил президента воздействовать на Дюбуа, чтобы тот открыл для науки свои великие реликвии.

Вряд ли Осборн надеялся на благополучный исход дела. Но каково же было удивление директора американской школы доисторических исследований в Европе Алеша Хрдлички, когда он получил в Лондоне в Британском музее естественной истории телеграмму, посланную Дюбуа на имя Смита Вудварда. В ней Хрдличку любезно приглашали посетить Гаарлем и дом самого Дюбуа и ознакомиться с костными останками питекантропа.

15 июля 1923 года Хрдличка прибыл в Гаарлем. Его с «большой сердечностью и искренним очарованием» встретил Дюбуа. Он лично извлек образцы из сейфа и продемонстрировал их гостю, а затем, к великому его удивлению, позволил подержать в руках.

Хрдличка позже описал сильное впечатление, которое произвело на него знакомство с питекантропом. Никакие даже самые лучшие слепки не могли передать настоящего характера находок. Особенно поражала примитивностью черепная крышка - темно-коричневая, тяжелая от минерализации, разрушенная с поверхности действием грунтовых вод. Дюбуа несколько сгладил неровности кости, заделав наиболее глубокие каверны папье-маше. На внутренней поверхности были отчетливо заметны желобки мозговых извилин. Бросалась в глаза также досадная фрагментарность черепа. Отсутствовали очень важные для правильной диагностики височные кости. Тем более значительной выглядела прозорливость Дюбуа. В заключение изучение образов и надеется вскоре опубликовать свои выводы.

Дюбуа стал неузнаваем. Он чувствует, что близок и победе. Визит Хрдлички в Гаарлем открыл двери другим. Тем же летом 1923 года сейф раскрывают для профессора Колумбийского университета Макгрегора. Затем к Дюбуа приезжает знаменитый немецкий палеоантрополог Ганс Вейнерт, который детально изучает кости питекантропа и публикует подробный рассказ об открытии и их описание. В 1924 году коллекция выставляется перед участниками XXI конгресса американистов, а позже и на других крупных международных съездах ученых. Питекантроп одерживает одну триумфальную победу за другой, хотя было бы, пожалуй, несправедливым и преждевременным назвать их окончательными. Нужны новые материалы, подтверждающие уникальную находку.

Многие пытаются найти костные останки обезьяночеловека в долине реки Бенгаван - путешественники, геологи, топографы и даже туристы. Одни выискивают кости в береговых, а другие, как в лотерее, надеясь на счастливый случай, покупают их у туземцах. Так соблазнительно за несколько центов приобрести то, обладать чем жаждет каждый. Малайцы, обитатели компонгов, расположенных вдоль течения Бенгавана, открывают выгодный для себя промысел. Эти европейцы поистине с ума сошли - они готовы отдать деньги за обыкновенные, ни на что не годные кости. Однако надежды на легкое счастье оказываются тщетными. Модное увлечение быстро разочаровало, ибо требовало неустанного труда и упорства.

Впрочем, однажды пресса переполошила весь мир интригующим сообщением об открытии второго черепа питекантропа. Косвенное отношение к этому событию Алеш Хрдличка. Через год после визита к Дюбуа, в мае 1924 года, он посетил Яву и прежде всего выразил желание отправиться в Тринил. Администрация и местные ученые оказали гостю всемерную помощь и содействие. Со времени работ экспедиции Зеленски прошло много лет, с тех пор никто из видных ученых не посещал страну «недостающего звена». Среди местных исследователей не было ни палеонтологов, ни археологов. Визит Хрдлички мог способствовать оживлению деятельности в той области, которая обеспечила Яве невиданное «паблисити».

Одиннадцать часов продолжался переход гостя из Бандунга через джунгли по направлению к Нгави. Затем последовал короткий пробег на автомобиле, а от Нгави до Тринила Хрдличку доставили в сопровождении начальника полиции на мотоцикле с коляской. Стоило европейцу появиться на берегу Бенгавана, как к нему вереницей потянулись малайцы с корзинами, наполненными тяжелыми костями. Алешу Хрдличке тоже не повезло - среди них не было черепа питекантропа.

Как это ни удивительно, но никто из жителей правого берега Бенгавана не знал, где располагалось место раскопок. Лишь старик, сопровождавший Хрдличку, помог отыскать бетонный монумент, сооруженный в память открытия Дюбуа. Стрелка указывала на левый берег. Там действительно виднелись неясные следы земляных работ. Через некоторое время дюжиня взрослых малайцев и толпы мальчишек доставили из Тринила множество костей. Хрдличка купил наиболее выразительные из них, но следов питекантропа снова обнаружить не удалось. Правда, мальчишки, уяснив что именно требовалось белому господину, бросились в воду, переплыли Бенгаван и начали поиски. Когда Хрдличка переправился на лодке к деревне, искать кости ему не пришлось: все было собрано. Однако черепа питекантропа в новой коллекции, конечно же, не было. Осмотр места раскопок Дюбуа, а затем берегов Бенгавана выше и ниже Тринила вплоть

до Нгави тоже не дал результатов. До позднего вечера медленно плыл Хрдличка на малайской лодке по «Великой реке», но надеждам на легкое открытие не суждено было сбыться.

В 1925 году перед отъездом из Голландской Индии Алеш Хрдличка прочитал в Сурабае лекцию о значении открытия Дюбуа в Триниле. Он не знал, что в зале среди слушателей находился доктор королевской колониальной армии Нидерландов, а в прошлом геолог Хэберлейн. Двадцать лет прослужил он в армии, но не знал, что Дюбуа, его коллега, 35 лет назад сделал великое открытие. Лекция Хрдлички оказалась настолько захватывающей, что Хэберлейн вместе со своими друзьями доктором Граафом из Моджокерто и еще с двумя склонными к приключениям джентльменами с сахарной фабрики Поэрвадади с началом очередного сухого сезона 1926 года отправились в Тринил. Хэберлейн решил повторить триумф Дюбуа.

В сентябре агентство Ассошиэйтед Пресс срочно передало с Явы потрясающую новость - 1 августа 1926 года Хэберлейн нашел около Тринила «череп примитивного человека, очень похожий на череп питекантропа, но, возможно, более человекообразной формы». Далее сообщались такие подробности, что было неловко выражать сомнения в правдоподобности сообщения: сохранность черепа не очень хорошая; затылочная часть его отсутствует, но зато есть лобная, правая и большая часть левой теменной кости, верхний отдел правой и фрагмент левой височной.

Во второй половине сентября Алеш Хрдличка получил в Вашингтоне письмо, посланное с Явы Хэберлейном. Он сообщал подробности открытия и спрашивал: что делать с черепом? У него, правда, мелькнула мысль послать находку в Голландию Дюбуа, но прежде хотелось посоветоваться с тем, кто вдохновил его на поиски. Хрдличка тут же направил в «Бюллетень ежедневных научных новостей» заметку о «втором питекантропе». Она появилась в печати незамедлительно - 29 сентября и вызвала массу всевозможных разговоров и предположений. Одновременно на Яву полетела срочная телеграмма с просьбой по возможности быстрее выслать фотографию черепа.

Как ни велико было нетерпение взглянуть на находку, ожидать ответ пришлось довольно долго: письмо пришло лишь в начале декабря. Когда Хрдличка бегло осмотрел снимки, сделанные в разных ракурсах, то сначала был ошеломлен увиденным - Хэберлейн нашел, кажется, точную копию черепной крышки питекантропа!

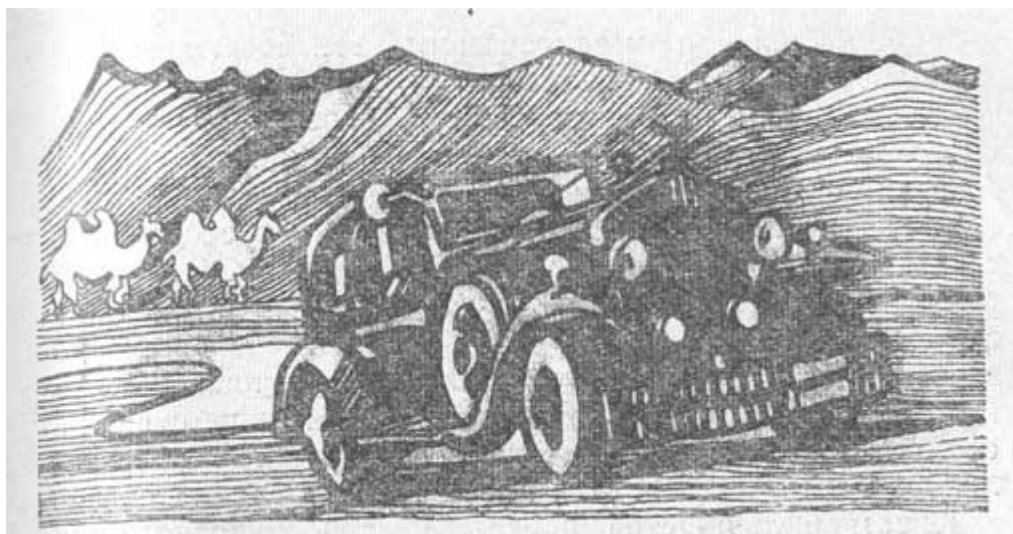
Однако, когда волнение улеглось и Хрдличка спокойно изучил снимки, его смутило то, что внутренняя полость «черепной крышки» имела необычайно странную пористую структуру. То, что Хэберлейн принял за вулканический туф или лаву, оказалось, как удалось установить через некоторое время, мелкоячеистой костной тканью. Раздосадованный Хрдличка обратился к своему коллеге, Герриту Миллеру, а тому не потребовалось много времени, чтобы точно определить, кому принадлежала кость, найденная Хэберлейном. «Черепная крышка второго питекантропа» превратилась после увеличения снятого объекта до натуральной величины в... головку бедренной кости слона!

В тот же день Хрдличка получил сообщение от Дюбуа о решении «загадки Хэберлейна». Первооткрыватель питекантропа любезно предостерегал Хрдличку от возможной ошибки - новый череп «недостающего звена» не что иное, как головка бедра стегодона, вымершей азиатской формы древнего южного слона!

Конфуз от столь неожиданного финала был достаточно велик. Эта история еще раз показала, что надеяться на счастливый случай все равно что уверовать в легкость выигрыша главного приза лотереи. Везения в работе разведчика неизведанного мало - нужен труд долгий, беззаветный, до фанатичности настойчивый и кропотливый, глубокая уверенность в правильности выбранного пути. Короче говоря, поиск должен вести человек, обладающий качествами Дюбуа.

Почти 40 лет прошло со времени его открытия у компонга Тринил. Многочисленные попытки повторить триумф неизменно оканчивались неудачей. Кажется надежда на успех исчезла окончательно. Однако, как узнал вскоре в который раз ошеломленный и шокированный мир антропологов, за новыми находками обезьяночеловека совсем не следовало отправляться в далекие и неведомые тропические страны. Достаточно было убедить Дюбуа раскрыть наконец хотя бы части из трех сотен ящиков, вывезенных им с Явы и установленных в темных подвалах Лейденского музея. Зная строптивый характер Дюбуа, можно быть уверенным что не случайно именно в 1930 году, а не раньше и не позже, он «позволил» Гансу Вейнерту уговорить себя распечатать ящики и извлечь из них нечто интересное. Вскрыть ящики его «вынудили» весьма серьезные обстоятельства.

История четвертая. Гоби - колыбель предков

Перед нами лежала Монголия, страна разноцветных, танцующих в мираже пустынь, безграничных травяных степей и безымянных, покрытых снегами пиков, непроходимых лесов и ревущих потоков, Монголия - страна тайны, парадокса и обещаний, страна свободы, великих просторов и возможностей.

Р о й Ш э п м а н Э н д р ю с

Мотор «фултона» натужно ревел на полных оборотах. Подбадривая друг друга громкими криками, люди изо всех сил толкали машину, упираясь в нее руками, плечом, а то и наваливаясь на борт всем корпусом. На зубах противно скрипел песок, от жары во рту пересохло так, что казалось, язык одеревенел и распух.

- Стоп! Глушите мотор, пока он совсем не перегрелся и не вышел из строя, - крикнул шоферу руководитель экспедиции Рой Шэпман Эндрюс. - Попробуем избавиться от песчаного плена иначе, а пока всем отдохнуть.

Экспедиция вступила в пределы Южной Гоби - одного из самых печальных мест на Земле. По каким только признакам ориентируется здесь проводник и как он находит дорогу?! Надо же было прийти в голову парадоксальной мысли объявить эти безлюдные, дикие просторы родиной человека!

Когда Генри Ферфилд Осборн, директор Американского музея естественной истории и инициатор третьей Американской центральноазиатской экспедиции, пригласил Нельсона в Нью-Йорк и целый час беседовал с ним, все казалось таким простым и ясным. Осборн - талантливый рассказчик. Он с удовольствием живописал в деталях блестящие для археолога перспективы, вспоминал забавные обстоятельства путешествия в Центральную Азию в 1923 году, объяснил существование своих идей, согласно которым

Центральная Азия объявлялась центром происхождения и «рассеивания» по континентам большинства представителей животного мира, в том числе и человека.

Нельсон был захвачен искрометным блеском мыслей выдающегося палеонтолога и после некоторого колебания сдался. Да, пожалуй, он готов отправиться к Эндрюсу и взять на себя нелегкие обязанности археолога знаменитой экспедиции. Сможет ли он, однако, оправдать надежды ее организаторов и руководителей?! Осборн тогда рассеял сомнения. Этот человек обладал поистине неотразимым даром убеждать, настаивать, увлекать.

Как мог Осборн «загипнотизировать» его, человека строгого ума, сказочным миражем пустыни? Разве не очевидно, что мысль об Азии как «матери всех наций»! не что иное, как самый заурядный «восточный сантимент»! Странно искать родину человека там, где пока не найдено ни одного сколько-нибудь бесспорно обработанного человеком камня.

Нельсон, конечно, не ожидал встретить в Гоби райские кущи. Пустыня есть пустыня. И все же столкновение «лицом к лицу с фактами» в местах, где, по уверению Осборна, следовало бы разместить библейский сад Эдема с первыми на Земле людьми Адамом и Евой, оказалось более чем неприятно. Гоби - поистине богом забытый край. Что привлекательного увидел здесь Осборн, чтобы окончательно уверовать в идею появления «недостающего звена» в центре Азии?

Впрочем, может быть, мрачные мысли имеют более прозаические объяснения? Во-первых, позавчера на экспедиционный лагерь неожиданно обрушился ураган. В течение нескольких часов ветер бешено трепал палатки. Вслед за этой неприятностью последовала вторая. Когда на следующий день в небе засияло теплое апрельское солнце, Нельсон вместе с ботаником Ганеом отправились на автомобиле к высоким скалам, видневшимся вдаль. В четыре часа пополудни в месте, расположенном в 100 милях от Калгана, Нельсон поднял первый в Монголии камень, который он не обменял бы на целое королевство. На поверхности невзрачного, изъеденного песком и ветром обломка кремня заметны следы искусственных сколов. Их мог произвести лишь человек каменного века. Правда, неясно, когда он обработал камень, но сам по себе факт неожиданной находки в пустыне настолько обрадовал, что Нельсон вскоре возвратился в лагерь торжествующим и веселым.

Как же он удивился и огорчился, когда большинство членов экспедиции приняло его «драгоценность» скептически и недоверчиво. Даже Берки, относившийся к Нельсону особенно тепло, высказал предположение, что камень оббит недавно кем-то из монголов, которые обычно использовали кремьен для добывания огня. К счастью, вечером к лагерю подъехали кочевники, и Нельсон просил их показать огнива. Разница была совершенно очевидной, но сомнения в особой ценности находки у скал ему так и не удалось рассеять...

Снова взревели моторы, и все, в том числе и Нельсон и Эндрюс, принялись с усердием подталкивать автомобиль. Каждый метр отвоевывался с большим трудом. Но вот началась полоса низкого, стелющегося по земле саксаула, колеса «фултона» завращались быстрее, и «додж» вывел его на такыр. Затем такая же длительная и не менее утомительная процедура повторилась с третьей машиной. Эндрюс мудро поступил, разделив караван автомобилей на партии, каждая из которых получала задание и двигалась к заранее определенной по карте точке особым маршрутом. Это позволило обследовать широкую полосу пустыни, да и риск оказаться всем в тупике в значительной мере уменьшался. Сколько времени пришлось затратить, если бы через песчаную ловушку пришлось переправлять не три, а семь «доджей» и «фултонов»?

После короткого чаепития и ленча майхан (мопольскую палатку пастухов-кочевников) свернули и упрятали на положенное место под брезентом в кузове «фултона». Эндрюс отдал распоряжение отправляться в путь. Он пригласил Нельсона в легкий «додж», который вел за собой остальные машины. Нельсон последовал за энергично шагающим Эндрюсом, на боку которого болталась неизменная кобура с

торчащей из нее рукояткой пистолета. Зоологу нужно постоянно быть начеку: мало ли какая живность встретится на пути?

Машины медленно двинулись одна за другой, лавируя между песчаными холмами. Каждая из них отставала от впереди идущей ровно настолько, чтобы облако пыли, поднятое колесами, не окутывало пассажиров.

- Скажите, Рой, как пришла вам в голову мысль отправиться в Гоби на автомобилях?

- О, это целая история, - улыбнулся Эндрюс. - Я привел в ужас моих близких, а также друзей, когда объявил о своем твердом намерении отправиться в центр Азии на моторах. Теперь я могу признаться, что мое предприятие было столь же романтично, сколько бесшабашно, как экспедиция Пири и Амундсена, Стэнли и Гедина. Но три года назад я и виду не подал, что хоть секунду сомневаюсь в успехе. А между тем нас провожали чуть ли не со слезами на глазах. Большинство «трезво мыслящих людей» пожимало плечами: как можно так безрассудно отправляться на верную смерть? Впрочем, ради справедливости должен сказать, что некоторый шанс на спасение нам оставляли: ведь при удаче можно было возвратиться назад на верблюдах. В том, что авто не выдержат езды в Гоби, никто не сомневался.

- И все же что вселяло уверенность в успех? - спросил Нельсон. - Если говорить откровенно, то, даже зная о благоприятном исходе поездок трех предшествующих лет, я долго колебался, прежде чем принял предложение Осборна отправиться с вами в Гоби. Ведь сломайся мотор в пустыне, ни одна душа не придет на помощь. Откуда ей здесь взяться! А что делать, если кончится горючее? Не поджидали же вас в песках бензоколонки «Стандард ойл компани»!

- Представьте себе - поджидали, но об этом позже. Разумеется, вы правы, страсть к приключениям вещь хорошая, но следовало трезво подумать о судьбе 26 человек, которые доверили мне свою жизнь, решившись отправиться в Гоби. Ведь ужас перед этой бескрайней, слабо исследованной пустыней, лишенной воды и жизни, был настолько велик, что даже после первого удачного возвращения в 1922 году многие считали, что нам просто повезло. Вы обратили внимание на эмблему нашей экспедиции?

Эндрюс указал на рукав куртки шофера. На ней красовался шестиугольник, оконтуренный красной полосой, а внутри были вписаны три буквы «ТАЕ» (Третья азиатская экспедиция). Рассеянность и невнимательность Нельсона стали в экспедиции притчей во языцех, и поэтому вопрос Эндрюса казался вполне естественным. Но эмблема так часто попадалась на глаза, что даже археолог не мог не заметить ее.

- Так вот «Третья центральноазиатская (или просто азиатская) экспедиция»... Эндрюс замолчал надолго.

- Первая состоялась тринадцать лет назад, в 1912 году. Тогда я впервые оказался в Азии. Вторая подготовила центрально азиатскую экспедицию. Перед началом двадцатых годов мы развернули работы в Сы-чуани, а затем, чтобы не дублировать исследования Геологической службы Китая, решили обратиться к малоизученным районам Гоби. Конечно, русские путешественники исколесили Центральную Азию вдоль и поперек, но перед нами стояли иные задачи. Однако как обеспечить успех экспедиции, если исследователь ограничен временем и средствами?

Вопрос не праздный: в Гоби расстояния огромны, а Местный транспорт - верблюды, лошади и быки - передвигается слишком медленно, чтобы заняться поисками наиболее перспективных для исследований районов. Знаете, Нельс, с какой скоростью передвигается караван верблюдов? Две мили в час! Это значит, за день даже при хороших условиях можно пройти не более пятнадцати-двадцати миль. Французские археологи в Ордосе За шесть месяцев проехали на мулах всего лишь семьсот миль. Такие темпы нас не устраивали. Гоби к тому же далека от прочно освоенных человеком мест, она, по сути дела, изолирована от них. Добавьте сюда суровость климата, жару, холод, сбивающий с ног ветер, Отсутствие воды, скудность кормов для животных... Од-Рим словом, трудностей накапливалось настолько много, что следовало придумать нечто из ряда вон выходящее, чтобы осмелиться приняться за дело.

И тогда меня осенило - автомобиль. Именно он поможет выйти из тупика. За каких-нибудь пять месяцев (в Гоби лучше всего работать с апреля по сентябрь) можно будет при хорошем коллективе сотрудников выполнить работу, на которую при иных средствах передвижения приходилось тратить десять лет! В 1918 году я совершил пробный автопробег от Калгана до Урги. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что русские и монголы уже освоили эту трасу. Дорога хороша, болот, песков и водных препятствий нет. А с 1920 года автомобили здесь стали ходить часто, и при авариях можно было надеяться на помощь...

- Но местность от Калгана до Урги не столь пустынна, а ваши экспедиционные маршруты пролегали западнее, - возразил Нельсон.

- В том-то и дело! - подхватил Эндрюс. - Гоби несравненно суровее и неприветливее. И тут-то я и решил совместить старый и новый транспорт, то есть авто и верблюдов. Караван «кораблей пустыни» мог забросить в заранее обусловленное место запасы газа, нефти и продукты питания, а моторизованным исследователям оставалось лишь не заплутаться и точно выдержать график движения.

Конечно, легко сказать - решил! Как вы понимаете, Нельс, самые блестящие идеи ничто, если они не имеют финансовой опоры. Вообще для открытия нужно три вещи: деньги, время и удача. Для начала следовало найти деньги. Однако программа экспедиции была составлена так удачно, что исследованиями по геологии, палеонтологии, археологии животного и растительного мира заинтересовались многие. Гоби могла оказаться неисчерпаемой кладовой нефти и золота.

К тому же пресса с ее поистине неистребимой склонностью к сенсациям сделала на этот раз доброе дело. Если вы следили за газетами и журналами начала 20-х годов, то, без сомнения, помните ошеломляющие заголовки вроде «На поиски истоков жизни», «За первыми млекопитающими в Гоби», «Самые древние динозавры пустынь». Но более всего журналистов привлекала возможность открыть в центре Азии древнейшего человека Земли, «недостающее звено». Осборн искренне верил, что в Гоби обязательно будут найдены истоки предковых форм человека. Пресса подняла такой шум, что вскоре нашу еще не сформированную экспедицию окрестили «экспедицией недостающего звена».

- Журналистов можно понять, - улыбнулся Нельсон. - Ведь загадка происхождения человека, всегда привлекала всеобщее внимание, а здесь высокие авторитеты науки почти гарантировали успех. Догадываюсь, что пресса помогла получить деньги, но разве не мешала вам вся эта шумиха?

- Сначала нет, однако потом... К своей досаде, мы вдруг стали замечать, что от широкой и всеохватывающей программы исследований Центральной Азии на виду у публики оказались лишь надежды найти череп обезьяночеловека. На задний план были отодвинуты все остальные задачи экспедиции. К тому же газеты и журналы надоедливо напоминали, что ждут от вас отчетов, и обязательно с приключениями.

Сначала мы протестовали, но вскоре я убедился: напрасно толковать издателям, что у экспедиции прежде всего научные цели, и, если хочешь решить проблемы, надо настроиться против приключений. Мой друг Стефансен любил повторять в таких случаях: «Приключения - знак некомпетентности. Отсутствие щекочущих нервов происшествий разочарует публику и газеты, но спасет работу!»

А многочисленные любители поездок в дальние края? Вы представить себе не можете, какой могучий поток писем хлынул ко мне. Каждый автор письма, как правило жаждущий именно приключений, обращался с предложением своих услуг и просьбами непременно включить его в состав экспедиции, о которой только что прочитал в какой-нибудь газете. Чтобы вы получили представление об этих письмах, я расскажу об одном из них. Писала дама, неудавшийся литератор - две ее книги отказались печататься. Она предлагала принять ее в экспедицию в качестве летописца. За возможность написать в Азии третью книгу она соглашалась быть моим секретарем и даже «женщиной-другом», готовой создать для меня «истинно домашний уют в сухой пустыне»!

Сдержанный и холодноватый, всегда чуточку чопорный Нельсон захохотал: он наглядно представил себе на минуту «друга-секретаря» в окружении почти трех десятков занятых делом мужчин и главного объекта ее внимания - Эндрюса, одетого в костюм полувоенного покроя, с небрежно болтающейся на боку кобурой пистолета и широкополой шляпой на голове. Вечно обремененного тысячами мелких забот.

Увлеченный воспоминаниями, Эндрюс, не обращая внимания на смех Нельсона, продолжал рассказ о своих злоключениях:

- А мои пересмешники-друзья не давали прохода. Это был какой-то поистине неиссякаемый каскад острот! Обмениваться ими считалось хорошим тоном. При встрече мне обычно говорили нечто вроде вот такого: «Стоит ли, Рой, отправляться за «недостающим звеном» в песчаные бури? Клянусь тебе - эти «звенья» я вижу в метро каждое утро, причем в изобилии!»

Шум прессы, лекции, беседы, аудиенции, разговоры на званых обедах и завтраках - все это, кажется, стоило мне десяти лет жизни. Конечно, сердца американских бизнесменов и финансистов имеют склонность если не к авантюрам, то, по крайней мере, к приключениям. Однако следовало каждый раз находить достаточно «сильные слова», чтобы убедить их рискнуть. Меня принял, например, в своей знаменитой библиотеке Морган и, только успел я развернуть на столе карту Центральной Азии, задал вопрос:

- Что вы собираетесь здесь найти? Как можно добраться сюда?

Мне было отведено всего 15 минут, и, к счастью, я оказался в ударе. Когда мое вдохновение иссякло, я понял, что одержал победу: глаза Моргана блеснули.

- Как вы думаете финансировать экспедицию? Что нужно от меня?..

- Моргана увлекла перспектива найти в Гоби динозавров и «недостающее звено»? - усомнился Нельсон.

- Думаю, что нет, хотя я, разумеется, говорил и об этом. Ведь Гоби неисследованная кладовая полезных ископаемых. Здесь могут оказаться золото и нефть, а кроме всего прочего, участие в финансировании прогремевшей на весь мир экспедиции за «недостающим звеном» - хорошая реклама бизнеса вкладчика - вот что решало успех дела. Как бы то ни было, но за два года мне удалось убедить раскошелиться ни много ни мало, а двести бизнесменов! Кроме того, почти все штаты приняли участие в финансировании работ Центральной Азии, и, таким образом, экспедиция стала общенациональным делом. Когда фонды Музея естественной истории пополнились четвертью миллиона долларов, можно было вплотную заняться организацией экспедиции, к чему я немедленно приступил.

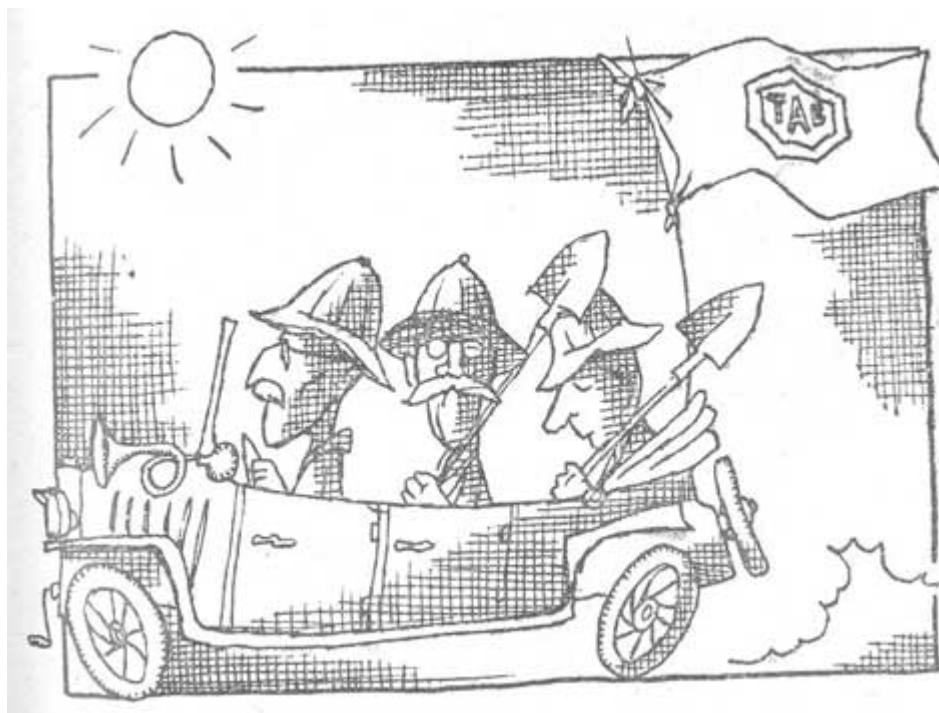
Это оказалось не менее хлопотным делом, поскольку предстояло продумать все до мелочей. Надо было решить, например, каким автомобилям отдать предпочтение - итальянским, французским, американским? В конце концов после долгих дискуссий мы пришли к выводу, что для песков наиболее подходящи однотонные «фултоны» и детройтовские «доджи». Моторы их легки, просты, надежны и в то же время обладают достаточной силой, чтобы преодолевать препятствия, которые могут встретиться в пустыне. Полугодовой запас продуктов размещался в ящиках. По мере освобождения они должны были становиться хранилищами для коллекций. Для моторов требовалось около трех тысяч галлонов газа и пятьдесят галлонов нефти, что и предоставила нам «Стандард ойл компани». Везти этот запас с собой было невозможно, тут-то у меня мелькнула мысль о «передвижной бензиновой колонке» - караване верблюдов, которым следовало идти впереди автомобилей! «Кораблей пустыни», нагруженных горючим, следовало отправить в Гоби на полтора-два месяца раньше машин, и проблема снабжения горючим оказывалась решенной. По расчетам, нам следовало приобрести в Калгане не менее семидесяти пяти верблюдов...

Вы не представляете, Нельс, насколько я был истерзан, когда в марте 1921 года сел наконец в Сан-Франциско на пароход и отплыл в Китай. Однако путешествие через океан восстановило мои силы. К тому же, пока мои помощники занимались подготовкой к отъезду в Гоби, я совершил еще один вояж в Ургу, где провел переговоры с монгольским министром юстиции Таиром Бадманжаповым.

Наконец все было утрясено. В марте 1922 года из Калгана в Гоби двинулся караван верблюдов с чудесным проводником-монголом Мэрийном. Он отличался, как потом мы убеждались неоднократно, исключительной педантичностью и аккуратностью. Если Мэрийн сказал, что прибудет в какую-то долину в тот или иной день, можно быть уверенным; он ожидает машины в названном месте с того самого дня.

Как сейчас помню 17 апреля 1922 года, когда мы, заручившись необходимыми документами, покинули Пекин. Это было опасное время для путешествий по Китаю: столкновения между военными группировками Чжан Цзолина и У Пэй-фу на севере страны следовали одно за другим, по дорогам бродили вооруженные банды грабителей. Поездка одного из посланных мною автомобилей закончилась трагически; четверо рабочих были убиты, а проводнику-монголу проломили череп и сломали хребет. Когда машины достигли прохода в Великой стене, нас остановили солдаты генерала Чжан Чзолина. Офицер, смеясь, рассматривал документы, выданные в Пекине министром иностранных дел. Он говорил: «Это из Пекина! Но здесь не признают Пекин».

В Калган мы прибыли через три дня и 21 апреля в 6 часов утра двинулись в Гоби. Для всех мы исчезли на много месяцев. Где находится экспедиция и что с нею, никто не знал. В тот год я получил в Урге запаянное письмо от своего друга Ларсена. Адрес на конверте был уникален: «Рою Шэпману Эндрюсу. Где-то в Монголии». Представьте себе, это письмо дошло!..

К сожалению, мы не нашли «недостающего звена». Но все же заставили заговорить о себе. Знаете, сколько было волнений, когда нам посчастливилось найти гнезда с яйцами динозавров! Для палеонтологии оказалось неожиданностью, что некоторые из динозавров несли яйца.

Нас тоже мучили сомнения, но, к счастью, в одном из гнезд яйца были насижены. Маленькие существа готовы были пробить кожуру и вылупиться. Однако произошла трагедия - обвал или, может быть, песчаная буря завалила гнездо, и взрослые динозавры никогда больше не вернулись к нему. Это была уникальная находка - кожа яиц скрывала тонкие косточки динозавров! Так мы положили начало новой науке - палеоэмбриологии.

Но открытие яиц динозавров, пожалуй, не самый главный успех экспедиции, хотя о нем говорят сейчас больше всего. Еще бы, каждое найденное яйцо оценивается в десять тысяч долларов. Думаю, однако, тем временем яйца динозавров прискучат публике, но ученый мир не забудет венца наших открытий в Азии - черепов древнейших млекопитающих. Мы нашли их в районе Гобийского Алтая, в местности Шабарак-усу...

За сто лет работы до нас обнаружили лишь один череп! - с гордостью сказал Эндрюс. - Он принадлежал тритилодону, и нашли его в Южной Африке. В сейфах Британского музея этот череп хранится как величайшее сокровище. Тритилодопы вымерли и не имеют прямого отношения к современным видам. Нет, не в этом дело: за неделю мы нашли в Шабарак-усу восемь черепов самых ранних млекопитающих. Первый череп Гренжер обнаружил в куске ярко-красной песчаниковой породы. Через час у подножия обрыва он же нашел второй череп и снова в красной глыбе. Тысячи таких обломков ярко-красной породы валялись у подножия обрывов Шабарак-усу, и нам не оставалось ничего другого, как расколотить их молотками. Целая неделя ушла на это необычное дело, зато удалось найти еще шесть черепов!

Самый крупный из них не больше полутора дюймов длину, так что по размерам животные не превосходили крысу. Они ползали по земле около десяти миллионов лет назад. Мы добрались до самых глубоких корней родословного древа млекопитающих. Это была, по существу, первая попытка природы создать насекомоядных, плотоядных и травоядных млекопитающих.

Существа из Шабарак-усу тесно связаны родственными узами с современными группами животных. Мы искали «недостающее звено», а нашли «звено начальное» - черепа первых предков млекопитающих, а следовательно, и человека! Знаете, кстати, как Грешер обнаружил гнездо динозавров? Он долго лазал по скалам песчаных останцев, однако находок не было. И тогда Грешер с досады ударил молотком по краю обрыва. Случилось невероятное - рухнувший вниз кусок твердого песка приоткрыл скопление яиц!..

Нельсон добродушно улыбался, слушая рассказ Эндрюса. Он забыл о своих огорчениях и сомнениях, а Гоби теперь не казалась ему такой уж безрадостной и однообразной.

Эндрюс тоже некоторое время молчал, наблюдая за грузовыми автомобилями, которые отстали от «флагмана» и пылили вдаль. Он собрался было рассказать о том, как пришла ему в голову мысль о разделении экспедиции на три отряда, но Нельсон неожиданно вскочил с сиденья и закричал что-то, указывая вправо и вперед. Эндрюс посмотрел в ту сторону и увидел дзеренов, которые неслись наперерез «доджу». Шофер, ветеран экспедиции, не проявил особого волнения и лишь, может быть, несколько прибавил газу. Дзерены красивы, изящны, быстры и неуправляемы, как вихрь или молния. Бег испуганных животных настолько стремителен, что Нельсон с большим трудом следил за ими - стоило на мгновение отвести глаза, и требовалось немалое усилие, чтобы «выявить» их на желтовато-коричневом фоне степи.

Шекельфорд, сидевший впереди рядом с шофером, готовился к съемкам - вынимал из чехлов фотоаппарат и громоздкую коробку с ручкой - кинокамеру Эндрюс и Нельсон с напряжением следили, как разворачивается захватывающий поединок дзеренов и «доджа». Животные не уступали в скорости автомобилям. Временами Нельсону казалось, что дзерены касаются ногами земли, а летят низко, над самыми верхушками пучков травы.

На радость Шекельфорду, совсем рядом с «доджем» мчится небольшое семейство: впереди глава, за ним малыш, родившийся месяца три назад, замыкающей несется мама-дзерен. Наконец самец решает рискнуть - он внезапно бросается вправо, на какую-то долю секунды замирает перед тропинкой, выбитой, очевидно, караваном верблюдов, и, с силой оттолкнувшись, птицей перелетает через нее. За ним остальные.

То слева, то справа от машины появлялись дзерены, мчащиеся в одиночестве, парами, небольшими группками и целыми табунами, вытянувшись в длинные цепочки. Количество животных все более увеличивалось, и наконец их стало так много, что степь, насколько можно было охватить ее взглядом, казалась желтовато-рыжеватой от дзеренов. Вся округа пришла в движение и превратилась в сплошную живую коловерть. Это был настоящий первозданный степной рай, буйное раздолье дикой жизни, до которой еще, к счастью, не добрался человек.

Затем, будто заметив, что люди насытились вдоволь видом красавиц ланей, щедрая Гоби выставила перед ними табун куланов, диких ослов пустыни.

Вот они, дивные звуки дикой вольницы пустыни Центральной Азии! Необузданная мощь животных в сочетании с грациозным изяществом произвели на Нельсона потрясающее впечатление.

- На зиму животные мигрируют к югу Монголия, где несколько теплее и снег не заваливает корм, - нарушил молчание Эндрюс. - Но скоро табуны отправятся к северу, где травы обильнее.

- Рой, я не могу опомниться от увиденного, - сказал Нельсон, протирая запылившиеся стекла очков. - Я не представлял, насколько все это грандиозно и впечатляюще. Но почему дзерены и куланы стремятся во что бы то ни стало пересечь наш путь, а сразу не уходят в сторону? Мне их поведение непонятно.

- Быстро движущаяся машина воспринимается травоядными как хищник, пустившийся в погоню. Волки, например, охотятся, разбившись на две стаи, одна из которых остается в засаде. Тысячелетиями выработанный инстинкт подсказывает животным выход: опасность засады можно миновать, если бросишься наперерез тем, кто тебя преследует. Вот почему дзерены выкладывают все силы, лишь бы обогнать машину, а затем проскочить впереди нее.

- Человеку каменного века было нелегко преследовать таких быстроногих, как дзерены, - заметил Нельсон. - Ему тоже, очевидно, приходилось устраивать засады...

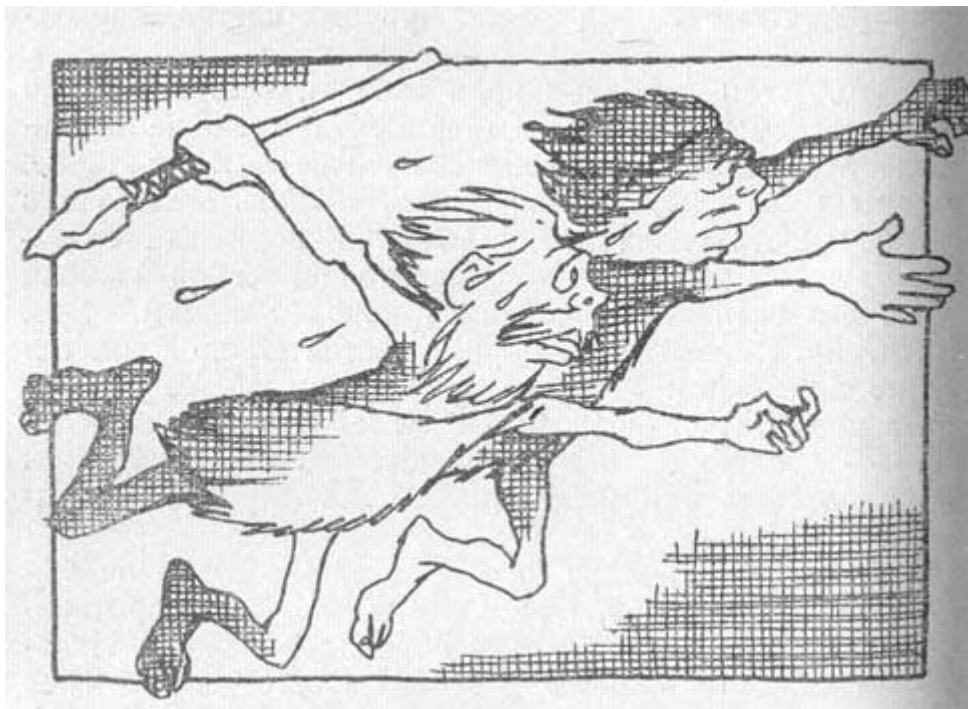
Нельсон размышлял о том, что такое изобилие дзеренов и куланов не могло не привлечь древнего человека, для которого охота составляла основу благополучия. Сотни тысячелетий назад, когда Центральная Азия была иссушена в меньшей степени, чем теперь, дикие животные самых разнообразных видов, очевидно, кишмя кишели в степных просторах.

А что, если все-таки прав Осборн, отстаивая со всей горячностью своего темперамента идею центральноазиатской прародины человека?! Там, в Нью-Йорке, во время беседы ему не удалось убедить Нельсона в обоснованности своих предположений, но, когда он сегодня воочию увидел, что представляет собой «живая Гоби», его скептицизм оказался поколебленным. Это, кстати, предсказывал Осборн, настоятельно советуя ему не доверяться доводам традиционных представлений, а разобраться во всем на месте. Гоби, по его словам, - великий центр происхождения животных. Именно отсюда они переселялись на другие континенты.

Осборн был убежден, что древнейшие люди не были обитателями лесов, ибо в лесах эволюция протекает чрезвычайно медленно. Он обратил внимание Нельсона на то, что уровень развития южноамериканских индейцев, обитателей леса, ниже уровня степных индейцев, а последние, в свою очередь, отстают от жителей возвышенных плато. Значит, наиболее благоприятные для прогресса человека условия создает не тропический лес, где обильная пища достается без особого труда, а открытые возвышенные пространства, откуда, кстати, люди могли беспрепятственно мигрировать в разные стороны, вплоть до окраины континентов.

По мнению Осборна, Монголия, так же как соседние Тибет и Синьцзян, - идеальное место для развития древнейшего человека. С незапамятных времен эта часть Азии была возвышенностью, которую миллиону лет не заливали воды океана. Ее никогда не покрывали сплошные заросли леса, а суровый климат открытых пространств требовал здесь от предка человека особенно активной деятельности как для добывания пищи так и вообще для выживания. Все свидетельства указывают на центр Азии как на самое вероятное место происхождения человека. Именно здесь, а не на тропическом юге Азии следует искать костные остатки «недостающего звена».

Сдержанность и молчаливость Нельсона озадачили Осборна. Из приглашенных работать в экспедиция «недостающего звена» он был, пожалуй, первым, в кого не удалось вдохнуть энтузиазм. Поэтому директор Музея естественной истории посоветовал ему до отъезда в Азию ознакомиться с «литературой вопроса», особенно со статьями Вильяма Диллера Мэтью, а по прибытии в Пекин побеседовать с геологом Амедеем Вильямом Грабо.

Изучение «истории вопроса» в библиотеке музея показало Нельсону, что идея о Монголии как возможном центре происхождения человека возникла более полувека назад. Впервые ее выдвинул, пожалуй, Джозеф Лейди еще в 1857 году! Затем в 1889 году Катрфаж в своей знаменитой книге «Всеобщая история человеческих рас» высказал предположение о возможном существовании единого центра очеловечивания обезьяны в северных районах Центральной Азии. Отсюда, из «района древнейших путей мира», первобытные люди проникли в южные области планеты. Этот естественный процесс расселения усилился полмиллиона лет назад, когда наступающий с севера ледник начал оттеснять древних охотников к югу.

Новый аспект гипотеза центральноазиатской прародины человека приобрела в работах Осборна в конце XIX - начале XX века. Прекрасный знаток древнейших животных Северной Америки, он обратил внимание на поразительное сходство животного мира района Скалистых гор Колорадо и Европы. Объяснить это одинаковым направлением развития животных было невозможно. Исключено также, чтобы одинаковые виды их переселились из Европы в Америку или наоборот, поскольку обе части света разделяют пространства протяженностью 20 тысяч километров.

Вот тогда-то Осборн и выдвинул мысль о существовании промежуточного, третьего, центра эволюции жизни, расположенного на полпути от Европы к Америке - на территории Центральной Азии. Она, таким образом, превращалась не только в район, где совершались широкие миграции, но и в «главную биологическую лабораторию», в которой, в эпоху динозавров и первых млекопитающих, за десятки миллионов лет до наших дней, «развивались наиболее отдаленные предки всех высших видов животных». Так ни в Европе, ни в Америке не найдена исходная предковая форма лошади - пятипалая лошадь, хотя трехпалая известна и на том и на другом континентах. Костные останки ее лежат, уверяет «палеонтологический оракул», в древних горизонтах красноцветных глин Центральной Азии!

Если Осборн лишь высказал гипотезу о центре эволюции жизни на территории Монголии, не вдаваясь в детализацию картины, то обоснование ее на базе материалов по ископаемым и современным животным всех материков Земли выполнил Вильям Диллер Мэтью. Именно его работы советовал прочитать директор музея. Нельсон сразу понял, что Мэтью - ученый исключительной эрудиции, разносторонних знаний и смелого мышления. Его картина эволюции жизни на Земле, с наибольшей полнотой разработанная в книге «Климат и эволюция», поистине грандиозна и захватывающа.

Около 70 миллионов лет назад началась эпоха подъема горных цепей. В результате равномерная атмосферная циркуляция на Земле нарушилась, и возникли различные климатические зоны: засушливых пустынь, тропических лесов и умеренные пояса. Это резкое нарушение привычных условий существования стояло, по мнению Мэтью, главным стимулом эволюции органического мира. С ними связано начало периода миграций животных.

В суровых районах Гоби шла, по мнению Мэтью, наиболее ожесточенная борьба за существование. Животные приспосабливались здесь к холоду, трудностям добывания пищи, резкой смене температур и открытым, безлесным пространствам.

Отсюда прогрессивные виды животных вытесняющие последовательными волнами отсталых и менее приспособленных, которые мигрируют на окраины материков в Юго-Восточную Азию, Африку, Южную Америку и Австралию. Эти районы Земли, где сохраняются старые условия жизни, становятся прибежищем отживших в процессе эволюции форм животного мира. В то же время в Центральной Азии формируются «космополитические» типы животных, которые затем расселяются во все стороны. Препятствием служат лишь высокий хребты и безводные пустыни.

Человек и его предки подчиняются тем же принципам эволюции и «рассеивания». Древнейшие люди сформировались, по мнению Мэтью, в Центральной Азии. Со временем здесь появляется более «прогрессивный тип человека», и он вытесняет с территории прародины отставших в развитии обезьянолюдей вроде питекантропа. Его находка Евгением Дюбуа на Яве далеко не случайна: «высокоразвитые существа» оттеснили обезьяночеловека на окраину Азиатского материка, где он был обречен на вымирание.

Таким образом, питекантроп, согласно идеям Мэтью, представляет собой «окаменелый пережиток недостающего звена», а не само «недостающее звено».

Истинного предка, причем самого древнего, следует искать не в тропиках, а на территории Центральной Азии.

Впрочем, как утверждал Мэтью, центр расселения человечества не всегда находился на плато Монголии. В связи с ее непрерывно усиливающимся усыханием «центр дисперсии» переносится затем на восток и запад от Гоби. Там следует искать истоки «монголоидной, кавказской, нордической и средиземноморских рас». Так, от первой миграционной волны западного центра произошло северное население Европы, от второй - южноевропейское и североафриканское. Славяне, по теории Мэтью, появились на востоке Европы после одного из циклов «кавказской дисперсии».

Доклад, прочитанный Мэтью на специальном заседании Академии наук США, и особенно книга «Климат и эволюция» произвели большое впечатление на научные круги. Специалисты, главным образом палеонтологи, палеогеографы и геологи, с интересом встретили гипотезу Осборна - Мэтью. Особенно большое внимание их идеям о происхождении человека уделил американский геолог Джозеф Баррел, который опубликовал в «Научном ежемесячнике» специальную статью о влиянии изменений климата на происхождение обезьяночеловека и о возможном местоположении родины «недостающего звена».

Нельсон прочитывал эти и подобные им рассуждения как увлекательный, но фантастический роман. Сразу же бросалась в глаза умозрительность концепции и отсутствие в большинстве случаев «положительных Фактов», подтверждающих ее истинность. Достаточно сказать, что в гипотетическом «центре дисперсии» всех животных Земли к моменту создания Мэтью книги «Климат и эволюция» был обнаружен всего лишь один (!) зуб древнего носорога, о котором сообщил русский геолог и путешественник Владимир Афанасьевич Обручев. До начала работ экспедиции «недостающего звена» палеонтологам оставалось лишь гадать, что же на самом деле скрывала земля Гоби.

Настораживала также сдержанность, с которой относились к гипотезе центральноазиатской прародины человека антропологи. За свое ли дело взялись палеонтологи и геологи, а в рядах сторонников Мэтью находились главным образом они, чтобы столь смело и решительно вторгаться в такую чрезвычайно специфическую и тонкую область, как происхождение человек». Разумеется, никому не возбраняется при желании порассуждать на любую избранную тему, однако при конструировании схем не следовало сбрасывать со счетов достижения тех, кто посвятил себя изучению проблемы появления и эволюции человека.

Между тем самые отчаянные и последовательные сторонники центральноазиатской прародины «недостающего звена» старательно избегали касаться антропологического и археологического аспектов вопроса. Они, в большинстве случаев ограничивали себя рамками рассуждений о климатических изменениях и природном окружении как решающих факторах эволюции предка человека, рассматривали его как одну из рядовых составных частей животного мира. «Но ведь это же был предок человека, а не трехпалой лошади! - с досадой думал Нельсон. - В факторах, определяющих их эволюцию, должны же быть различия, причем значительные».

С другой стороны, проще простого объявить идею абсурдной и на этом основании без сожаления отбросить. А что, если в гипотезе центральноазиатской прародины есть рациональное зерно и Осборн прав? В душе Нельсона зародились сомнения, и они стали одной из причин, почему он в конце концов принял предложение Музея естественной истории и отправился в Гоби.

В Пекине в доме Моррисона, «Мекке всех путешественников по Восточной и Центральной Азии», как называл его Эндрюс, Нельсон познакомился со своим соотечественником, «отцом китайской палеонтологии» Амедем Вильямом Грабо. Этот веселый и остроумный человек, не упускающий случая подшутить над собеседником, оказался кладезем премудрости. Круг его интересов был поразительно широк: ботаника

и минералогия, палеонтология и физическая география, зоология, геология. Грабо, в прошлом профессор Колумбийского университета, много путешествовал и вел геологические исследования не только на территории Северной Америки, но также в Англии, Франции, Германии, Австрии и России. Он был неистощим на рассказы о разных забавных происшествиях, случавшихся с ним в годы странствий.

С особым удовольствием и наслаждением Грабо говорил о центральноазиатской прародине «недостающего звена». В таком случае он забывал обо всем на свете и йог часами с увлечением живописать картину событий, происходивших миллионы лет назад. Порой можно было подумать, что он сам наблюдал их, настолько детально и живо представлялись они слушателям. Нельсон несколько раз встречался с Грабо, в том числе в его знаменитом «дискуссионном клубе» - загородном доме на улице Фаншэн-хутун, где он любил принимать гостей и беседовать с ними. И каждый раз разговор переходил на «злободневную тему»: где наиболее вероятен успех поиска «недостающего звена»?

- Ошибка Дарвина, полагавшего, что ближайших родичей человека следует искать в Африке, где сейчас обитают шимпанзе и гориллы, заключается в том, что он не учитывает фактора миграции, - говорил Грабо. - Ведь современная картина распространения животных, в том числе обезьян, есть не что иное, как результат переселений, происходивших миллионы лет назад. Надо сначала найти ключ к общему центру происхождения и рассеивания животных. Я нашел этот ключ. Центральная Азия - вот район, где, вероятнее всего, располагалась прародина многих животных, а также человека!

- Почему вы уверены в этом?

- Я основываюсь на палеонтологических и геологических данных. До поднятия Гималаев Южная и Центральная Азия составляли единый низменный массив, покрытый тропическим лесом. Влажные ветры Индийского океана проникали далеко на север и создавали благоприятные условия для существования обезьян типа дриопитеков. Вероятнее всего, из Монголии древнейшие антропоидные обезьяны переселились в Африку, где их потомками стали шимпанзе и гориллы, и на юго-восток Азии, где появились орангутанги и гиббоны.

- У вас есть какие-нибудь подтверждения этой мысли?

- Есть, хотя их и немного. Гигантский балухитериум найден не только в Индии, но также в Монголии и Южной Сибири. Значит, миллионы лет назад он может беспрепятственно передвигаться на всем этом огромном пространстве.

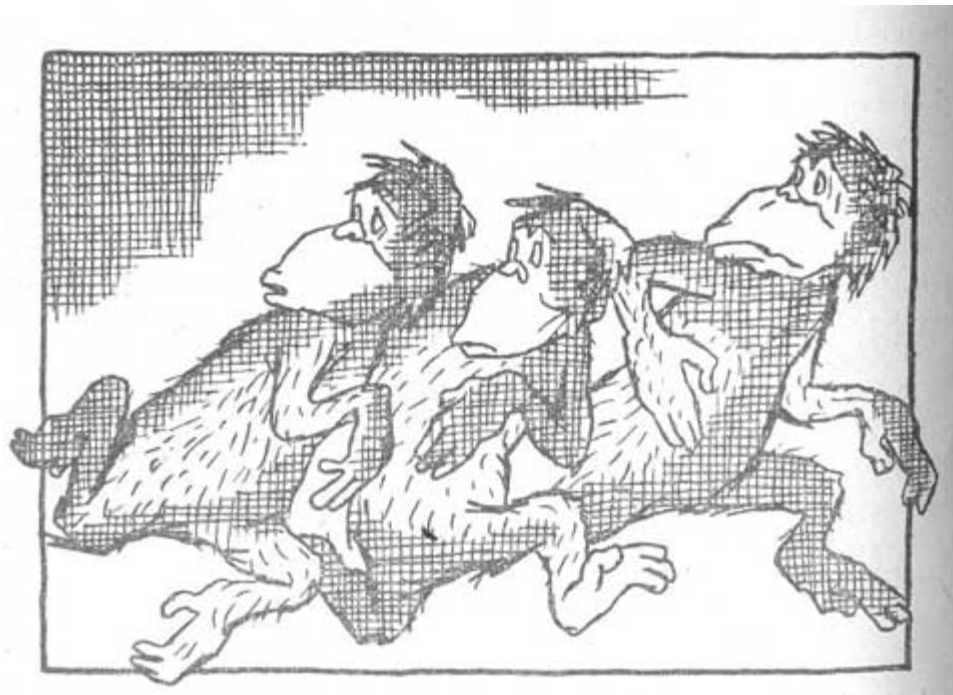
- Что же случилось потом?

- Затем произошла катастрофа - чудовищные по силе сжатия земной коры подняли Гималаи и образовали горный барьер, который отделил Индию от Тибета и Центральной Азии. Теперь потоки воздуха, перевалив через горы, несли с собой на север не влагу, а холод. Ветер иссушал почву и поднимал пыльные бури...

- А ветры с Атлантики? - задавал очередной вопрос Нельсон.

- Да, с запада и северо-запада ветер мог принести желанную влагу, но, пройдя тысячи километров над сушей, дождевые облака опустошались, и для Центральной Азии почти ничего не оставалось. Во всяком случае, выпадавшие время от времени скудные дожди не могли остановить иссушение земли. Грунтовые воды уходили все глубже, началась массовая гибель лесов! Вот это-то и стало подлинной трагедией для антропоидных обезьян. Они не могли преодолеть горный барьер и укрыться в тропиках юга. Оказавшись на земле, обезьяны не выдержали суровых условий и вымерли. Однако благодаря естественному отбору наиболее приспособленные выжили. Их нижние

конечности начали медленно изменяться, пока обезьяны не перешли к прямохождению. Так были сделаны первые шаги на пути к очеловечиванию.

- Однако подобные события могли происходить и в Африке?

- Да. Но все же нигде более на Земле не было такого благоприятного стечения обстоятельств.

- С какими же событиями связана ранняя история обезьянолюдей?

Уточнив, что он называет их протолюдьми, а не обезьянолюдьми. Грабо высказал предположение, что первые орды появились, вероятно, в районе Тибетского нагорья. Сначала протолюди с трудом переносили сухой и холодный климат. Спасаясь от непогоды, «наиболее сообразительные» из них ютились под прикрытием скал и пещер. Безлесные пространства заселяются после того, как протолюди открыли животворную силу огня. Раньше огонь внушал обезьяне ужас, а теперь при степных пожарах он становился «удивительным зрелищем», наблюдая которое протолюди оценили благотворную силу тепла. Они принесли в лагерь тлеющие палки и стали греться около них. Так на стойбище запылал первый в истории людей костер, зажженный первыми Прометейми».

За приручением огня последовало новое достижение. Протолюди обратили внимание на россыпи тонкозернистых кремнистых пород, самопроизвольно расколотых при резкой смене температур. «Особо проворный и одаренный ум» понял, что эти обломки можно использовать в качестве орудий. Дальнейшее ухудшение климатических условий заставило протолюдей покинуть Тибетское плато, перевалить через не очень высокий в те времена Куэнь-Лунь и переселиться в низины Тарима.

В глинах этого района следует искать кости протолюдей. Здесь протолюди научились оббивать гальку и освоили искусственное добывание огня. Вооруженные каменными орудиями, они начали в широких масштабах осваивать планету.

В течение 12 миллионов лет волна за волной устремлялись они в разные стороны от Центральной Азии. Питекантроп - представитель одной из таких волн.

Грабо так и не удалось убедить Нельсона, что «недостающее звено» следует искать в пустынях Центральной Азии. Но особой нужды в этом, собственно, и не было: во-первых, археолог, несмотря на свои колебания, уже прибыл в Пекин и включился в подготовку к отъезду в Гоби, а во-вторых, свою предстоящую деятельность он ограничивал значительно более скромными задачами - попытаться найти в пустыне обработанные каменные орудия.

Что касается «недостающего звена», то охота за его костями дело сложное. Недаром за три года работы палеонтологи экспедиции так и не нашли желанного черепа. Среди многочисленных и разнообразных останков чудовищных динозавров не было ни одной косточки антропоидных обезьян и протолюдей. Может быть, не пришел еще счастливый час или не оправданы надежды найти «недостающее звено» в слоях, формирование которых происходило миллионы лет назад. Кто знает! Однако Эндрюс и главный палеонтолог экспедиции «недостающего звена» Вальтер Гренжер не теряли оптимизма...

До позднего вечера пылили по широким долинам автомобили головного отряда экспедиции. Когда около заброшенного колодца выросли шатры майханов, вечерняя заря потухла. У костра, где на скорую руку готовился ужин, долго не стихали разговоры о «долине дзеренов и куланов»: каждый делился своими впечатлениями. Нельсон смеялся над рассказами о невероятных приключениях, «жертвами» которых в предшествующие годы не раз становились охотники экспедиции. Новичок преодолел наконец «боязнь пустыни» и начал втягиваться в полевую жизнь.

На следующий день неподалеку от лагеря Нельсону посчастливилось найти камень, вне каких-либо сомнений побывавший в руках первобытного человека. Это был тонкий белый отщеп кварцита, сколотый с гальки. Отщеп сохранился превосходно. Ни ветер, ни песок не смогли уничтожить отчетливых признаков искусственного раскалывания.

Конечно, природа достаточно сильна, чтобы стереть с лица земли скалы, а не только раздробить в мелкие куски какую-то ничтожную кварцитовую гальку. На пути экспедиции не раз попадались изъеденные гобийским ветром гранитные останцы, которые некогда были величественными пиками. И все же, сколько бы ни изощрялась природа, она никогда не сможет расколоть камень так, как умел делать человек. Мощные, но стихийные и слепые силы лишены целеустремленности, а удар мастера по обработке кварцита хоть и несравненно слабее, однако он разумен и сделан с ясно осознанной целью.

В точке соприкосновения отбойника, примитивного и простейшего по типу молотка, с блоком камня, с которого скалывался отщеп, оставались следы человека. На конце вспухал ударный бугорок, поверхность раскалывания покрывалась радиально расходящимися неровностями - ударными волнами. При всей случайности отщепа это и позволяет археологу мгновенно выделить его среди сотен случайных обломков камней. Когда Нельсон принес в лагерь кварцитовый отщеп, никто не выказал скептицизма. Его находку приняли и поздравили с удачей.

На 225-й миле от Калгана было сделано еще более интересное открытие. На этот раз повезло Шекельфорду. Во время осмотра возвышенного участка степи, расположенного на окраине озерной котловины, он заметил кремневые осколки. Внимательно осмотрев их, Шекельфорд убедился, что они имеют все признаки искусственного раскалывания, о чем ему долго толковал накануне Нельсон. Усердно полазав по склону осыпи, Шекельфорд собрал целую коллекцию выразительных каменных изделий, в том числе тонких, поражающих правильностью очертаний «ножичков» с необыкновенно острым краем, а также обломки разбитых черепков, украшенных предельно простыми узорами. Шекельфорд их тоже собрал, а затем торжественно передал находку Нельсону.

Это была настоящая удача! Нельсон окончательно успокоился - поездка в Гоби на поиски культур каменного века не может оказаться бесплодной. Эти конусы и цилиндры - не что иное, как нуклеусы, желваки кремня, с которых древние мастера скалывали ножичком а если придерживаться строго археологической терминологии - ножевидные пластины. Желобки, покрывающие грани нуклеусов, - это следы сколотых пластинок. Они служат заготовками для самых разнообразных орудий, в том числе, разумеется, и для ножей.

Чтобы техника обработки камня достигла такого совершенства, необходим общий высокий уровень развития культуры. Тонкую, геометрически правильную пластинку не сколоть с нуклеуса грубым отбойником. Для этой операции нужны специальные, сделанные из кости отжимники, инструменты, напоминающие по виду заостренный карандаш. Мастер давил отжимником на край нуклеуса, и от него отскакивала пластинка. Люди века машин давно забыли опыт и растеряли мастерство своих предков. Впрочем, американские индейцы в недалеком прошлом с виртуозным изяществом «строгали» камень. Этнографы даже успели снять их за необычным делом на кинолентку.

Камни, которые посчастливилось найти Шекельфорду, обрабатывались не так давно, каких-нибудь четыре-пять тысячелетий назад. Так мастерски обрабатывать кремнистые породы, конечно, не мог ни проточеловек Грабо, ни «недостающее звено» - обезьяночеловек Геккеля. Древние гобийцы, следы которых обнаружил Шекельфорд, умели не только изготавливать орудия из камня, по уже научились лепить из глины посуду. Это значит, что пустыня Гоби была освоена людьми в эпоху неолита, в V-II тысячелетиях до нашей эры. Мог ли предполагать человек каменного века, что забытые им в степи изделия из кремня и разбитый горшок заинтересуют далеких потомков?

Со времени открытия белого кварцитового отщепы и сборов Шекельфорда археологическое счастье не оставляло Нельсона. Почти каждый день на каждой остановке он открывал одну стоянку каменного века за другой. Нельсон понял, почему его ранее так смущала Гоби. Археолог, который привык вести разведку в обычных для средних широт местах, знает, где наиболее вероятен успех в поисках древностей - на возвышенных террасах и береговых мысах крупных рек, особенно там, где в них впадают мелкие притоки. Но где искать обработанные камни в Гоби с ее безводными пространствами, засыпанными песком долинами, сухими руслами рек, разрушенными временем скалами?

Теперь Нельсон знал, что надо направляться туда, где ветер разрушил поверхностный слой почвы и выдул огромные котлованы. Ветер выполнил за археологов тяжелую земляную работу и выложил как на блюдечке бесценные сокровища, залежавшие некогда в земле. Ходи и собирай! Часто успех поджидал у подножия базальтовых скал. В пустотах вулканического камня встречались желваки прозрачного, как стекло, халцедона, великолепного сырья для изготовления орудий. Люди добывали камень и тут же, на месте, обрабатывали его. Так и остались с тех пор лежать на земле сотни раздробленных осколков - имей лишь терпение и желание выбрать самое интересное.

Внимания заслуживали также окрестности редких в Гоби источников и колодцев, берега высохших озер, подножия скал, к которым почему-то неотвратимо тянуло древнего человека, плато, засыпанные обломками кремнистых пород. Два условия оставались неизменными: вода и сырье для изготовления орудий. Если то и другое было налицо, то, как правило, Нельсон возвращался к лагерю с находками. Он собирал неутомимо и жадно. Вскоре ответственному за коллекции пришлось выделить специальный ящик. В него складывались тяжелые пакеты с камнем. Поскольку увлечение охотой за каменными орудиями как эпидемия охватило всех участников экспедиции, в том числе шоферов, заветные ящики заполнялись довольно быстро.

История освоения Гоби человеком отодвинулась на несколько тысячелетий вглубь от предполагаемого ранее рубежа. Человек новокаменного века успешно противостоял невзгодам пустыни. Он победил жару и холод, жажду и пыльные бури, голод и бескрайние просторы. Он был достаточно изворотливым, ловким, смелым, находчивым и мудрым, чтобы найти себе пропитание в скудной стране, которая была для него не случайным местом, а домом, где он жил и умер.

При желании можно было, очевидно, уйти в другие места, где текли полноводные реки, стеной стояли леса густым покровом расстилалась трава. Однако люди не уходили, а упрямо кочевали от одного оазиса к другому, охотились на дзерефов и куланов, лошадей и верблюдов, собирали съедобные корни, траву и зерна пустынных злаков. Человек не покинул Гоби и позднее! Нельсон не раз встречал около возвышенностей грандиозные могильные курганы, сложенные из камней. Под ними были погребены потомки людей каменного века.

Но не значило ли это, что человек эпохи неолита не был первым жителем Гоби, а продолжал традиционную кочевую жизнь своих предков, охотников палеолита, которые освоили пространства Центральной Азии 15-20 тысяч лет назад, а может быть, и значительно раньше? Такая постановка вопроса возможна: два года назад французы Пьер Тейяр де Шарден и Эмиль Лисае открыли в Ордосе, который, в сущности, представляет собой восточную окраину Центральной Азии, хороший палеолит в Шуйдунгоу и Шароосоголе. От Ордоса до Гоби рукой подать. Палеолитические охотники могли вторгнуться в ее пределы, привлеченные обилием стад животных.

Французы искали в Ордосе по заданию Парижского института палеонтологии человека истоки европейских культур древнекаменного века. Если древний человек мигрировал в Европу из Ордоса, как уверяют некоторые археологи, он не мог миновать Гоби. Значит, можно надеяться открыть в пустыне более древние культуры каменного века. Нельсона радовала такая перспектива!

Все дальше на северо-запад уходили автомашины экспедиции, оставляя позади одну сотню миль пути за другой. Курс - на Гобийский Алтай, к Долине озер. Там, неподалеку от нежно-голубого хребта Гурбан-Сайхнц (Три красавицы), располагалась древняя котловина знаменитого Шабарак-усу, где решено было продолжить поиски динозавров. Наступил май, и Долина озер встретила экспедицию жарой, ослепительно-ярким солнцем и беловато-голубым безоблачным небом. Впереди расстилалась низкая, почти полностью лишенная растительности пустыня, покрытая увалами, засыпанная щебенкой, мелким гравием и песком.

12 мая автомобили подъехали к котловине Шабарак-усу. Однообразный желтовато-серый фон пустыни внезапно исчез - машины стояли на краю глубокого обрыва, а внизу было раздолье неожиданно ярких и пестрых красок. Так вот они какие, знаменитые «Пылающие скалы» Шабарак-усу, о которых Эндрюс не один раз рассказывал Нельсону. Ветры и солнце вскрыли по склонам причудливых долин пласты многоцветных глин, песков, осадочных и изверженных горных пород. Преобладали пурпурно-красные, черные и зеленовато-коричневые тона. Крутые обрывы, узкие ущелья, изрезанные сетью глубоких морщин-оврагов, глинистые склоны древнего берега реки или озера в сочетании с диким хаосом беспорядочно нагроможденных песчаных глыб и полукружьями дюн создавали потрясающее впечатление. Вот она, умирающая без воды Гоби - детство нашей Земли. Такой она была, очевидно, и сотни миллионов лет назад, такой планету видели динозавры. Для полноты картины не хватало лишь воды да соответствующей растительности.

Впрочем, «вода» есть: раскаленные потоки воздуха создают удивительные миражи сверкающих на солнце голубовато-зеленых водных бассейнов и ярко-синих рек, манящих прохладой. Нельсон иногда не верил, что это обман пустыни, настолько живо выглядели озера и реки. Приблизиться к «воде» невозможно - «озера» отступают, меняют очертания и окраску, но, когда поверишь наконец, что впереди настоящее озеро, оно внезапно тает на глазах и исчезает без следа. Вот и сейчас на месте только что растаявшего в воздухе миража - безводная котловина. Есть дно озера, его берег, застыли окатанные водой и выброшенные прибоем гальки, но нет воды.

Вдали синеют громады пиков Гобийского Алтая. Горы черно-голубые, прохладные. Сквозь сиреневато-дымчатое марево, окутывающее склоны величайших гор Монголии - Их-Богдо и Бага-Богдо, проступают ярко-белые снежные пятна и полосы. Не верится, что в такую жару где-то прохладно и лежит снег. Над горами Гурбан-Сайхн неожиданно возникают белые нежные облака с завихренными в виде запятых краями. Точь-в-точь как на восточных миниатюрах!» - подумал Нельсон. Но живут облака недолго - незаметно растекаются, становятся полупрозрачными и наконец бесследно исчезают.

И все же ни с чем не сравнимую, совершенно фантастическую картину представляла котловина Шабарак-усу вечером, минут за десять до захода солнца. Круглые обрывы изъеденных ветром древних песчаных отложений полыхали ярко-красным пламенем. Казалось, вся котловина превратилась в море огня. Этот неожиданным эффектом объяснялся просто: лучи заходящего солнца освещали древние красноцветные песчаники стен котлов вины и останцы, создавая совершенно реальное представление «пылающих скал».

Но это было далеко не главный сюрприз, который приберегла для путешественников котловина высохшего озера Шабарак-усу, поистине неистощимая кладовая сокровищ. Все началось с того, что, когда наступило время обеда, к майханам возвратился из странствий по долине Шекельфорд. Неизвестно почему он направился к зарослям тамариска и затем полез к берегам гиблого соляного болотца, расположенного у дальних колони красных песчаников. Во всяком случае, можно определенно сказать, что вряд ли там располагалась самая удачная точка для фотосъемок Шабарак-усу. Но как бы то ни было, Шекельфорд возвратился в лагерь до предела нагруженный камнями и вывалил их перед входом в майхан Нельсона.

- Эти камни обработаны человеком! - взволновался Нельсон, рассматривая кусок кроваво-красной яшмы, на поверхности которого виднелись отчетливые следы сколов.

- Возможно, - небрежно буркнул Шекельфорд и пожал плечами. Он давал понять, что выполнил свою обязанность а в деталях пусть разбираются знатоку. - Да их там сотни, все не соберешь!

Нельсон подумал, что Шекельфорд разыгрывает его. Но когда на следующее утро он отправился вместе с Эндрюсом, Луксом, Берки и Моррисом к дальнему болотцу, открывшаяся картина буквально потрясла всех. За фигурными скульптурами красноцветных останцев, возвышающихся как часовые, располагались долины, выметенные ветрами до основания. На твердом и чистом песчанистом дне их сплошной массой лежали тысячи обработанных камней: отщепы, расколотые желваки, а также всевозможные орудия из желтой и красной яшмы, белого, розового и желтого халцедона, серого песчаника и темного полупрозрачного кремня.

Дно долины таинственно и призывно сверкало и переливалось в лучах утреннего солнца всеми цветами радуги. Белый, прозрачный, как стекло, халцедон, полудрагоценная кремнистая порода, явно преобладал на том участке долины. Можно было подумать, что это свежавывающий снег, тонким слоем припорошивший песчанистое дно долины. В каких же грандиозных масштабах и как долго следовало колоть камень, чтобы накопилось такое изобилие его? Нельзя было ступить ногой на свободное от сколов пространство: подошва прикрывала десяток, а то и более отщепов.

Когда шок от неожиданного столкновения с несметными богатствами каменного века прошел и волнение несколько улеглось, все двинулись осматривать сокровища. Среди тысяч отщепов и сотен бесформенных сколов, отбросов производства, каждый старался отыскать законченное орудие: скребок, нож, наконечник стрелы, проколку, ножевидную пластинку, а также нуклеусы, с которых они скалывались. Но и среди инструментов привередливо выбирались наиболее выразительные. Все заботы и мысли отошли в сторону, окружающий мир исчез: перед глазами осталась лишь полоска земли, на которой оббитыми гранями поблескивали камни.

Занятые заразительным поиском, спутники разбрелись в разные стороны и лишь временами подходили друг к другу, чтобы по-мальчишески похвастать какой-нибудь необычной находкой. Эндрюс не узнавал Нельсона. Сутуловатая фигура этого степенного и спокойного человека, которого, кажется, ничто не могло вывести из равновесия, мелькала между ветками саксаульника. Нельсон непрерывно нагибался, подбирая то один, то другой камень. Беготне между дюнами не было видно конца, никто не находил в себе сил расстаться с увлекательным занятием.

Наступил полдень, жара и жажда стали невыносимыми, и решено было на время прервать сборы, Нельсон с неутомимостью фанатика сортировал находки. Чего только не было среди них! Крупные и грубо оббитые куски красной яшмы - едва опробованное мастерами сырье, которое они намеревались в будущем пустить в Юло. Нуклеусы, служившие для скалывания ножевидных пластин, были представлены во всех стадиях их оформления: от продолговатых галек халцедона и яшмы с одним-двумя небрежно сделанными сколами до изящно ограненных призм, цилиндров и конусов. Строго параллельные друг другу желобки, «негативы» соструганных пластин покрывали поверхности скалывания нуклеусов.

Какого поистине ювелирного совершенства и, пожалуй, предельно высокого уровня мастерства достигла техника обработки камня, во всей полноте демонстрировали многочисленные серии мелких инструментов, микролитов, изготовленных из пластинок и сколов. Изящно, с щеголеватой тонкостью и точностью, удивительным чувством симметрии оформлялось каждое орудие. Кажется, мастеру доставляло невыразимое наслаждение выстругивать разноцветный камень, он священнодействовал!

Чаще всего попадались ножевидные пластины - длинные и короткие, узкие и широкие, тонкие и относительно массивные, но, как правило, со строго параллельными сторонами. Края пластин были остры как бритва, будто кто-то долго и старательно оттачивал их. На самом деле пластины, конечно, никто не точил - они скалывались так, что края сами по себе получались утоньшенными до предела и могли употребляться без дополнительной обработки лезвия. И в самом деле, по краю некоторых пластинок виднелись микроскопические выщербленки - следы использования этих миниатюрных орудий в работе.

Другие пластины тщательно обрабатывались по краю ретушью - мелкими фасетками сколов, тесно примыкающих друг к другу. Лезвие как бы намеренно притуплялось, но зато оно лишалось хрупкости и становилось прочным и долговечным. Такие ножевидные пластины с ретушированным или в других случаях необработанным краем служили лезвиями для комбинированных инструментов.

Основа их делалась из кости или рога. По краю ее пропиливался паз, в котором пластины закреплялись с помощью рыбьего клея или смолы. В результате получалось эффективное комбинированное орудие - нож или наконечник копья. Из ножевидных пластин изготавливались, кроме того, наконечники стрел со слегка приостренным ретушью концом и миниатюрные проколки с поразительно тонким и острым, как конец металлической иглы, концом. Этими инструментами выполнялась особенно деликатная работа: наносилась на тело татуировка, прочерчивался орнамент, шилась одежда.

Вторую многочисленную и разнообразную по типам группу орудий составляли скребла. Их изготавливали в большинстве случаев из округлых или продолговатых отщепов, иногда очень миниатюрных, не больше ногтя мизинца. Рабочие края скребков, прямые, округлые, иногда с острыми шиловидными выступами, тщательно обрабатывались ретушью. Твердым и острым рабочим концом скребка мастер мог резать дерево и кость, распиливал их и строгал, выскабливал и выравнивал, делал насечки и вырезал причудливые узоры. Скребками обрабатывали также шкуры животных, снимая с них жир и мездру. Скребок - одно из универсальных орудий человека каменного века. Для каждого дела употреблялась особая его разновидность, со специфической конфигурацией рабочего края.

Нельсон, ошеломленный неожиданно свалившимся на него счастьем, и думать забыл о времени, когда ему казалось, что поездка в Гоби на поиски каменного века будет бесплодной! Теперь задача, напротив, состояла в том, чтобы по возможности полнее собрать эти россыпи обработанных камней, разобраться в них и понять.

Высокая техника обработки камня, типы изделий, особенно треугольные, сплошь выструганные с обеих сторон наконечники стрел, а самое главное - обломки грубых глиняных сосудов, украшенных снаружи отпечатками крупноячеистой сетки, - все это вместе взятое позволяло уверенно датировать стоябище эпохой неолита: IV-III тысячелетиями до нашей эры. Не такая большая древность для страны, объявленной родиной человека, однако нет ли среди сотен изделий более ранних, смешавшихся с неолитическими? Нельсон обратил внимание на то, что часть орудий отличается некоторой примитивностью. Может быть, они древнее, чем основная масса каменных инструментов?

Но чтобы ответить на этот вопрос, надо попытаться решить главную проблему: из какого слоя вывалились на твердую песчаниковую поверхность оббитые камни? Неужели они всегда лежали на открытом воздухе и «опустились» на дно долины, когда ураганные ветры выдули до основания песчанистую почву? Такое предположение казалось невероятным, однако, чтобы опровергнуть его, надо было найти не раздутые ветром участки древних горизонтов с включенными в них каменными инструментами.

В последующие несколько дней Нельсон, помогавшие ему геологи Берки и Моррис, а также другие участники экспедиции продолжили «охоту». Одно волнующее открытие следовало за другим, и Эндрюс отчаялся заставить людей заниматься чем-то другим. Впрочем, он и сам забыл обо всем на свете. Археология, а не палеонтология безраздельно царствовала в экспедиции!

Началось с того, что Нельсон обратил внимание на углистые, черные, округлые по форме пятна, отчетливо выделявшиеся на светлом фоне плотного песка. Около таких пятен концентрировалось особенно много обработанных кусков яшмы и халцедона, а также обломки посуды. Начались пробные раскопки, и стало ясно, что это очаги. Каждую глубокую чашевидную западину, вырытую некогда древними людьми в песке, заполняли угли, кола и обожженные докрасна камни. В очагах были обнаружены остатки пищи - раковины моллюсков, кости куланов, дзеренов, зайцев, птиц и даже лягушек. Впервые Нельсон мог с уверенностью сказать, на кого охотились и что собирали обитатели дюн Шабарак-усу. На очагах готовили пищу, огонь их обогревал людей в холодные ночи, а пламя давало свет и возможность продолжить работу, когда солнце падало за горизонт. Очаги располагались, очевидно, в центре незамысловатых жилищ, построенных из

саксаула, травы и шкур животных. Здесь ели, спали, оббивали камень, рассказывали легенды и... по рассеянности теряли вещи особой ценности.

Нельсон, пресыщенный изобилием и разнообразием каменных инструментов, с особым удовольствием подбирал около очагов то, что служило некогда украшением прически, одежды, тела первобытных: просверленный у корня клык лисицы, часть ожерелья, бусинки из кости, трубчатые косточки птиц, покрытые тонкими параллельными линиями. Красоту перламутровых раковин человек тоже оценил давно: Нельсону посчастливилось найти обломки мелких ракушек с просверленными в центре отверстиями. Перламутровые бусины нанизывались на ниточки, и связки их украшали, очевидно, шею и грудь красавиц каменного века, а может быть, нашивались на одежду.

Да что там перламутр! Через некоторое время Эндрюс и Моррис начисто затмили необычность находок Нельсона. Сначала Эндрюс поднял среди россыпей яшмовых отщепов кусочки скорлупы яиц динозавров и гигантского страуса. У него и мысль не мелькнув ла связать их с деятельностью человека каменного века. Не жил же он в эру динозавров и страуса ледниковой эпохи?!

Но вот Моррис внезапно обнаружил россыпь таких же скорлупок и сначала не поверил своим глазами в одном из фрагментов было отверстие. Бусинка из скорлупы яйца динозавров или страуса? Невероятней Эндрюс и Моррис сломя голову помчались за консультацией к Нельсону, и тот хладнокровно подтвердил: да, отверстие в скорлупе проделано, несомненной человеком. Он просверлил его каким-то каменным инструментом, очевидно тончайшей проколкой.

Эндрюс и Моррис были поражены. Так, значит, совсем не экспедиция «недостающего звена» первооткрыватель яиц динозавров, а люди каменного века. Они опередили американцев на добрых пять тысяч лет когда, лазая по красноцветным песчаниковым обрывам, заметили и оценили необычный материал для своих украшений.

- Жители Шабарак-усу первые палеонтологи Гоби! - с восхищением повторял Эндрюс.

Ведь, однажды оценив прелесть ожерелий из скорлупы яиц динозавров и гигантского страуса, человек каменного века стал проводить специальные по две-три мили «экспедиции», в ходе которых отыскивал белоснежные или желтовато-коричневые, как слоновая кость, фрагменты, а то и целые яйца - благодатное и желанное сырье.

- Мы открыли первооткрывателей яиц динозавров и страусов. Нечего присваивать себе чужие заслуги! - резюмировал сенсацию сияющий от радости Эндрюс.

Затем последовало еще одно открытие, которое снова позволило иначе взглянуть на дюнных жителей Шабарак-усу, на этот раз на образ их жизни и хозяйственные занятия. Подлинный переворот в представлениях о «дикарях пустыни» произвели длинные плиты серовато-синего песчаника с вогнутой от сильного стачивания поверхностью. Это казалось невероятным, ней плиты были не чем иным, как зернотерками, первыми! в истории человечества мельницами, служившими для размалывания зерна!

Нижний «жернов» мельницы, песчаниковая плита, был, как правило, сплошь покрыт мелкими выбоинками. Они при работе усиливали эффект помола. Так же поступали мельники тысячелетиями позже: когда стачивались жернова - они поклевали их, то есть наносили зубилом выбоины. Поистине ничто не ново под луной!

Верхний «жернов» зернотерки, бегунок, или курант, представлял собой брусок песчаника, который двигали при помоле вперед и назад вдоль длинной оси плиты. Куранты тоже удалось обнаружить в Шабарак-усу. При всей неприглядности и невыразительности составных частей «мельницы» гобийцев каменного века, собственно зернотерки и куранта, открытие их произвело подлинный фурор в лагере. Люди эпохи неолита Шабарак-усу представлялись до этого момента Нельсону и другим как бродячие

охотники степей, помыслы и заботы которых ограничивались главным образом облавами и преследованиями табунов дзеренов и куланов. Недаром самыми совершенными орудиями стали наконечники стрел, дротиков и копий, а также всевозможные острия. От них зависела жизнь, поэтому на отделку их не жалели труда. И вдруг среди набора типично охотничьих инструментов - зернотерки!

Это значило, что четыре-пять тысяч лет назад в Долине озер у подножий Гобийского Алтая жили охотники, которые если и не занимались земледелием, то, во всяком случае, собирали зерно диких растений. Они знали не только вкус мяса, но и вкус хлеба! Не значило ли это, что климат в те далекие времена не отличался такой сухостью и суровостью?

Берки и Моррис часами ползали по склонам дюн, изучая характер древних отложений. Вывод не заставил себя долго ждать: тысячелетия назад на месте Шабарак-усу протекала мощная река. Лишь поток огромной силы, полноводный и стремительный, мог «разрезать» гобийскую равнину на 400 футов ниже общего уровня! Реку питали снега Гобийского Алтая и ливневые дожди. По берегам ее росли густые кустарники и, возможно, даже леса. Это был благодатный оазис жизни, который в одинаковой мере привлекал людей и животных. Стоянки древних охотников и собирателей Гоби дымили десятками костров, разложенных на берегу речного потока.

Затем начались трагические события, справиться с которыми человек оказался бессильным: резко сократилось количество осадков, исчезли ледники на вершинах Алтая. Высохли леса и кустарники, обмелела и еле перекатывала ленивые волны безымянная река. Ветер погнал на оазис полчища мертвых дюн. Мкометровые толщи желтого песка скрыли под собой заброшенные жилища и очаги. Песок заваливал русло реки, вода, бессильная пробиться вперед и размыть наносы, замерла в ловушке. Около цепочки жалких озер некоторое время ютились люди, но затем под напором моря песков они навсегда ушли куда-то...

Внимательный осмотр сохранившихся от раздувания участков древних слоев песка помог найти каменные орудия и отщепы, которые залежали в слое, а не на поверхности. Сначала их обнаружил Чани, специалист по древней и современной растительности пустынь, затем повезло Берки. Раскопки показали, что древние гобийцы ставили свои шалаши у подножия песчаных дюн, остановленных причудливо переплетенными корнями саксаула. Они были поистине жителями дюн!

Раскопки позволили сделать еще одно исключительно важное открытие. Нельсону посчастливилось выявить горизонт с находками, среди которых отсутствовали обломки глиняных сосудов и наконечники стрел. Это означало, что Шабарак-усу освоили люди, стоявшие на более древней, чем неолит, стадии культурного развития. Робкие и неуверенные предчувствия Нельсона о заселении Гоби охотниками палеолита или переходной от него к неолиту стадии (мезолит) подтвердились самым блестящим образом. Это был успех о котором можно было грезить лишь во сне. Нельсон не смел даже подумать, что пройдет несколько дней, и ему снова придется удивляться. Такова уж она, Гоби, то скупа и скаредна, то щедра безмерно.

У Нельсона ни минуты свободного времени. С утра он обследует одну котловину с выдувами за другой, а вечером до наступления кромешной темноты и даже при свете фонаря классифицирует собранное за день им самим и добровольными помощниками. Работе не видно конца - настолько обильны коллекции.

Вскоре доктор Луке преподнес Нельсону новый «царский подарок»: нашел в одной из дальних долин Шабарак-усу серию стоянок, устланных десятками тысяч обработанных камней. Первое местонахождение у тамарисков за соляным болотцем, которое несколько дней назад поразило членов экспедиции обилием расколотых яшм и халцедонов, на фоне нового открытия выглядело просто бедным и нищим. Утром следующего дня Луке и четверо рабочих отправились на сборы камня. Они вернулись вечером и привезли ни

много ни мало, а 15 тысяч выбранных из россыпей изделий! Ничего подобного не знала до сих пор мировая археология каменного века.

10 дней продолжалось обследование котловины Шабарак-усу, и на каждый из них приходилось по нескольку открытий, волнующих и радостных. Создавалось впечатление, что здесь, невдалеке от Гурбан-Сайхн, располагалась столица каменного века пустыни Гоби, где несколько тысячелетий назад бурно кипела жизнь. Однако, когда Нельсон и Берки отправились на автомобиле на север от котловины, то и здесь нескончаемой чередой тянулись цепочки стоянок эпохи неолита. Границы оазиса, прочно обжитого охотниками каменного века, непрерывно расширялись по мере удлинения разведочных пробегов автомобиля, выделенного Эндрюсом для Нельсона. Ну чем не «центр дисперсии» древних людей в другие районы Азии? Ведь нигде более нет такого изобилия их поселений!

Жаль, что в лагере Шабарак-усу нет Осборна. Сколько радости доставили бы ему находки. С ближайшей же оказией послал Эндрюс в Ургу текст телеграммы, которую следовало отправить сначала в Пекин, а затем в Нью-Йорк.

«11:48 П. М. Пекин, июнь 1, 1925. Музей естественной истории, Нью-Йорк. Рой телеграфирует: Берки вполне здоров. Великий успех! Только что открыли новые яйца динозавров и позднепалеолитическую культуру, соответствующую европейскому азию. Тысячи кремневых изделий! Работа только начинается. Эндрюс». Можно представить, какое впечатление произвела на Осборна такая телеграмма! Но пока она в течение нескольких недель добиралась до Пекина, а оттуда в Нью-Йорк, в Долине озер произошли события, которые повергли Нельсона в уныние. Нет, никакого несчастья не произошло. Совсем напротив, последовала очередная редкостная удача, после которой количество обработанных камней стали ориентировочно считать не десятками, а сотнями тысяч или, может быть, даже миллионами. При такой ситуации впадешь в тоску и меланхолию - ни осмотреть, ни тем более собрать открытое не представлялось никакой возможности.

Эндрюс вместе с проводником отправился на север от Шабарак-усу по направлению к Арц-Богдо. В 30 милях от лагеря машина остановилась на плато, где лежало огромное число грубо оббитых галек красной и желтой яшмы. Затем спидометр автомобиля отмерял милю за милей, но это гигантское поле, усыпанное раздробленным камнем, не кончалось. Сколько десятков тысяч квадратных метров занимало удивительное плато - мастерская, трудно сказать.

Однако Эндрюса поразило на этот раз не количество оббитых галек, хотя невозможно было не подивиться чудовищным масштабам, в которых велась их обработка. Эндрюс обратил внимание на необычайно архаичский вид большинства галек, валявшихся на плато. Это были исключительно примитивные рубящие инструменты с грубо оформленными лезвиями, нечто вроде сечек - чопперов, гигантские скребки с рваным, зигзагообразным краем, оббитым небрежными сколами, больших размеров нуклеусы - булыжники, с которых скалывались огромные отщепы.

В целом индустрия плато выглядела поистине первозданной. Эндрюсу казалось, что такие орудия могли быть лишь у человека, который едва только приступил к обработке камня. В Европе палеолитические культуры такого рода, отстоящие от современности почти на миллион лет, называют дошелльскими и шелльскими. Неужели в Гоби открыты именно они? В таком случае экспедиция находится на верном пути к открытию «недостающего звена», а Гоби действительно родина человека! Где еще в мире есть места с подобным изобилием раздробленных предками кремнистых пород?

Потом проводник привел автомобиль Эндрюса к той части Арц-Богдо, где прослеживались мощные пласты красной яшмы. Здесь располагался настоящий рудник каменного века: люди добывали сырье и тут же обрабатывали его. Снова тысячи грубо расколотых кусков, а также несколько полностью законченных орудий из красной яшмы, кремня, халцедона и агата. Некоторые инструменты напоминали орудия неандертальцев.

Собрав на плато и около каменоломни несколько сотен наиболее выразительных орудий, торжествующий Эндрюс: возвратился на базовый лагерь в Шабарак-усу.

Нельсона в лагере не было. Он вместе с Моррисом отправился исследовать наиболее перспективные из дальних стоянок неолита. Эндрюс поделился своими наблюдениями и мыслями с теми, кто оставался на месте. Его вывод оказался настолько неожиданным, что в лагере вспыхнули ожесточенные споры. Одни соглашались с Эндрюсом, другие отнеслись к его выводам скептически. Появление Нельсона и Морриса лишь подлило масла в огонь жарких дискуссий. Осмотрев камни, они присоединились к лагерю противников Эндрюса и охладили пыл его сторонников.

Как профессионал археолог Нельсон предпочитал не спешить с выводами и поэтому отправился на плато, чтобы разобраться во всем на месте. В течение нескольких дней он собирал камни, изучал их и сопоставлял, а затем вылил ушат холодной воды на разгоряченные головы энтузиастов, возглавляемых Эндрюсом. Никакого дошелля и шелля на плато и на Арц-Богдо нет; камни обрабатывались не обезьяночеловеком или «недостающим звеном», а охотниками неолитического времени, которые освоили оазис Шабарак-усу. Подходящего для выделки орудий камня в долине древней реки не было, вот мастера и отправлялись за десятки миль, чтобы пополнить запасы сырья. На плато и в горах Арц-Богдо были своего рода карьеры, где яшму и халцедон опробовали на предмет выделения наиболее пригодных кусков.

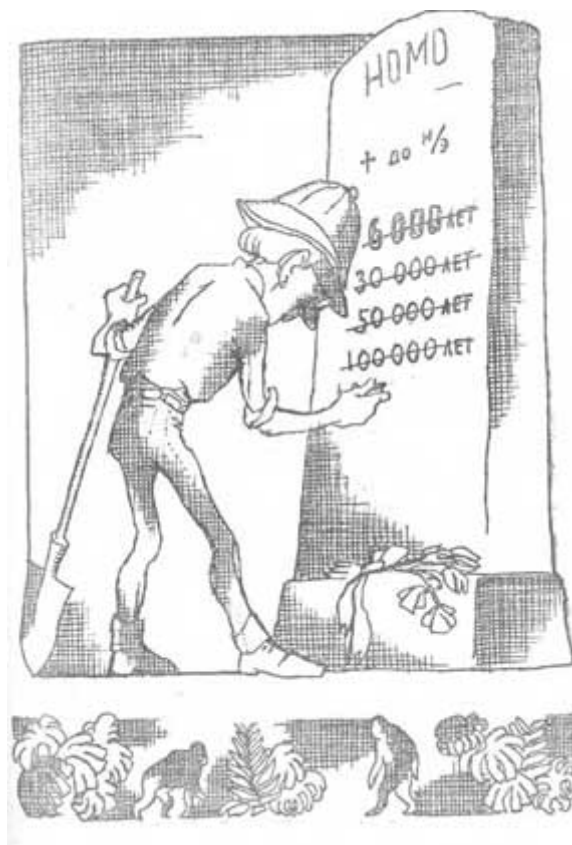
Эндрюс и Берки не захотели «расстаться со своей мечтой». Чтобы доказать ошибку Нельсона, они тоже отправились на плато, собрали серии изделий, построили сравнительные ряды и... убедились в правоте археолога! Примитивизм был мнимый. Это были, собственно, не орудия, а небрежно опробованные куски породы на самых разных стадиях превращения их в нуклеусы.

Через 10 дней автомобили экспедиции двинулись на северо-запад вдоль Долины озер по направлению к Орок-нору. Археологическое счастье более не оставляло Нельсона, Всюду на берегах озер, около источников и колодцев, около базальтовых скал и на плоскогорьях встречались оббитые камни. Особенно много-численные россыпи их наблюдались на обширных возвышенных плато, заваленных булыжниками халцедона и мясо-красной яшмы. Здесь в течение десятков тысячелетий, по-видимому с эпохи обезьянолюдей типа неандертальцев, велась заготовка превосходного сырья для изготовления орудий.

Со всех концов из степных, пустынных и горный районов Центральной Азии сходились к долине тропы мастеров по обработке камня, первых геологов Земли. Десятки и сотни тысяч булыжников перебрали руки первобытных охотников. Каждое из таких плато, обследованных Нельсоном от Цаган-нора до Орок-нора, поражало изобилием материалов. Грузоподъемность «фултонов» не безгранична, поэтому из тысяч изделий, приходилось отбирать лишь самое необходимое. Если бы можно было пригнать в Гоби грузовые железнодорожные составы!

Нельсон неумоимо бродил среди завалов раздробленных, «загоревших» на солнце и источенных ветром галек разноцветных яшм, и иногда сомнения закрадывались в его душу: неужто человек каменного века совершил эту грандиозную работу?! Однако разумная последовательность расщепления булыжников яшмы, ударные бугорки на отщпах и ретушированные рабочие края не оставляли места сомнениям: камни дробил человек, причем достаточно древний. К югу от Арц-Богдо, около западных склонов Гурбан-Сайхн и около Орок-нора, были обнаружены примитивные изделия напоминающие по типам инструментов и технике обработки орудия мустьерской культуры. Отсюда следовал вывод, что неандертальцы, а может быть, и более древние обезьянолюди освоили просторы Гоби. За какой-нибудь месяц работы в Долине озер древность человека Центральной Азии увеличилась по крайней мере до 100 тысяч лет! Конечно, это была слишком молодая для родины людей и «недостающего звена» культура» но кто из археологов осмеливался в недалеком прошлом предполагать, что человек освоил Монголию даже в столь «поздние» времена?

А как же череп «недостающего звена»? Увы, его так и не удалось обнаружить. Правда, однажды во время раскопок Гренжера и Берки в районе озера Холлоболчи-нор в очень древней серой глине, где залежали кости слона, мастодонта и лошади, палеонтологи наткнулись на череп человека. В течение нескольких часов в лагере экспедиции царило ликование. Еще бы - если череп датировался временем, когда сформировался пласт глины и когда по берегам озера бродили мастодонты, то это означало, что экспедиция «недостающего звена» решила главную из великих задач, поставленных перед ней Осборном. Надежду вселяло также открытие, сделанное Нельсоном накануне на гравиевом плато к востоку от лагеря он нашел огромные скребла, рубящие инструменты мустьерского типа и двуконечные ориньякские по типу скребки.

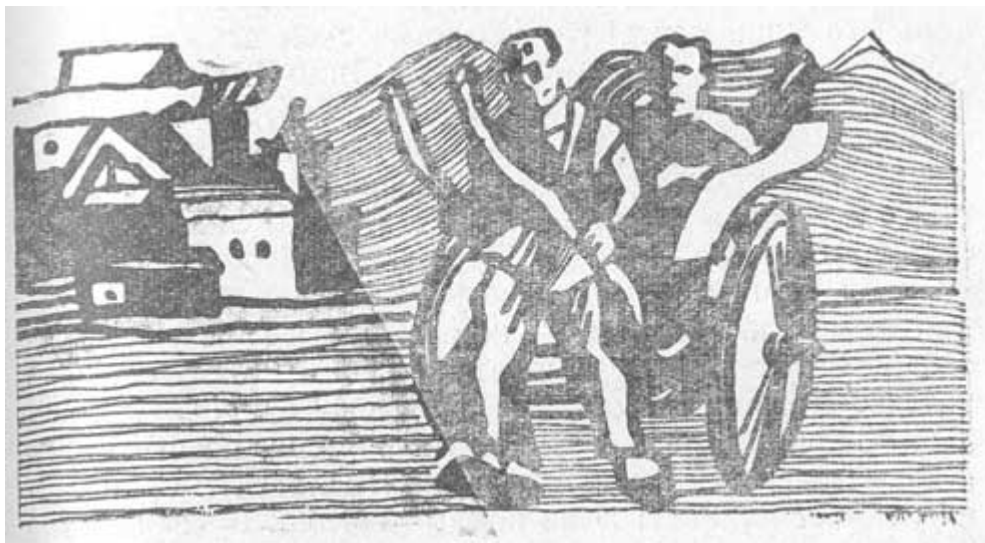
Можно представить волнение каждого члена экспедиции, когда археолог, скрупулезно следуя правилам работ, приступил к раскопкам участка, где залежал череп. Однако Нельсону сама судьба, очевидно, предназначила приносить огорчения Эндрю, и через несколько часов работы выяснилось, что в серой глине открыто погребение современного человека. От его гробницы сохранились куски сгнившего дерева, а кости ног были завернуты в бересту. «Недостающей звено», подразнив воображение, растаяло в воздухе, как гобийский мираж.

После 1925 года судьба Нельсона сложилась так, что ему больше никогда не пришлось путешествовать по Центральной Азии. Эндрюс работал в Гоби еще несколько лет, но череп «недостающего звена» так и не попал ему в руки. Наконец наступил печальный момент расставания с пустыней, которая принесла ему столько радостей и огорчений. Проезжая в последний раз котловину Шабарак-усу, он с грустью смотрел на Пылающие скалы и думал: «Увижу ли я вас еще когда-нибудь?»

Если бы в момент этих невеселых размышлений добрый волшебник шепнул Эндрюсу, что пройдет несколько дней и он будет держать в руках череп «недостающего звена», он высмеял бы волшебника. Однако, когда 10 декабря 1929 года в банкетном зале одного

из пекинских ресторанов его подзвал к своему столу Дэвидсон Блэк и тихо сказал: «Рой, мы нашли череп: Пэй Вэнь-чжун извлек его из пещеры 2 декабря», - он понял, о каком черепе идет речь...

История пятая. Охотники за головами

Свет озарит и происхождение человека и его историю.

Ч а р л ь з Д а р в и н

Декан анатомического факультета - человек не без странностей, особенно когда дело касается неврологии, эмбриологии, анатомии или вопросов происхождения человека и его прародины. Обдумывая эти темы, доктор Блэк может забыть обо всем на свете: о назначенной встрече, о лекции, не говоря уже о еде и сне.

Мисс Гимпель работала на факультете давно, но никак не могла привыкнуть к необычному распорядку дня декана. Немногие часы отдыха падали на утро, затем он обедал, проводил занятия, встречался с друзьями. А поздним вечером, когда коридоры колледжа пустели, Блэк скрывался в кабинете. До трех-четырёх часов утра он трудился: читал, препарировал ископаемые кости, писал. Когда мисс Гимпель приходила утром 8 колледж, в кабинете Блэка ее ожидало несколько исписанных листков. В ее обязанности входило расшифровать записи и отпечатать их к приходу профессора.

Сейчас она наблюдала за тем, как Блэк дочитывал письмо Пэй Вэнь-чжуна, молодого аспиранта нального университета и Геологической службы Кита ученика Амедея Вильяма Грабо. Лицо 45-летнего профессора, пожалуй, красиво: худощавое, с правильными чертами, продолговатое и тонкое - типичное лицо интеллектуала. За круглыми в черной роговой оправе стеклами очков видны большие глаза, внимательные, сосредоточенные.

Блэк отличался подчеркнутой аккуратностью и педантизмом в одежде - неизменный галстук и белоснежная рубашка, черный отутюженный костюм и тщательно ухоженная короткая причёска с пробором, белый рабочий халат и идеальный порядок на столе. Он в то же время не беспомощный интеллигент-хлюпик, каким может показаться на первый взгляд. Рассказывали, как он в экспедиции попал в грандиозный лесной пожар. Огонь загнал его в ловушку - в озеро. Блэк выстоял в нем, погруженный в воду по горло, две ночи и день! А хладнокровие, с которым он встретил обстрел своего автомобиля, направлявшегося из Калгана в Ургу?

Со времени поступления в университет Торонто в Канаде, где он с 1901 по 1906 год, до получения докторской степени, изучал анатомию человека, специализируясь по невроанатомии, путь Блэка определялся упорным расширением знаний в антропологии и смежных с нею областях наук. Зимой 1907 года, «почувствовав большие провалы в знаниях по медицине», он, всерьез занялся антропологией и стал работать ассистентом по гистологии. Затем Блэк отправился в Кливленд, где в течение некоторого времени работал «инструктором по анатомии». Потом последовала поездка в Голландию, где он специализировался по неврологии у Адриана Копперса. В 1914 году Дэвидсон Блэк переехал в Англию. Здесь, в Манчестере, в университетской лаборатории выдающегося английского антрополога Эллиота Грэфтона Смита он занялся сравнительным, изучением мозга человека и антропоидных обезьян. Кроме того, Блэк мастерски освоил технику изготовления муляжей черепов и других костей. К этому следует добавить, что одно время он работал сотрудником Канадской геологической службы.

- Простите меня, пожалуйста, мисс Гимпель, - сказал Блэк. - В письме Пэя действительно содержится нечто такое, из-за чего мне следовало прочитать его незамедлительно. Работу для себя на завтра вы, как всегда, найдете утром на моем столе. Доброй ночи!

Блэк перечитал письмо. Он ждал этого сообщения каждый день в течение последних трех лет, с тех пор, как в 1927 году удалось возобновить раскопки в Чжоу-коудяне. Кажется, совсем недавно ему по рекомендации Эллиота Смита предложили в Европе должность профессора и руководителя анатомического факультета Пекинского объединенного медицинского колледжа, а ведь это случилось в 1918 году. Прошло 12 лет.

Блэк недаром принял предложение Фонда, финансировавшего Пекинский колледж. Приглашение последовало вскоре после того, как Блэк совершил путешествие через Атлантику и прибыл в Нью-Йорк. Он посетил знаменитый Музей естественной истории, где, работая над коллекциями, познакомился, а затем и подружился с директором, знаменитым «патриархом палеонтологии» Генри Фэрфилдом Осборном и одним из ближайших его сотрудников, Вильямом Диллером Мэтью.

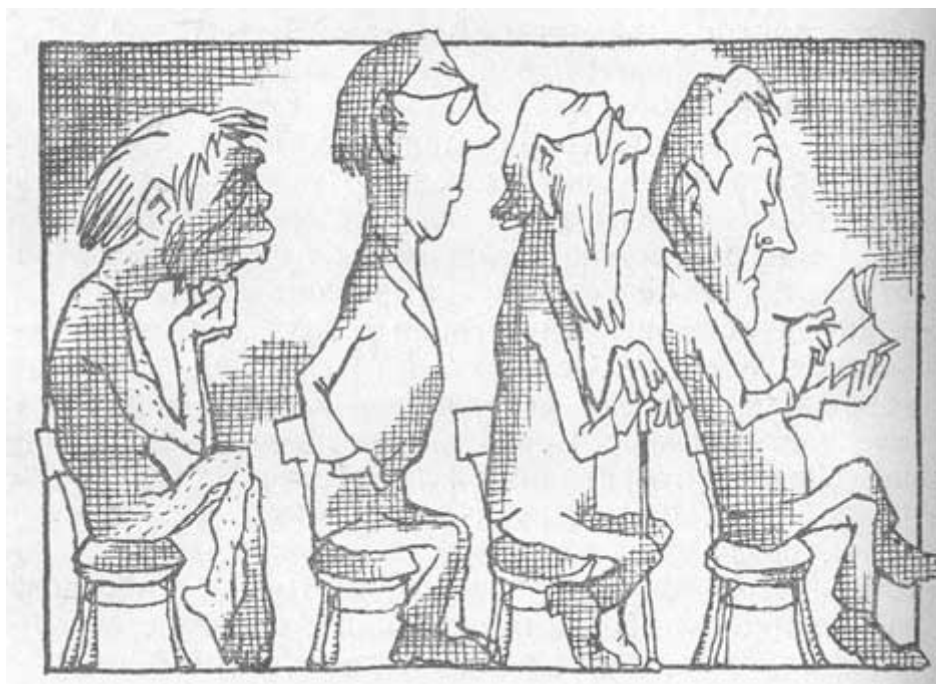
К этому времени Блэк окончательно выбрал свой путь в науке: проблема возникновения человека и его эволюция - это концентрировало в себе все, что с детства захватывало его воображение. Путешествие в дальние неведомые страны, где люди делали свои первые шаги по Земле. Возможность заниматься не только антропологией, но также геологией и палеонтологией...

В Музее естественной истории Блэк встретил полное понимание. Беседы с Осборном и Мэтью превратили его в сторонника гипотезы центральноазиатской прародины человека. Чтобы внести практический вклад в ее обоснование, следовало отправиться по возможности ближе к предполагаемому центру, где разворачивались главные события, связанные с таинствами возникновения человечества. Предложение поехать в Пекин подоспело как нельзя кстати. Блэк, не колеблясь, принял его и отправился в Азию, лелея в душе грандиозные мечты.

На деле все оказалось значительно сложнее. Начать работы в соседних с Центральной Азией районах Китая удалось далеко не сразу. Программа антропологических исследований, подготовленная Блэком по прибытии в Пекин, была принята руководством колледжа более чем прохладно. Главную часть ее, естественно, составляли планы поисков останков древнейшего человека. Но директор считал, что они будут отвлекать Блэка от его прямых обязанностей по службе, и отклонил предложение. Воспользовавшись пребыванием в Пекине американского ученого Алеша Хрдлички, Блэк попытался создать антропологическую ассоциацию, главной целью которой могли стать поиски «недостающего звена». Однако и из этой затеи ничего не вышло.

К тому же гость чуть было окончательно не погубил дело: в лекции «Антропология азиатских народов», которую он прочитал в феврале 1920 года перед членами

миссионерских медицинских ассоциаций Пекина, он долго рассуждал о причинах «парадоксального отсутствия следов раннего человека в центральных районах Азии. Оказывается, древний охотник никогда там не обитал. Переселиться туда ему мешали суровые климатические условия и география: пустыни, полупустыни, безводные степи. Это было полное отрицание главных принципов центральноазиатской гипотезы. Хрдличка и не пытался скрыть скептического отношения к ней. Он говорил о «примечательности» открытия Евгением Дюбуа «предчеловека» и, возможно, очень ранних человеческих форм в Голландской Индии и отмечал полное отсутствие их в Центральной Азии.

Спорить было трудно: ни каменных изделий эпохи палеолита, ни костей палеолитического человека в Центральной Азии не находили. А что, если поискать? С большим трудом Блэку удается получить небольшую сумму денег, и он отправляется на север Китая, в провинцию Кэхэ, намереваясь заняться обследованием пещер и террас в долине реки Ланьхэ. Полная безрезультатность поездки обескуражила Блэка: может быть, прав Хрдличка, утверждая, что Восточная и Северная Азия заселялись человеком с юга?

Следующая экспедиция Блэка направляется в Сиам, страну известняковых гор и многочисленных пещер. Идеальное место, где можно повторить триумф Дюбуа! Увы, снова неудача: пещеры были заполнены твердыми как камень травертиновыми слоями. Раскопки требовали значительных материальных затрат и времени, чем Блэк не располагал. Он вернулся в Пекин, сердито упрекая себя за «отступничество» от идей Осборна и Мэтью. Поэтому, когда вскоре последовало заманчивое предложение переехать в Австралию, на континент, расположенный рядом с Явой, «домом питекантропа», Блэк отказался.

В 1922 году в Пекин из Сан-Франциско прибывают Эндрюс и его коллеги, готовые ринуться в Гоби на поиски «недостающего звена», а из Парижа приезжает молодой палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден, направленный в Азию Институтом палеонтологии. Двухгодичная программа исследований француза обширна и примечательна. Один из ее главных пунктов гласит: «Попытаться получить данные и уточнения по важному вопросу о роли, приписываемой Центральной Азии в истории первобытного человека»; «Верно ли, что здесь была своего рода обширная биологическая лаборатория, где осуществлялась дифференциация наиболее прогрессивных существ, а впоследствии и наших прямых предков?» Две экспедиции поставили перед собой цель специальной, организованной и целенаправленной проверки правильности теории Осборна - Мэтью, Путешественники в просторы Центральной Азии вдохновлялись ею. О какой Австралии могла быть в этих условиях речь?

Вместе с женой Блэк присоединяется к Эндрюсу и совершает поездку в Ургу с «целью антропологическая исследований», знакомится со страной, которая, по его представлениям, была родиной человека. Поездка не разочаровывает Блэка. После возвращения он в том же 1922 году составляет новое письмо Эдвину Эмбреджу, секретарю фонда, финансирующего колледж: «Все положительные данные приводят к заключению, что ареал рассеивания человека и его предка следует искать в Центральной Азии... Пекинский объединенный медицинский колледж находится в исключительно благоприятном положении в свете перспектив изучения расовой анатомии и, таким образом, становится самым восточным форпостом в осуществлении исследований, которые могут пролить свет на происхождение человека...»

Увы, по-прежнему скептически настроен к «прожектам» Блэка директор колледжа Генри Хутон, который оценивает центральноазиатскую гипотезу как «совершенно никчемную». Остается следить за событиями, которые развертываются в Ордосе и Гоби. Что-то удастся найти Тейяру де Шардену и Эндрюсу?

На полгода исчезли в лёссах Ордоса Тейяр де Шарден и его спутник, директор Тяньцзиньского музея Эмиль Лисап. Путешествуют они по старинке, на мулах и ослах, неторопливо обследуют лёссовые каньоны, отыскивают кости вымерших животных, оббитые первобытным человеком кварцитовые гальки и надеются найти кости древнейших людей Центральной Азии. Вести, которые иногда достигают Пекина, а через него Европы, противоречивы и неопределенны.

«Манчестер гардиан», основываясь на неведомых телеграфных сообщениях, ошарашила своих читателей сенсационной новостью: французские путешественники обнаружили в песках Шароосогола шесть скелетов древних людей и минерализованный череп. У последнего оказались характерные для обезьянолюдей особенности: сильно убегающий назад лоб и огромные надглазничные валики. Автор корреспонденции сетовал, что Тейяру не удалось найти нижнюю челюсть.

Можно представить волнение антропологов, когда вести дошли до них! О громадном интересе, вызванном сообщением, свидетельствовал тот факт, что его перепечатал уважаемый английский журнал «Природа». Ведущий английский антрополог Артур Кизс, комментируя это событие, писал об «открытии величайшего значения» и о «нетерпении», с которым антропологи ожидают исчерпывающей публикации, посвященной человеку, найденному французскими коллегами.

Затем последовало досадное разочарование - оказывается, в Шароосоголе был найден всего один зуб и одно бедро (!), которые к тому же лишь с «любой степенью определенности можно отнести к палеолитическому человеку Азии»! И хотя Блэк, осмотрев находки, уверенно заявил, что «ордосский зуб - первая настоящая часть скелета ранее неизвестного палеолитического человека Азии», превзойти эффект сообщения «Манчестер гардиан» было невозможно.

Правда, французские путешественники сделали-таки по-настоящему великое открытие: нашли в Ордосе несколько стоянок древнекаменного века, погребенных под многовековыми толщами песка и желтой лёссовой глины. Глубокая древность грубых каменных орудий Шуйдунгоу, первых на территории Центральной Азии, не вызвала сомнений: они лежали вместе с костями убитых первобытными охотниками животных, вымерших более 10 - 15 тысяч лет назад: слонов, носорогов, баранов, оленей, газелей, страусов.

Осборн восторженно приветствовал открытие в Ордосе. Намекая на Хрдличку, он писал: «В тот самый момент, когда один из ведущих американских антропологов отвергает теорию центральноазиатского центра происхождения человека и развивает идеи о европейском центре, французский археолог П. Тейяр де Шарден... открыл большое количество орудий, какие делали неандертальцы в Западной Европе».

Затем последовали находки экспедиции Эндрюса. Дэвидсон Блэк вдохновлен выдающимся успехом. В журнале «Бюллетень Геологического общества Китая» публикуется большая работа «Азия и дисперсия приматов». Применяя теорию Осборна - Мэтью, Блэк задался целью доказать, что центр происхождения и рассеивания приматов, включая современных и ископаемых антропоидов, а также обезьянолюдей и человека, располагался в центральных районах Азии.

Обобщение и сведение воедино всех данных по ископаемым и современным приматам оказалось делом исключительно трудоемким. Блэк блестяще справился с поставленной задачей. Что же касается подхода к обработке материалов и итоговых выводов, то они не отличались от того, что можно было найти в статьях Осборна, Мэтью и Грабо. Центральная Азия рассматривалась Блэком как своего рода «обширная биологическая лаборатория, где осуществлялась дифференциация... наших первых предков».

Далеко не все признали открытия в Гоби и Ордосе как доказательство справедливости предположения Центральной Азии как колыбели человечества. Сомнения сразу же, в частности, высказал убежденный противник Осборна Алеш Хрдличка. В 1926 году он характеризовал эту гипотезу «как просто идею, основанную более на восторженных, чем на критических, антропологических доводах, к тому же вплоть до настоящего времени не подтвержденную ни одним примером фактического доказательства».

Как это ни удивительно, но в лагере противников центральноазиатской теории оказались те, кому принадлежала честь открытия древнейших памятников культуры

Азии: Пьер Тейяр де Шарден и Нельс Нельсон. Первый скептически оценил перспективы поисков на территории Центральной Азии остатков раннего человека и его культуры. Относительно общей проблемы происхождения человека в центре Азии Нельс Нельсон высказался неопределенно: «Пока трудно на основании имеющихся фактов выступать за или против нее». Даже геологи Берки и Моррис, безусловные сторонники Баррела и Мэтью, в итоговой работе «Геология Монголии» написали: «Надо искать доказательства, что Центральная Азия была местом, где эволюционировал человек».

Легко сказать - искать! Но где, как, а главное, на какие средства? Блэк почувствовал, что неблагоприятное стечение обстоятельств окончательно завело его в тупик. И тут случилось событие, на первый взгляд не имевшее никакого отношения к поискам «недостающего звена» но оно резко изменило судьбу Блэка. В конце 1926 года к нему обратился шведский геолог Иоганн Гуннар Андерсон, который в течение нескольких лет много путешествовал по Китаю, усердно занимаясь изучением палеонтологии, геологии и археологии. По случаю приезда в Пекин наследного принца Швеции Густава Адольфа, большого любителя и знатока восточного искусства, особенно древнего, сопровождавший принца Андерсон решил организовать большую научную конференцию. Блэка настоятельно приглашали принять в ней участие и непременно высказать свои идеи о центральноазиатской колыбели человечества.

22 октября 1926 года одна из аудиторий Пекинского объединенного медицинского колледжа заполнилась до предела. В зале присутствовал весь цвет интеллигенции. Многих привлекли слухи, что на конференции будет объявлено об открытии останков самого древнего человека Китая. После нескольких вводных докладов, среди которых наибольшее внимание привлек рассказ Тейяр де Шардена «Как и где искать древнейшего человека Восточной Азии», настал черед представить публике «гвоздь программы» - сообщение Андерсона об открытии у станции Чжоукоудянь (постоялый двор Чжоу).

- Это местечко расположено недалеко от Пекина, всего в 50 километрах на северо-запад, в районе Западных гор, Сишань. Здесь издавна добывался прекрасный мрамор белого цвета. Раньше этот камень пользовался в Китае особым почетом - каждый китаец верил в его магическую силу и святость. Несколько позже в Западных горах стали ломать известняк. Часть глыб обжигали на месте в печах для приготовления извести, наиболее подходящие блоки доставляли в Пекин и использовали при строительстве зданий. Карьеров для добывания известняка особенно много в Чжоукоудяне. Я не сказал еще об одном весьма примечательном и имеющем особую ценность «ископаемом» Западных гор - «лунгу». Это знаменитые «кости дракона». Крестьяне в провинциях превосходно знают, где можно добыть «лунгу». В некоторых местах поиски «драконовых костей» ведутся из поколения в поколение. Они давно превратились в своего рода доходный промысел, существенное подспорье в крестьянском хозяйстве. Аптекари скупают «драконовы кости» у местного населения, толкут их в порошок и готовят всевозможные лекарства. Зайдите в любую аптеку Пекина, и вы непременно увидите в ней «лунгу». Считается, что особой чудодейственной силой обладают зубы драконов. Поэтому у аптекарей больше всего хранится зубов самых различных животных. К сожалению, места скупки «лунгу» хранятся в величайшем секрете, и узнать, откуда привезены кости, удастся далеко не всегда.

Во всяком случае, мне было известно, что на склонах Западных холмов встречаются мощные пласты древних красных глин, и я не удивился, когда мой друг Мак-Грегор Хибб, вернувшись из Чжоукоудяня, сообщил, что при осмотре склонов одной из возвышенностей он нашел в красной глине большое количество мелких костей животных. Гора называлась Цзигушань, что означает «Холм куриных костей».

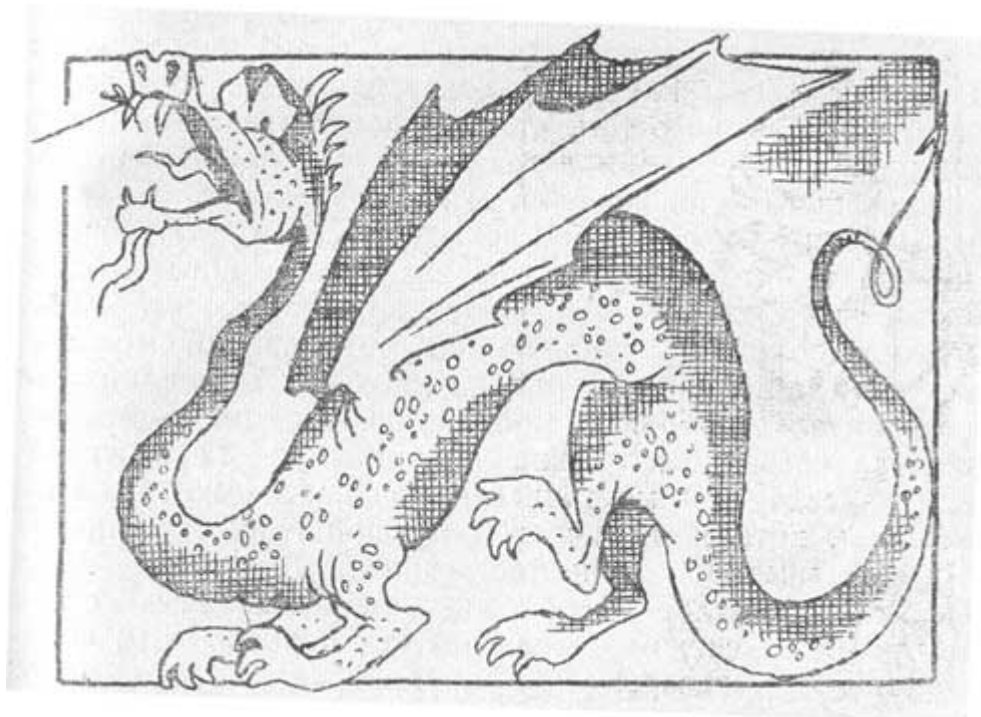
Рабочие, добывая известняк, уничтожили стенки пещеры. Однако глинистое заполнение ее так и осталось стоять в виде красного столба высотой пять с половиной метров. В этом месте у жителей существует поверье, что встречающиеся в красноцветной пещерной глине кости принадлежат курам, которых съели лисицы. Они превратились затем в злых духов. Каждый, кто пытался убить лисиц или собирал кости кур, становится

сумасшедшим. Это обычное суеверие. В случае с Цэйгушанем оно, однако, оказалось благом - красноцветный глинистый столб с костями не был уничтожен.

Признаться, когда мы с Хиббом в двадцатых числах марта того же 1918 года посетили «Холм куриных костей», я недооценил Чжоукоудянь как особо интересный район для поисков «лунгу». Результаты раскопок показали мне не особенно интересными, кости разных грызунов, птиц и мелких хищников не очень древними, и я забыл Чжоукоудянь на целых три года, увлеченный охотой за костями гиппарионов, третичных лошадей в Хэнани. Вспомнил я его лишь весной 1921 года, когда в Пекин из Австрии прибыл мой помощник Отто Зданский. Чтобы до начала больших раскопок он освоился с условиями в Китае, я направил его на пробные исследования «Холма куриных костей».

Здесь, в зале, сидит палеонтолог экспедиции доктора Эндрюса Вальтер Гренжер. Вместе с ним мы отправились однажды посмотреть на работу Зданского и заодно показать ему технику раскопок американской экспедиции. Когда мы прибыли к «Холму куриных костей» и начали собирать «лунгу», к нам подошел житель соседней деревни. Он принял нас, очевидно, за медиков или аптекарей и решил помочь. Это была редкая удача.

Крестьянин привел нас к холму, расположенному на северо-запад от Чжоукоудяня. Он назывался весьма примечательно - Лунгушань - «Гора костей дракона». На склонах его располагался огромный известняковым карьер, отвесные стенки которого поднимались на высоту 10 метров. Оказывается, карьер вскрыл на большом пространстве пласты красноватой глины, густо насыщенной «лунгу». Угроза обвалов отвесных стен карьера заставила рабочих покинуть это место и начать ломку известняка на другом участке «Горы костей дракона». На дне карьера валялись комья глины с включенными в них обломками костей. Они торчали также из стенок карьера. Вскоре мне посчастливилось - я поднял огромную и очень массивную челюсть. Помню, я рискнул заявить, что челюсть принадлежала оленю. Наверное Гренжер посмеялся тогда про себя над моей смелостью, но, как человек воспитанный, ничего не сказал: слишком уж эта челюсть отличалась от челюсти обычного оленя.

На следующее утро мы втроем вновь прогулялись от храма к Чжоукоудяню. На сей раз наши сборы превзошли все ожидания. Снова попалась странная челюсть, на сей раз с зубами, и мы убедились, что она действительно принадлежала какому-то очень древнему оленю. К обеду мы нашли зубы древнего носорога, челюсти свиньи, гиены и медведя. Гренжер показал Зданскому как следует рациональнее организовать раскопки. Для нас стало очевидным, что Лунгушань более перспективное место, чем «Холм куриных костей». Глубокая древность красной глины с сильно минерализованными костями не вызывала сомнений. Возраст останков «драконов», судя по всему, выходил за пределы миллиона лет. Они жили, вероятно, в доледниковую эпоху!

Когда я предложил Зданскому перебазировать раскопки на «Холм костей дракона», у меня, признаться не было и мысли о том, что там могут оказаться останки предков. Тайная и дерзкая мечта найти останки древнейшего человека Азии появилась позже.

В один из визитов в Чжоукоудянь я обратил внимание на то, что в двух раскопах, заложенных Зданским, есть слои, где в изобилии встречаются угловатые куски и обломки кварца с очень острыми краями. Слои располагались в самом низу над желтым песчаником и не отличались большой мощностью. Нижний - светло-желтая песчанистая глина толщиной 15-17 сантиметров - содержал многочисленные кости животных, в верхнем, в темно-коричневой жирной глине толщиной 4-6 сантиметров, тоже встречались кости. У меня мелькнула мысль, что обломки кварца из этих слоев могли бы

с успехом использоваться первобытным человеком в качестве режущих орудий! Это было нечто вроде золитов, сделанных самой природой инструментов, вроде тех, которые использовал гипотетический проточеловек Грабо.

В известняковых трещинах холма Лунгушань встречаются жилы кварца, который, самопроизвольно раскалываясь, мог попасть в слои. Конечно, это могли быть обломки камней, расколотых самим проточеловеком, но я из осторожности предпочел наименее сенсационное объяснение находкам кварцевых осколков. Такими камнями можно было с успехом резать мясо.

Вот тогда-то, чтобы вдохновить Зданского, я ударил в стенку красноцветных толщ и сказал ему полушутя-полусерьезно: «Я чувствую, что здесь лежат останки одного из наших предков. Не жалейте времени, копайте, пока не опустошите эту пещеру!» Мне казалось, что здесь, на холме Лунгушань, как и в Цзигушане, в древности находилась пещера, стенки которой разрушил при ломке известняка. Разноцветные глинистые и песчаные слои с «лунгу» представляли собой заполнение пещеры. В ней мог жить обезьяночеловек.

Зданский копал в Чжоукоудяне дважды - до конца лета 1921 года, а затем в 1923 году. Вести раскопки без укрепления нависающих пещерных толщ стало невозможно, и их в конце концов пришлось прервать. Я оказался плохим пророком. Судя по беглому осмотру находок на месте, ни одной косточки человека найти не удалось. Зданский лично извлек из слоя лишь коренной зуб, который «потеряла» какая-то антропоидная обезьяна.

Господа, я рад сообщить вам, что на днях получил из университета шведского города Упсала письмо от палеонтолога Карла Вимана, который вместе со Зданским занимался последние несколько лет изучением костей животных из Чжоукоудяня. Виман сообщил мне, что при разборе коллекции Зданскому удалось найти определенно человеческий предкоренной зуб. Мало того, тщательное изучение зуба, который, как считали, принадлежал антропоиду, показало, что и он человеческий! Таинственного незнакомца, хозяина зубов, Зданский назвал Homo Sp. (Человек), он не решался определить вид. Виман предлагает нам «окрестить» его самим...

Андерсон попросил включить «волшебный фонарь» и показал фотографии третьего верхнего коренного зуба и второго нижнего предкоренного. Зубы производили странное впечатление смешением антропоидных и человеческих особенностей. Последние преобладали, к тому же предкоренной явно показывал, что клык у джентльмена из Чжоукоудяня не выступал за пределы зубного ряда, а был сильно уменьшен, как у человека. В подробностях описав детали строения зубов, Андерсон присоединился к выводу Зданского и Вимана: в Чжоукоудяне найдены останки древнейшего в Восточной Азии человека. Если это действительно так, Геологической службе Китая и Пекинскому объединенному медицинскому колледжу необходимо развернуть широкие раскопки в Чжоукоудяне.

Дэвидсон Блэк помнил, какой энтузиазм вызвала доклад Андерсона. Кажется, что особенного - всего два зуба, однако выступавшие после Андерсона о них говорили больше, чем о чем-либо другом, и, как всегда часто упоминалось волнующее и таинственное слово - «недостающее звено». Действительно, человек из Чжоукоудяня жил приблизительно в ту же эпоху, что и обезьяночеловек с Явы. Особенно горячую речь произнес Грабо. Он поддержал вывод Андерсона об открытии в горах Сишань костных останков необыкновенно древнего человека и предложил дать ему имя - Peking man - пекинский человек. Раздались, однако, и голоса, предостерегающие от слишком поспешных и оптимистических выводов. Тейяр де Шарден, один из первооткрывателей центральноазиатского палеолита, сказал после осмотра фотографий:

- Я не совсем убедился в их предполагаемых человеческих особенностях. Даже предкоренной, который на первый взгляд наиболее выразителен, может оказаться одним из последних коренных какого-то хищника. То же относится к другому зубу... Даже если,

как я надеюсь, никогда не будет доказано, что они принадлежали хищнику, опасаясь, что никогда не будет абсолютно доказано, что они человеческие. Необходимо быть очень осторожным, поскольку их природа неопределенна.

Блэк не испытывал ни малейших колебаний. Зубы, найденные в Чжоукоудяне, вне сомнений, принадлежали какой-то чрезвычайно архаической человеческой форме. Надо убедить руководство Геологической службы и Пекинского объединенного медицинского колледжа в перспективности возобновления раскопок в Чжоукоудяне. Андерсон - непревзойденный в интуиции разведчик. Он прав - в древней пещере «Горы костей дракона» лежат останки далекого предка!

- Открытие в Чжоукоудяне - удивительный образец романтического научного исследования. Доктор Андерсон начал свое захватывающе интересное выступление с предыстории, - заговорил, волнуясь, Блэк. - Я хочу напомнить о факте почти забытом, но имеющем прямое отношение к вопросу. Речь тоже пойдет о зубе, который нашли четверть века назад. Я имею в виду коллекцию «костей дракона» доктора медицины и антрополога Хаберера. Он собрал ее в аптеках столицы в конце прошлого - начале нашего века. Как известно, «лунгу», главным образом зубы, были посланы в Германию профессору Мюнхенского университета Максу Шлессеру, и он описал их детально в 1903 году. Один зуб, левый третий коренной, задал ему головоломную задачу: особенности, характерные для коренных антропоидной обезьяны и человека, переплетались в нем настолько причудливо, что Шлессер не смог установить точно, кому же он принадлежал. В определении его так и сказано: «Homo? Anthropoid?»

Я понимаю, почему колебался Шлессер - между корнями зуба сохранились частицы красной глины, а в ней обычно находят останки животных, живших около миллиона лет назад. Какой человек мог обитать в Китае в столь далекие времена?! И все же зуб выглядел человеческим, и Шлессер отдавал себе отчет в этом - недаром Homo поставлено прежде Anthropoid. Во всяком случае, Шлессер считал существо, которому принадлежал зуб, «более близким человеку, чем любой антропоид». Обращая внимание будущих исследователей Восточной Азии на находку Хаберера, Шлессер завидовал тем, «кому посчастливится вести раскопки», поскольку «именно здесь может быть найден или первый ископаемый антропоид, или третичный человек, или даже древнейший плейстоценовый человек»!

Мы не знаем, кто, когда, откуда принес в аптеку Пекина зуб, который позже описал Шлессер. Насколько мне известно, зуб этот бесследно исчез из мюнхенской коллекции, и наглядное сравнение теперь произвести невозможно. Но я не удивился, если бы удалось выяснить, что он из Чжоукоудяня. Ведь по общему характеру он близок зубам, выявленным Зданским. Вместе с тем бесспорна несравнимая ценность последних: они извлечены из определенного слоя, который точно датируется остатками вымерших животных. Впервые на Азиатском континенте к северу от Гималаев открыты останки древнейшего человека, возраст которого подтверждается полными и точными геологическими данными. Геологи и палеонтологи согласились, что красно-цветным слоям Чжоукоудянской пещеры более миллиона лет, то есть они третичные по времени. Такая датировка имеет фундаментальное значение.

Третичный человек на границе с Центральной Азией! Открытие в Чжоукоудяне дает еще одно звено уже прочной цепи свидетельств, подтверждающих гипотезу об особой роли Центральной Азии в эволюции людей. На запад до Германии, где найдена челюсть гейдельбергского человека, на юг до Явы, где Дюбуа открыл питекантропа, и на восток до Пекина мигрировали с территории Центральной Азии и Тибета древнейшие прелюди. Многие в этой сложной проблеме прояснятся, если будет принято предложение развернуть в Чжоукоудяне новые раскопки.

После окончания конференции Дэвидсон Блэк развернул кипучую деятельность. Блэк наносил визиты, беседовал, убеждал, спорил, доказывал, радовался, сердился, терял надежду и вновь обретал ее. В газетах и журналах появились статьи, раскрывающие исключительное значение находок на «Холме костей дракона». Английский журнал

«Природа» напечатал статью Блэка с сенсационным названием: «Третичный человек в Азии - Чжоукоудянь».

Однако барьер недоверия и скептицизма преодолевался с большим трудом и скрипом. Дело, наконец, в значительной мере осложнилось тем, что Отто Зданский, продолжая печальную традицию разочарования исследователей в центральноазиатской гипотезе после открытий, как будто подтверждающих ее (Нельсон, Тейяр де Шарден), прислал в «Бюллетень Геологического общества Китая» статью, в которой возражал против «абсолютно рискованных спекулятивных затей и любых далеко идущих заключений, связанных с крайне скудным материалом», обнаруженным при раскопках. Вывод статьи оказался еще более странным: «Моя цель здесь заключается только в том, чтобы сделать ясным, что мое открытие зубов следует считать как определенно интересное, но не эпохальное по значению». О каких головокружительных идеях и сладких мечтах может идти речь, если даже то небольшое, что удалось обнаружить, - зубы не могут быть определены точнее, чем принадлежащие «просто Homo Sp.»?

Блэк был поражен удивительной слепотой исследователя, которому выпало редкостное счастье сделать по-настоящему великое открытие, а он все усилия направил на то, чтобы принизить его значение. Разве находка зубов, пусть даже загадочного Homo Sp., в слоях, возраст которых выходит за пределы миллиона лет, не «эпохальное по значению» открытие? Мало напасть на след открытия. Не менее важно по достоинству оценить его и увидеть перспективы. В противном случае деятельность ученого лишается смысла.

В самое неподходящее время задумал Зданский вступить в дискуссию с инициаторами новых раскопок в Чжоукоудяне - Блэком, Грабо, Андерсоном. Его статья прибыла в Пекин в разгар кампании за развертывание исследований на склонах Лунгушаня. Пришлось печатание статьи Зданского «прискорбно задержать из-за трудностей, которых полностью не удалось избежать». Так несколько туманно и загадочно написал редактор журнала в примечании к публикации, увидевшей свет в 1927 году. Но к этому времени работы уже начались и дали первые результаты.

Блэк одержал победу: Генри Хутон и Эдвин Эмбрель согласились финансировать исследование Чжоукоудяня в течение двух лет. Раскопки планировались почетным директором Геологической службы Дин Вэньцзяем при консультации с Блэком. Исследование должен был вести палеонтолог Биргер Болин, ученик Вимава, приглашенный из Упсалы. Все материалы объявлялись собственностью Геологической службы. За пределы Китая находки вывозить запрещалось. Костные останки человека, если они будут обнаружены, следовало передавать для обработки и изучения на анатомический факультет колледжа. Блэку вменялось в обязанность описать их и изучать.

В конце марта из Пекина в Чжоукоудянь отправилась первая группа работников, которая занялась топографической съемкой района. А 16 апреля Биргер Болин отдал распоряжение начать раскопки.

Исследования проходили в чрезвычайно сложных условиях: в Китае полыхала гражданская война; в Чжоукоудяне слышался гром пушек северных милитаристов генералов Чжан Цзо-лина и Ян Си-шаня; к европейцам в столице отношение было настороженное я даже враждебное. Непрерывно раздавались призывы выдворить их из Китая. Ходили зловещие слухи об исчезновении в районе западных холмов офицера-европейца, который отправился туда на прогулку. Не вернулся в Пекин корреспондент лондонской «Таймс»...

Чжоукоудянь постоянно навещали разрозненные группы китайских солдат, и от них, как хозяев положения и лукавых слуг провинциальных генералов-милитаристов, можно было ожидать чего угодно. Болин никогда да не был уверен, что доживет до следующего дня. Тем не менее он самоотверженно приступил к раскопкам, зазвенели первые удары лопат и кирок, вонзились в землю тонкие шпатели. Начался долгий путь тяжелых

раскопок «Холма костей дракона». Блэк каждый день с замиранием сердца ждал известий из Чжоукоудяня, связь с которым прерывалась порой на целые недели.

Но дни проходили за днями, а успех не приходил. Помимо глинистых и песчаных горизонтов, раскопки которых проходили сравнительно легко, землекопы непрерывно наталкивались на плотноцементированные щебенчатые пласты, каменные слои, которые принимались вначале за дно пещеры, завалы блоков и глыб известняка. Добраться до ниже расположенных слоев с помощью обычных лопат, кирок и кувалд не было никакой возможности.

Болин вынужден был пойти на беспрецедентный в раскопках шаг - применить взрывчатку! В стенах пещеры и в каменных слоях сверлили отверстия, в них закладывались взрывные патроны, а чтобы глыбы цементированного горизонта не разлетались в разные стороны, поверхность раскопа перед взрывом покрывали соломенными матами. Их прижимали к слою крупными каменными глыбами. После взрыва обломки спускали вниз по склону, где их дробили на мелкие, до размеров грецкого ореха, камни. Лишь удостоверившись, что костей здесь нет, можно было переходить к очередному блоку. Рыхлые грунты после раскопок тщательно просеивали через мелкочаеистые сита. Ни одна самая мелкая косточка «недостающего звена» не должна была ускользнуть от исследователей.

Несколько раз в день Болин внимательно просматривал только что извлеченные из слоя тяжелые от минерализации кости, окрашенные в черные и красноватые тона. Большинство из них были почему-то раздробленными на мелкие части, и поэтому не всегда удавалось определить, какому животному они принадлежали. Останки человека отсутствовали. Три тысячи кубометров заполнения пещеры просмотрели рабочие за 24 недели раскопок; найденные кости едва удалось разместить в пятистах больших ящиках.

Наступила середина октября. Холода заставили Болина подумать о прекращении раскопок. И нужно же случиться такому: 16 октября, за два дня до установленного срока свертывания работ, удалось найти то, чего тщетно ждали полгода: один из землекопов обратил внимание на торчавшую из окаменевшего блока коронку зуба. Он оказался удивительно сходным с двумя зубами из Чжоукоудяня, которые Болин осматривал в лаборатории Вимана в Упсале. Ликованию не было границ. Не дожидаясь поезда, Болин нанял двухколесную тележку и, несмотря на смертельный риск путешествия по району, где шли бои, бродили банды грабителей и деморализованных солдат, помчался в Пекин.

Не однажды останавливали солдаты тележку, на которой ехал европеец, но каждый раз отпускали с миром. Они и не подозревали, какое бесценное сокровище Азии лежало в кармане Болина. Впрочем, если бы даже при обыске зуб был найден, вряд ли кого заинтересовала одна-единственная «кость дракона». В 6 часов вечера 19 октября Болин, запыленный, грязный, усталый, но радостный, подъехал к дому Блэка и вручил ему главную из находок 1927 года - хорошо сохранившийся левый нижний коренной зуб. Желание услышать заключение антрополога было настолько велико, что он даже не заехал домой.

Почти до самого утра просидели в ту ночь в лаборатории Блэк и Болин. Они обсуждали результаты раскопок и сосредоточенно рассматривали главную находку сезона. Зуб, несомненно, принадлежал человеку, а не антропоидной обезьяне. Блэк сравнивал его с зубом китайского ребенка 8 лет. Сопоставление с рисунками найденных ранее зубов позволило сделать вывод, что все они, возможно, происходят от одной челюсти. Тем более что обнаружили новый зуб в непосредственной близости от участка находок Зданского.

Жевательную поверхность покрывали многочисленные мелкие складки, почти как на коренных зубах антропоидных обезьян. В то же время, несмотря на бросающиеся в глаза слишком большие размеры коронки и корня, зуб выглядел как человеческий. Блэк также обратил внимание на то, что жевательная поверхность зуба изношена так, как изнашиваются зубы человека, но не обезьяны. Значит, челюсть человекообразного существа из Чжоукоудяня соединялась с черепом так же, как у современного человека. Вот сколько мог рассказать обыкновенный зуб опытному глазу антрополога!

В последующие несколько недель Блэк со всей тщательностью, которой требуют обычно уникальность и бесценность предмета, изучал зуб. Пожалуй, никогда еще с таким вниманием и усердием не рассматривалась ни одна из находок, связанных с предком человека: просматривалась каждая складка и бугорок, отмечалась мельчайшая деталь рельефа, по многу раз вымерялись размеры, а главное - сравнения с каждым опубликованным ранее коренным зубом древнейших людей, в том числе питекантропа и неандертальцев, с коренными антропоидных обезьян, современных и ископаемых, а также современного человека.

В результате Блэк пришел к заключению, что зуб, обнаруженный Болином, при всем своем человеческом облике обладает настолько специфическими и своеобразными особенностями, что можно сделать вывод о принадлежности его человеку особого вида, ранее неизвестного антропологам. Никогда еще ни один из специалистов по первобытному человеку не рисковал определить род и вид существа на основании одного-единственного зуба! Но Блэк был бесконечно убежден в правоте и рискнул преступить традиции, чем вызвал лавину обвинений в легкомыслии. Даже Эллиот Смит, учитель Блэка, узнав о выводах ученика, удивился и назвал их «дерзкими и даже безрассудными».

5 декабря 1927 года собралось специальное заседание Геологического общества Китая. После того как геологи и палеонтологи высказали свои соображения о глубокой древности слоев с костями животных и зубов «человека или предчеловека», выступил Блэк:

- Я хочу прежде всего подчеркнуть особо важный факт: зуб найден в слое в присутствии Болина, что исключает какие-либо сомнения в необыкновенно раннем возрасте находки. Согласно геологическим и палеонтологическим данным, возраст находки приближается к рубежу миллиона лет. Сравнение зуба из Чжоукоудяня с зубами человека, неандертальца, шимпанзе и питекантропа привело меня к выводу о его уникальности, а следовательно, принадлежности человеку особого рода. Я беру на себя смелость объявить публично об открытии в предгорьях Западных холмов нового рода древнего человека. По совету профессора Грабо я назвал его *Sinanthropus pekinensis* (*Синантроп пекинский, то есть китайский человек из Пекина*). По-видимому, родина древнейших людей этого типа располагалась в центре Азии. Примечательна закономерность находок костных останков предков: относительно 45-й параллели они сдвинуты на 5 градусов к северу (гейдельбергская челюсть (*Около Гейдельберга найдена челюсть ашельского, по-видимому, человека*) и эоантроп (*Третичный человек Англии, как выяснилось, - фальшивка*) или на 5 градусов к югу (синантроп). Такое распространение самых ранних людей можно объяснить, только предположив, что центр дисперсии лежит в ареале промежуточном, то есть внутри континентального массива Азии. Именно здесь мы можем ожидать открытия ископаемых останков третичного человека.

В нашем распоряжении находится пока лишь один зуб, и все же я беру на себя смелость утверждать, что синантроп был более прогрессивным по сравнению с питекантропом Дюбуа, хотя они обитали в Азии приблизительно в одно и то же время. Согласно принципам центральноазиатской гипотезы, питекантроп - первая волна эмигрантов откуда-то из Гоби, Синьцзяна или Тибета. В процессе переселения на юг к Яве им пришлось преодолевать настолько серьезные географические препятствия, что, когда они наконец достигли юга азиатского материка, в Центральной Азии и прилегающих к ней районах появились значительно более прогрессивные, с большим по объему мозгом виды людей. Это были синантропы!..

Блэк продолжал смотреть на события древнейшей истории человека в Азии через призму идей сторонников центральноазиатской гипотезы. Он искренне верил, что нашел первые факты, подтверждающие ее.

В конце 1927 года вышла из печати книга Блэка, посвященная зубу из Чжоукоудяня. Чтобы привлечь как можно более широкое внимание к открытию в Китае, он отправился в Европу и Америку, где намеревался встретиться с видными антропологами и показать им находку. Зуб синантропа помещен в специальный остроумно сконструированный футляр, который прикреплен к золотой цепочке, изготовленной по специальному заказу одним из пекинских ювелиров. Пожалуй, ни один из драгоценных камней не хранился с большей осторожностью, чем этот невзрачный кусочек кости.

В тесном кармане жилета зуб путешествует с Блэйком из страны в страну. Гостей всюду встречают любезно, но не более. Что можно сказать на основании одного-единственного маленького коричневого зуба, пусть даже определенно человеческого и датированного миллионом лет? Антропологов шокировало то, что Блэк осмелился упражняться в таком великом деле, как классификация древнего человека, имея на руках лишь один зуб. Ему снисходительно рекомендовали продолжить раскопки и попытаться найти нечто более определенное.

Результаты раскопок 1928 года, которые возглавил Болин, превзошли самые оптимистические надежды Блэка. Благодаря энергии помощников Болина, молодого аспиранта Грабо Пэй Вэнь-чжуна и палеонтолога Ян Чжун-цзяня, который прошел подготовку в Мюнхенском университете у профессора Макса Шлессера, работа продвигалась особенно успешно. Сначала из Чжоукоудяня пришло известие об открытии сразу более двух десятков зубов синантропов различного возраста. Затем пещера «подарила» Пэй Вэнь-чжуну уже не зубы, а новые костные остатки - два обломка челюсти молодого и взрослого синантропов. К неопишуемой радости Блэка у челюстей сохранились очень важные для диагностики части - подбородок и восходящая ветвь.

И наконец, в антропологическую лабораторию колледжа доставили большую глыбу травертина, в котором было включено то, о чем Блэк втайне мечтал как о чем-то почти фантастически несбыточном и едва ли достижимом: на темно-сером фоне неровной поверхности камня отчетливо выделялись два небольших светло-коричневых обломка черепных крышек синантропа, ребенка и взрослого. Первые фрагменты третичного человека Восточной Азии! Вот она, достойная награда упорству, торжествующий гимн интуиции, непоколебимой вере идеям.

А из Чжоукоудяня нескончаемым потоком продолжали поступать десятки ящиков с коллекциями, которые составляли главным образом кости древних животных, блоки травертина, густо насыщенные костями, образцы слоев заполнения пещеры. В Пекин

доставили 575 ящиков коллекций. Поражала грандиозность пещеры, границы которой определились в результате двухлетних раскопок: почти на 50 метров протянулась она в ширину, а высота от предполагаемого уровня пола до распавшейся на блоки крыши составляла не менее 25 метров! Это была колоссальная, поистине уникальная по размерам камера, изучение которой «грозило» затянуться на десятилетия. При мысли, какие сокровища могли скрываться в глубине ее, Блэк охватывало непреодолимое желание, забросив лабораторию, самому ринуться в Чжоукоудянь и взяться за кирку, чтобы ускорить события.

Но, как говорится, каждому свое: в лаборатории на столе лежали маленькие кусочки кости, зубы синантропа, вдавленные в блоки травертина фрагменты челюстей, а на специальной подставке - глыба камня, цепко державшая обломки черепов. Никто, кроме Блэка, не мог выполнить за предельно короткий срок такую тонкую и скрупулезную часть исследования, требующую специальных знаний, навыков, терпения и усидчивости. Высвободив кости синантропа из каменного плена, ему предстояло ознакомить ученый мир со своим любимым детищем.

Нижние челюсти синантропов, как и ожидал Блэк, оказались чрезвычайно архаическими: они отличались большими размерами и значительной, как у обезьян, массивностью, отсутствовал подбородочный выступ. В челюсти синантропа причудливо совмещались особенности челюстей антропоидных обезьян и человека - черта, впервые подмеченная при анализе деталей строения зубов. Значит, в Чжоукоудяне найдены останки обезьяночеловека?

Блэк, однако, не сделал такого вывода. Размеры челюстей, а главное, осмотр включенных в каменный блок обломков височных костей черепа говорят о большом объеме мозга у синантропа, не отличающемся, по существу, от объема мозга современного человека. Конечно, такое заключение предварительно. Височные кости не освобождены от травертина, и поэтому нельзя изучить их достаточно подробно. К тому же обломков черепа всего два и они отличаются небольшими размерами.

После находок челюстей, обломков черепа и большого числа зубов стало ясно, что пещера Чжоукоудянь представляет собой место, где миллион лет назад останавливался первобытный человек. Не водный поток или какая-то случайность занесли внутрь неё изолированные зубы синантропа, как предполагали некоторые, объясняя изолированные находки Зданскоги и Болина. Кости древнейших людей остались лежать там, где, очевидно, располагалось их стойбище и где они спасались от непогоды.

Новые находки Болина и Пэй Вэнь-чжуна подоспели как нельзя кстати, поскольку заканчивался договорный срок финансирования раскопок пещеры. Дин Вэнь-цзянь, Хутон и Эмбрель приняли решение продлить договор. Это позволило создать специальную лабораторию для исследований в области антропологии, археологии древнекаменного века, геологии и палеонтологии. Руководителем лаборатории, главная задача которой заключалась в организации раскопок в Чжоукоудяне, назначался Блэк. Полевые работы возглавил Пэй Вэнь-чжун. В качестве научного консультанта в состав лаборатории вошел Тейяр де Шарден. Вместе с Ян Чжун-цзянем он должен был заняться обработкой и определением костей животных, которые извлекались из пещерных толщ Чжоукоудяня. Даже суровый скептический Хутон подобрел - он разрешил Блэку использовать, необходимые в его работе инструменты и материалы колледжа, а также вести исследования в антропологической лаборатории.

Блэк возлагал на работы 1929 года особые надежды, поэтому они были, как никогда, длительны и велики по масштабам. Почти семь месяцев Пэй Вэнь-чжун копал пещеру. Он прервал работу лишь ни август и сентябрь, когда начались проливные дожди. В хранилища вновь организованной лаборатории поступали сотни ящиков с коллекциями. Чтобы представить необыкновенный размах исследований, достаточно сказать, что за 26 недель из пещеры удалось извлечь около трех тысяч кубометров разного рода отложений, а вес костей животных, переправленных в Пекин, составлял четыре тысячи

килограммов! От предполагаемого уровня крыши пещеры рабочие под руководством Пэй Вэнь-чжун углубились почти на 23 метра, но так и не смогли достигнуть пола.

Пэй Вэнь-чжун вел работы в чрезвычайно тяжелых условиях. Почти целый месяц отняла операция по удалению каменистого пласта, по ошибке принятого в предшествующем году за пол пещеры. Затем начался двухметровый слой отложений, почти полностью лишенных костей животных. Наконец, в середине июля, когда начались раскопки более древнего горизонта, в изобилии стали попадаться кости различных животных, в том числе черепа. Поскольку особенно часто встречались останки плотоядных и их жертв, Пэй Вэнь-чжун назвал этот горизонт «слоем хищных». На одном из участков при раскопках удалось выявить несколько зубов синантропа, в том числе клык.

Когда наступили осенние холода и Пэй Вэнь-чжун сообщил, что почти достиг придонной части пещеры (ее ширина стала значительно меньше, а ископаемые кости встречались все реже и реже), Блэк почти смирился с мыслью, что и в этом году его мечты не осуществляются. С тем большим рвением принялся он освобождать от травертина кусочки включенных в блок костей черепа синантропа.

Когда вечером 2 декабря в лабораторию зашла секретарь Ольга Гимпель, Блэк обрабатывал одни из обломков височной кости. Своевременная публикация сведений о фрагментах черепа синантропа могла поддержать интерес к Чжоукоудяню.

Блэк знал, что Пэй Вэнь-чжун со дня на день должен оставить пещеру и вернуться в Пекин. Он несколько задержался, потому что в самые последние дни, когда, казалось, дно пещеры достигнуто, рабочие неожиданно наткнулись на две узкие камеры, которые уходили в глубь известнякового основания «Холма костей дракона». Одна из камер оказалась труднодоступной и малоинтересной. Кроме нескольких позвонков гиены, в ней ничего обнаружить не удалось. Зато вторая сразу же заинтересовала Пэй Вэнь-чжуна: в темноцветном песчаном заполнении, закупоривающем вход в камеру, стали попадаться фрагменты костей крупных животных, а также останки мелких грызунов.

Разворачивая записку Пэй Вэнь-чжуна, Блэк ожидал найти в ней сообщение о благополучном окончании полевого сезона и сроке, когда Пэя следует ожидать в Пекине. То, что он прочитал в письме, заставило забыть обо всем на свете: Пэй Вэнь-чжун нашел череп синантропа, включенный в глыбу травертина!

Это казалось невероятным: буквально в последний день раскопок - череп. Развязка, достойная талантливой драмы, «сочинять» которые мастерица чародейка жизнь!

Блэк, не веря своим глазам, несколько раз перечитал записку Пэй Вэнь-чжуна. В укромной камере нижней пещеры недалеко от черепа носорога и бивня слона, передних конечностей оленя и ступни буйвола найден человеческий череп! Только ему могла принадлежать черепная крышка такой большой величины и характерной конфигурации.

Отпустив мисс Гимпель, Блэк долго сидел в лаборатории, вспоминая обстоятельства, связанные с предысторией и историей изучения Чжоукоудяня. Если там действительно открыт череп синантропа, то его усилия увенчались достойно и славно. Корпеть над обломком височной кости почему-то не хотелось, и Блэк решил, что имеет право отнестись к себе в этот вечер несколько снисходительнее. Он навел порядок в лаборатории и отправился гулять по тихим и безлюдным улицам Пекина. Невозможно заснуть в такую ночь, если даже предшествующие были бессонными. Мысленно он был там, в 50 километрах от Пекина, около известняковой возвышенности с волнующим воображение названием «Холм костей дракона»...

Между тем в Чжоукоудяне Пэй Вэнь-чжун тщательно готовил к отправке в Пекин два травертиновых блока с включенными в них частями черепа синантропа. Он знал, какое нетерпение охватило его друзей и коллег в Пекине после получения записок и телеграмм. Поэтому Пэй Вэнь-чжун решил, не дожидаясь утра следующего дня, подготовить к перевозке каменные глыбы с бесценным содержимым - хрупкими костями черепа.

Все случилось так стремительно, что Пэй долго не мог прийти в себя от радости, которую он испытал, когда увидел в травертине нечто напоминающее черепную крышку человека. Счастливый случай, которого в общем-то могло и не быть. Первую половину дня 2 декабря Пэй Вэнь-чжун занимался в доме, арендованном экспедицией, расчетами с землекопами. Затем отправился на «Холм костей дракона», чтобы в последний раз замерить площадь участка пещеры, вскрытого в 1929 году, и определить объем извлеченной породы. Замеры производились металлической линейкой, конец которой Пэй Вэнь-чжун использовал для зачистки стенок. Свежий срез позволял отчетливее и яснее видеть характер пещерных слоев. До обеда пришлось лазить по крутым склонам главного района раскопок, а в 4 часа пополудни Пэй подошел к «нижней пещере».

Солнце уже склонилось к западу. Из раскопа молотков рабочих доносились редкие глухие удары молотков рабочих о глыбы травертина, выломанные из слоя. Пэй обвязался веревками и с помощью землекопов спустился по узкому колодцу трещины на дно камеры, которая протянулась на северо-запад. Внизу трещина в известняке изменяла направление и располагалась почти горизонтально. Досадуя на темноту, Пэй Вэнь-чжун стал замерять стенки разрезов. Его внимание почему-то привлек слой песка. При попытке зачистить песчаную прослойку линейка неожиданно скользнула по округлой гладкой поверхности. Дальнейшая беглая расчистка показала, что в слое песка находится крупная кость, включенная в блок травертина.

Пэй Вэнь-чжун срывающимся голосом крикнул, чтобы к нему спустились помощники да захватили с собой молотки и зубила. Округлая и гладкая, словно намеренно заполированная, кость, несомненно, была частью черепного свода, причем, судя по размерам... человека! Если череп действительно человеческий, то он мог принадлежать синантропу, и никому более! Ведь вход в камеру был «запечатан» миллион лет назад, и с тех пор никто не проникал под эти низкие своды.

Через несколько минут началась осторожная расчистка участка. С помощью молотка и зубила травертино-вый блок с округлой костью был вырублен и выдвинут наружу... Волна радости захлестнула Пэй Вэнь-чжуна - череп человеческий! Правая его сторона и часть свода залегали в мягких песчаных отложениях пещеры и теперь просматривались достаточно отчетливо. Основание черепа скрывал твердый травертин, но уже сейчас Пэй мог сказать, что ему посчастливилось открыть едва ли не самый полный и лучший по сохранности череп древнего человека, который когда-либо находился в распоряжении антропологов. Пока он осматривал череп синантропа, рабочие извлекли из песчанистого горизонта еще один блок, отломившийся от первого. В травертине просматривались фрагменты костей - они составляли части того же черепа.

Со всевозможными предосторожностями блоки подняли из камеры нижней пещеры и сразу же доставили в здание полевой лаборатории экспедиции. Препоручив все дела помощникам, Пэй Вэнь-чжун приступил к предварительной обработке блоков. Всякие сомнения окончательно оставили его. Ни одна из антропоидных обезьян не могла иметь такой огромный череп с выпуклым сводом. При свете множества подсвечников, доставленных по столь необычному случаю из деревенской лавки, Пэй Вэнь-чжун тщательно осмотрел находку и окончательно освободил ее от крупинки песка. Праздничная иллюминация оказалась достаточно яркой, чтобы произвести несколько фотографических снимков «главного приза Чжоукоудяня». Опасаясь трагических случайностей, которые могли произойти при перевозке черепа в Пекин через районы, где продолжались военные действия, Пэй Вэнь-чжун решил иметь в запасе бесстрастный документ, подтверждающий уникальность находки.

Закончив фотографирование, Пэй Вэнь-чжун принялся за упаковку блоков. Он запеленал их в китайскую хлопковую бумагу, а затем покрыл сверху несколькими слоями грубой ткани, предварительно пропитанной густым раствором муки. Теперь оставалось ждать, когда просохнет «предохранительный чехол», который должен был обезопасить череп от повреждений при перевозке. Утром 3 декабря Пэй Вэнь-чжун отправил в Пекин телеграммы и записки, в которых сообщал о долгожданном открытии.

Несмотря на желание как можно скорее выехать в столицу, отъезд откладывался со дня на день. Стояла настолько холодная погода, что даже в теплой комнате полевой лаборатории блоки травертина просыхали крайне медленно. Пэй Вэнь-чжун не мог рисковать. Пришлось прибегнуть к дополнительным средствам: травертиновые блоки с помощью специальных крючков закрепила над тремя жаровнями.

На седьмой день можно было выезжать. Чтобы не привлекать подозрений солдат, которые могли, остановить его тележку и устроить обыск, Пэй Вэнь-чжун оделся в длиннополый халат, который обычно носили пекинские студенты. Студент, возвращающийся с каникул, вряд ли вызовет подозрения, и его пропустят в Пекин без дополнительного осмотра багажа.

Завернутое в куски ткани «сокровище» Пэй Вэнь-чжун запрятал под полами халата между ног. Он надеялся, что ему не придется подниматься с сиденья тележки и укутанные в холст блоки травертина останутся незамеченными. Будет ужасно, если солдаты начнут вскрывать ткань и добираться до содержимого. При одной мысли об этом Пэй Вэнь-чжун охватывал ужас.

Однако все обошлось как нельзя лучше. Заставы враждующих сторон беспрепятственно пропустили торопившегося на занятия «студента колледжа». В полдень тележка Пэя остановилась перед зданием Пекинского объединенного медицинского колледжа. Кажется, не было в те мгновения в мире человека более счастливого, чем Блэк. Самые сокровенные мечты осуществились, ожесточенное сражение за предка выиграно!

Пэй Вэнь-чжун помог удалить ссохшиеся лепты холста и пласты хлопковой бумаги. Блэк взглянул на желтовато-коричневый свод черепа, «утонувший» в травертине, черепа человека, который по одному-единственному зубу был рискованно определен им в 1927 году как синантроп пекинский! Кость древняя, минерализованная, очевидно, тяжелая, как все кости вымерших животных из Чжоукоудяня.

Когда первые волнения улеглись и Блэк спокойнее осмотрел находку, то с удивлением отметил, что череп синантропа выглядит далеко не так, как представлялось ему раньше. Верхушка черепной крышки казалась слишком уплощенной и зауженной. Очевидно, что самая широкая часть, скрытая травертином, располагалась где-то внизу. Но самое неожиданное заключалось в том, что лобная кость оказалась не вертикальной, как у современного человека, а пологой, убегающей назад к верхней части черепа. Конечно, до освобождения черепа от травертина рано делать какие-либо заключения и высказывать окончательные суждения, но обезьянообразность крышки слишком бросалась в глаза, чтобы не обратить на это внимания.

Первое, что сразу вспомнилось Блэку, была черепная крышка питекантропа с Явы! Такая аналогия синантропа с обезьяночеловеком Голландской Индии поразила Блэка не менее, чем само открытие Пэй Вэнь-чжуном черепа в Чжоукоудяне. Неужели здесь, неподалеку от границ Центральной Азии, родины человечества, обитали такие же, как на юге Азиатского материка, обезьянолюди? И как же в таком случае быть с одним из главных принципов центральноазиатской гипотезы, согласно которой в эпоху питекантропа в центральной полосе континента бродили орды значительно более прогрессивных людей?

Какой острый парадокс и неожиданный по сокрушительной силе сюжетный ход драмы поиска предков человека: теория, вызвавшая к жизни открытие, ставится под сомнение результатами открытия!

Вечером 10 декабря Блэк по обыкновению зашел в ресторан, где ему, кстати, предстояло участвовать в прощальном обеде в честь отъезжающего из Китая члена британского посольства. Увидев входящего в зал Эндрюса, Блэк пригласил его к своему столу, а когда тот подошел, тихо сказал:

- Рой, мы нашли череп: Пэй Вэнь-чжун извлек его из пещеры второго декабря.

Эндрюс не стал тратить времени на разговоры. Он решительно извлек Блэка из-за стола и повел его к своему автомобилю. По дороге к колледжу Блэк рассказал подробности. Затем они и несколько друзей, подъехавших на другом автомобиле, зашли в лабораторию. Потом к ним присоединился Тейяр де Шарден.

Все долго молча рассматривали череп. Окаменевший и впечатляющий остаток скелета далекого предка внушал почтительное благоговение. Чжоукоудянь, «золотой рудник доистории», дал миру один из самых удивительных образцов, который позволял раскрыть сокровенную тайну рождения человека на Земле.

Возбужденный осмотром черепа, Эндрюс заявил, что такое великое событие необходимо соответствующим образом отметить. Он пригласил всех быть его гостями в ресторане отеля «Север». В назначенный час на улице Хадамэн собрались приглашенные, составившие пеструю интернациональную компанию, как нельзя лучше отражавшую необходимость общих усилий ученых различных стран для успешного решения загадок происхождения человека: англичане, китайцы, канадцы, русские, шведы, американцы, немцы, французы. Особым вниманием пользовались те, кто имел прямое отношение к исследованиям в Чжоукоудяне. До утра говорили о возвращении в мир земной синантропа пекинского, о «Холме костей дракона».

Грабо и Эндрюс вряд ли подозревали, что присутствуют на празднике, который является поминальным обедом теории, которую они с таким рвением отстаивали в течение последних 10 лет. Дюбуа тоже не подозревал, что за тысячи миль от Гаарлема, на противоположном конце Евразии, произошло событие, которое окончательно провозгласит торжество его идей.

Началась подготовка к конференции, посвященной последним открытиям в Чжоукоудяне. Она должна была состояться 28 декабря 1929 года. Блэку предстояло

выполнить сложнейшую и тончайшую «хирургическую операцию» - отделить от хрупкой и нежной кости плотно пристывший к ней камень.

Пока удалялись боковые части травертиновой глыбы, которые отстояли от черепа на значительном расстоянии, работа продвигалась сравнительно быстро. Блэк с помощью пилок для резания металла отделял от камня пласти шириной в сантиметр. Это давало ему уверенность, что ни одна частица черепа не осталась в каменной матрице.

Когда ученый приступил к расчистке черепной крышки, темпы работы резко снизились. Она продвигалась вперед буквально черепашьими темпами. По мере освобождения очередных участков поверхности кости Блэк смазывал ее шеллаком и целлюлозным цементом, чтобы закрепить и предохранить от растрескивания.

Каждый вечер каменный блок с черепом извлекался из сейфа для ночной работы. Утром, когда наступало время прекратить расчистку, Блэк закреплял череп на специальной раме, фиксирующей шесть главных положений, наиболее существенных для антропологов, и фотографировал его. На пленку фиксировали прогресс в расчистке черепа. После трех часов утра травертиновый блок вновь отправлялся в сейф лаборатории. Утром пленка проявлялась, делались отпечатки и - невиданное в практике антропологов явление - отсылались трем ведущим специалистам мира, жившим в далеко отстоящих друг от друга точках Земли! Чтобы избежать случайности, отпечатки направляли не только по почте, но и с различными оказиями. К удивлению коллег, Блэк меньше всего думал о ложно понимаемых принципах приоритета, а тем более о призрачной славе первооткрывателя, что заставляло многих работать в тайне и десятилетиями скрывать материалы, ничего не публикуя и лишая других возможности использовать их. Для Блэка не было ничего выше науки в научной истине, ради установления которой пожертвовать личным самолюбием казалось делом самым ничтожным и мелким.

Работы затягивались, поэтому на конференции 28 декабря Блэк смог доложить лишь о предварительных результатах изучения находки. Огромное впечатление на слушателей

произвело сообщение, что синантроп имел такие же, как у питекантропа и антропоидных обезьян, массивные, нависающие над глазницами костяные валики. Длина черепа синантропа оказалась такой же, как у питекантропа, но поскольку лобные и теменные части первого были, кажется, более развиты, он несколько превосходил второй по объему мозга.

Обезьяньи черты черепной крышки синантропа оставались совершенно очевидными. Обитатель пещеры Чжоукоудянь был обезьяночеловеком, стоящим приблизительно на той же стадии развития, что и питекантроп. Оба они выглядели значительно архаичнее неандертальцев. Справедливость оценки Евгением Дюбуа значения питекантропа синантроп подтверждал нагляднее и ярче самых строгих и логически четких умозаключений. Блэк недвусмысленно дал понять, что синантроп не боковое тупиковое звено, а один из непосредственных предков современного человека.

Просмотр костей синантропа, обнаруженных за годы раскопок в Чжоукоудяне, позволил Блэку объявить об открытии останков не менее 10 особей обезьянолюдей! Это уже не могло не взволновать любителей сенсаций - журналистов. Газеты всего мира запестрели сногшибательными заголовками. Как всегда, не обошлось без обычной для прессы путаницы: вместо факта открытия останков 10 синантропов, представленных в большинстве случаев зубами и обломками челюстей, газеты сообщили о находке «10 обезглавленных скелетов», черепная крышка превратилась в «полный череп с хорошо сохранившимися лицевыми костями».

Волнения и ажиотаж вокруг находки из пещеры «Холма костей дракона» достигли такой степени, что Блэку пришлось послать в солидный английский журнал «Природа», перепечатавший эти фантастические сведения, официальную телеграмму: «В Чжоукоудяне открыт неразломанный череп взрослого синантропа. Лицевые кости отсутствуют. Подробности письмом».

Четыре месяца продолжалась кропотливая, поистине ювелирно-тонкая расчистка черепа «одного из наиболее древних людей на Земле», «настоящего недостающего звена» Чарлза Дарвина, «самого отдаленного предка человека». Дэвидсон Блэк блестяще выполнил работу.

Это была скрупулезная и трудная операция, требующая исключительной осторожности, мастерства и терпения. После завершения расчистки Блэк сдвинул со всеми возможными предосторожностями лобные, затылочные и височные кости, поскольку швы черепа не срослись, и извлек естественный, приготовленный самой природой слепок внутренней полости черепа. Слепок ясно показал асимметрию мозга синантропа, что позволило сделать вывод: обезьяночеловек охотнее пользовался правой рукой. Сильное развитие левой нижней мозговой извилины натолкнуло Блэка на мысль о том, что синантроп мог говорить.

Для Блэка наступили счастливые времена. Он мог без остатка отдавать себя любимому делу. Он работал, не считаясь со временем. Но едва лишь завершилась расчистка первого черепа синантропа, как при разборке блоков, доставленных из Чжоукоудяня, нашли остатки второго, а затем третьего черепа. Беспрецедентный случай в практике поисков остатков «недостающего звена»! Новые материалы позволили окончательно установить, что питекантроп и синантроп, «наиболее примитивные из предков человека, являются тесно родственными формами».

Дюбуа мог торжествовать победу над своими заклятыми противниками. Однако, к удивлению всего ученого мира, он не думал делать этого. Совсем напротив - Дюбуа, во-первых, не признал в синантропе ближайшего родственника питекантропа и объявил синантропа архаичным неандертальцем, а во-вторых, в оценке питекантропа неожиданно принял точку зрения своего противника, Рудольфа Вирхова, согласившись, что нашел на Яве гигантскую форму гиббона, а не обезьяночеловека.

Антропологи были потрясены: Дюбуа поистине не знал себе равных в строптивости.

Можно ли придумать более парадоксальную ситуацию: питекантропа следовало теперь защищать от того, кто его открыл! Даже самый изощренный ум не мог бы предусмотреть столь неожиданный поворот.

Однако после известий об успехе раскопок в Чжоукоудяне Дюбуа внезапно согласился открыть доступ к знаменитым ящикам в хранилищах Лейденского музея. При разборке старых коллекций с Явы нашли несколько новых бедренных костей питекантропа, которые, будь они представлены на суд специалистов ранее, давно бы сокрушили Вирхова и его сторонников. Вирхова, но... не Дюбуа. Он со знакомым всем упрямством отстаивал то, что ранее вызывало у него негодование и досаду. Попытки вести с ним дискуссии оказались бесплодными, и все в недоумении отступили, потерпев пои ражение в борьбе за Дюбуа...

Тем временем раскопки в пещере Чжоукоудянь не прекращались. Далеко не исчерпанными оказались и «сюрпризы». Еще в 1929 году землекопам стали попадаться обломки костей, окрашенные в какой-то странный углисто-черный цвет. После предварительного осмотра костей Пэй Вэнь-чжун и Тейяр де Шарден сделали робкий вывод о том, что эти потемневшие фрагменты, возможно, побывали в огне.

Впрочем, мало ли по каким причинам почернели фрагменты, пролежавшие в пещерных слоях миллионы лет? Разве на основании единичных, большей частью случайных и не совсем до конца ясных находок можно делать далеко идущие заключения? Если же предположить почти невероятное: кости животных действительно побывали в огне, то почему, собственно, они непременно горели в пещере, а не за ее пределами? Ведь могло стать, что кости обуглились где-то в другом месте: например, на склоне Лунгушаня во время лесного пожара, а затем водные потоки принесли их в пещеру синантропа. Не обезьяно же человек, в самом деле, разводил в пещере костры и подбрасывал в них кости! Что может быть абсурднее мысли о знакомстве человекообразных существ, вроде синантропа и питекантропа, бродивших по земле миллион лет назад, с огнем. Они были слишком примитивны, чтобы оценить его достоинства. Эти размышления призывали к осторожности, и поэтому никаких сообщений в печати о находке в Чжоукоудяне необычных обломков не делалось.

Вместе с тем Блэка и Тейяр де Шардена никак не могла устроить подобная неопределённость. Поэтому когда закончился полевой сезон раскопок 1930 года, они, чтобы разрешить возникшие сомнения, составили «коварный заговор». Отправляющийся в Париж Тейяр де Шарден захватил с собой образцы костей со следами воздействия огня. По прибытии во Францию ученый согласно разработанному плану должен был явиться в Институт палеонтологии человека к Генри Брейлю, крупнейшему в Европе специалисту по древнекаменному веку и пещерным стоянкам, выдающемуся эксперту по культурам раннего человека Старого Света. Пусть ответ Брейля разрешит мучившие их сомнения.

Тейяр де Шарден в точности выполнил задуманное. Когда он разложил на столе перед не ожидавшим подвоха Брейлем «подозрительные кости», тот без малейших колебаний сказал, что доставленные молодым коллегой обломки, «несомненно, побывали в огне». Именно так выглядят костяные фрагменты, извлеченные из культурных горизонтов на стоянках человека древнекаменного века.

Кости животных, богатые органическими веществами, - превосходное топливо для костров. Они горят долго и жарко, а человек каменного века был достаточно умен и практичен, чтобы оценить это свойство и не выбрасывать на свалку обглоданные кости. Заметив промелькнувшую на лице Тейяр де Шардена тень недоверия, Брейль добродушно пояснил:

- Через мои руки прошло достаточно много костей, побывавших в очагах каменного века, чтобы я сразу мог заметить характерные признаки, появление которых нельзя объяснить не чем иным, как действием огня.

Не успел Тейяр де Шарден сказать, какие мучительные раздумья терзают его в связи с находками этих костей в Чжоукоудяне, как Брейль, внимательно осматривавший один обломок кости за другим, озадачил его новым наблюдением. Брейль увидел отчетливые царапины на поверхности одного из фрагментов и пояснил, что, по его глубокому убеждению, эти нарезки, несомненно, сделаны каменным орудием!

Тейяр де Шарден покинул Институт палеонтологии человека со смешанным чувством радости и не совсем полного удовлетворения беседой. Разумеется, не было никаких оснований сомневаться в глубине знаний и удивительной проницательности Брейля во всем, что касается человека древнекаменного века. Однако не слишком ли он увлекается, когда оценивает царапины на поверхности кости, которые могли появиться совершенно случайно, как следы работы каменным орудием? Кто, кроме синантропа, мог нанести эти нарезки, а разве столь примитивный обезьяночеловек мог использовать в работе каменные инструменты? Что ни говори, но вывод Брейля о нарезках слишком субъективен. И к тому же нет средств, с помощью которых можно было бы подтвердить его.

Иное дело побывавшая в огне кость. Что, если попросить кого-либо из химиков произвести анализы одного из фрагментов?

В конце концов, проще простого установить, обуглились кости или окрашены какими-то растворимыми минеральными веществами, например окислами железа или марганца. Во всяком случае, чтобы подтвердить поистине дерзкую мысль о том, что в пещере синантропа горел огонь, имеет смысл обратиться к точным наукам. Иначе оппоненты-скептики не преминут обвинить руководителей раскопок в Чжоукоудяне в «безудержной фантазии и легкомысленных увлечениях».

Тейяр де Шарден направился в лабораторию минералогии Парижского музея к знакомому доктору Губерту и попросил его произвести химический анализ костей. Тот незамедлительно проделал соответствующие реакции и подвел итог: «потемневшие кости» из пещеры синантропа, бесспорно, побывали в огне; в черный и синевато-белый цвет их окрасило пламя древнего костра!

Можно представить радость Дэвидсона Блэка и Пэй Вэнь-чжуна, когда возвратившийся из Парижа Тейяр де Шарден рассказал им о результатах бесед с Брейлем и об опытах в лаборатории доктора Губерта. Предстояло открыть полевой сезон 1931 года, и одной из центральных задач, поставленных Блэком перед коллективом исследователей Чжоукоудяня, стали поиски новых доказательств использования огня синантропом. Кажется, многое позволяло надеяться на успех, и все же большинству сотрудников лаборатории невыносимо трудно было свыкнуться с мыслью о том, что такое, может быть, самое примитивное человеческое существо, как синантроп, а следовательно, и его ближайший родственник и современник - питекантроп знали огонь.

Давно ли гремели ожесточенные споры, в которых решался вопрос, можно ли вообще ставить питекантропа в ряд непосредственных предков человека, слишком уж обезьяноподобным и чрезвычайно примитивным он выглядел. Прошло немногим больше десяти лет, и, кажется, назревает новый грандиозный «скандал»: упрямые сторонники Чарлза Дарвина готовятся наделить обезьяночеловека, жившего миллион лет назад, способностями, позволившими ему обуздать и поставить себе на службу огонь.

Но в том-то и дело, что эволюционисты умели подкреплять свои «фантазии» поисками фактов, какого бы труда это ни стоило. Уже в апреле, едва сошел снег, жители известной теперь всему миру деревушки Чжоукоудянь увидели на склонах «Холма костей дракона» своих старых знакомых - гостей из Пекина. Пэй Вэнь-чжун усердно рассматривал обнажения Лунгушаня в поисках наиболее перспективного для продолжения раскопок участка пещеры синантропа. К сожалению, огромная глубина раскопа, где был найден первый череп, не позволяла исследовать наиболее счастливое в Чжоукоудяне место: угроза обвалов и трудности, связанные с извлечением земли, заставили покинуть этот район древней пещеры. Пэй Вэнь-чжун решил начать раскопки около грота Гэцзытан («Храм диких голубей»). Грот представлял собой выемку в пещерных отложениях, сделанную, очевидно, рабочими лет десять назад при добыче известняка. Пэй Вэнь-чжун отдал распоряжение взломать каменистый пол грота и западную стену, составленную из огромных блоков известняка. Далее он предполагал, разбирая заполнения пещеры синантропа, достигнуть наконец ее дна.

К тяжелой и изнурительной работе в Чжоукоудяне привыкли, однако то, с чем пришлось столкнуться около «Храма диких голубей», превзошло все ожидания. Рабочие на недели из землекопов превратились в каменотесов: проламывали окаменевшие слои каких-то осадочных пород, дробили на куски громадные известняковые глыбы, отвалившиеся десятки тысячелетий назад с потолка или стен. Миллиметр за миллиметром проникали исследователи в глубь слоев прочной, как железобетон, щебенки, намертво «схваченной» естественным известняковым раствором, так называемой брекчии. Когда становилось совсем невозможно, приходилось сверлить отверстия для взрывчатки.

Довольно скоро в слое глины, окрашенной почему-то в разнообразные цвета - красный, желтый и черный, попало несколько экземпляров костей и обломков рогов крупных животных со знакомыми теперь уже и не вызывающими сомнения следами обжига. Более того, как будто специально для уничтожения последних следов сомнений в руки рабочих начали попадаться угольки, а потом странные прослойки черного песка и глины, удивительно напоминающие скопления золы и порошкообразного угля. В одной из таких прослоек среди россыпей костей животных удалось обнаружить три обломка черепа синантропа и части его нижней челюсти с сохранившимися в них зубами: связь следов огня с деятельностью обезьяночеловека, хозяина пещеры, подтверждена.

Внимательный осмотр разрезов пещерных слоев, вскрытых в предшествующие годы, привел к еще более неожиданному результату. Оказалось, что семиметровая толща, которая раньше описывалась как «песчанистый горизонт», на самом деле представляет собой мощный пласт золы, нечто вроде грандиозного по масштабам очага, огонь в котором, не переставая, десятки, а может быть, и сотни тысячелетий! Как иначе можно было объяснить появление в пещере такого громадного количества золы и углей?

Тем не менее Блэк не преминул привезти из Чжоукоудяня в Пекин потемневшие в огне кости и образцы черного, насыщенного золой и углями слоя, чтобы выполнить контрольные анализы. Профессор фармакологии Пекинского объединенного медицинского колледжа Рид, которому Блэк передал для изучения кости и черную землю, не замедлил с ответом: в образцах из Чжоукоудяня находилось большое количество древесного угля! В пещере горел огонь, и поддерживал его обезьяночеловек, современник питекантропа.

Дотошный Блэк постарался определить в специальной лаборатории, что за дерево горело в кострах синантропа. Анализ угольков показал, что очаги древнейшего из известных предков человека отапливались ветками кустарника *Cercis*. Его разновидности широко распространены в районе Чжоукоудяня и в настоящее время.

Ни о каком случайном появлении обожженных костей в пещерных толщах Лунгушаня не могло быть и речи. Дэвидсон Блэк без тени колебаний начал писать статью. Для всех, кто занимался изучением проблемы предка человека, ее заголовок звучал поистине сенсационно: «Следы использования огня синантропом»!

Но к этому времени из Чжоукоудяня сообщили о находках огромного количества камней, главным образом кварца, кварцита и песчаника, которые, по предварительному заключению Пэй Вэнь-чжуна, имели достаточно отчетливые следы искусственной обработки.

Этого открытия ожидали на протяжении нескольких лет. Во всяком случае, руководители раскопок в Чжоукоудяне специально обращали внимание рабочих на возможность находок в пещере «археологического материала», то есть обработанных рукой человека каменных орудий, вроде тех, что встречаются при изучении пещерных убежищ неандертальцев Европы. Под руководством Тейяр де Шардена землекопы самым тщательным образом просматривали извлеченную из раскопов глину и, прежде чем отбросить ее в отвал, просеивали сквозь специальные металлические сита. Однако, несмотря на все старания, каменные орудия не появлялись. Создавалось впечатление, что в пещере, пристанище синантропов, заполненном большим количеством костей животных, нет ни одного изделия из камня.

Поэтому-то Блэк, делая обзор находок, полученных при раскопках к 1929 году, прямо писал об отсутствии в Чжоукоудяне «изделий любого вида». Но кого мог удивить или насторожить подобный вывод, если все были согласны в том, что синантроп представляет собой «примитивнейшего из гоминид Земли». Ведь не кто иной, как сам Эллиот Смит, учитель Блека, сделал незадолго до этого авторитетное заключение о том, что синантроп находился на слишком низкой ступени развития, чтобы предполагать возможность изготовления им «орудий из камня для повседневных нужд».

Как бы то ни было, время от времени на отдельных участках раскопов в Чжоукоудяне попадались кварцевые обломки «подозрительного» вида и даже фрагменты, близкие по внешнему облику настоящим каменным орудиям. Однако каждый раз не в глинистом слое, а на поверхности выброшенной из котлована земли. Поэтому нельзя было с уверенностью сказать, из какого точно слоя они происходят.

В 1929 году Пэй Вэнь-чжун недалеко от знаменитой черепной крышки поднял «кусочек кварца» с отчетливой «меткой от удара», что могло появиться на поверхности камня лишь при целенаправленном раскалывании его человеком. Но и этот отщеп кварца был, к досаде Пэя, найден на поверхности слоя, который в то время раскапывался. Поэтому осторожный ученый воздержался от каких-либо далеко идущих заключений: ведь могло случиться, что этот единственный отщеп кварца «изготовила» кирка рабочего, разбиравшего пещерный слой.

Когда рабочие взломали пол грота «Храма диких голубей» и с громадным трудом преодолели восьмиметровую толщу известняковых блоков и каменистой брекчии, то в слое глины, достигающей двух метров толщины, Пэй Вэнь-чжун открыл горизонты, густо насыщенные угловатыми обломками кварца, отщепами и грубо расколотыми гальками. Эти слои с грубо раздробленным камнем, перемежающиеся или сливающиеся с углисто-

золистыми прослойками, представляли собой типично культурный горизонт стойбища человека древнекаменного века. Кварцевые, кварцитовые, песчаниковые и изредка кремневые обломки были, вне каких-либо сомнений, изготовлены рукой человека. Они имели все характерные признаки искусственной обработки так называемый ударный бугорок в точке нанесения удара, кольцеобразные круги на поверхности раскола, удлинённые пропорции, следы дополнительной подправки по краю.

Встречались инструменты, предназначение которых не вызывало сомнений: грубые, сделанные из галек рубящие инструменты вроде сечек, гигантские по размерам и увесистые галечные скребла, примитивные режущие инструменты, которые служили, очевидно, ножами, скребки и даже остроконечники - продолговатые треугольные сколы, сходящиеся под острым углом, стороны которых приострялись специальной оббивкой. Попадались также своего рода наковальни - плоские гальки, покрытые на поверхности характерными выбоинами, и отбойники. С их помощью дробили сырье и заостряли рабочие края всевозможных инструментов.

Что касается сырья, которое использовалось для изготовления орудий, то более всего Пэй Вэнь-чжуна удивили куски жильного кварца. Ведь ближайшее место, откуда мастера по обработке камня могли доставить в Чжоукоудянь этот кварц, располагалось в пяти километрах от пещеры, в местечке Хуагань. Не менее продолжительные «экспедиции» приходилось, очевидно, совершать за кремнем и конкрециями лимонита (железная руда), которые также почему-то оказались в слое с расколотым камнем.

Первый вопрос, который поставил перед собой Пэй Вэнь-чжун, а вслед за ним Блэк, Тейяр де Шардеи и другие руководители раскопок Чжоукоудяня: кто же приносил и обрабатывал камень в пещере? Разумеется, когда неумолимые и неотразимые по силе факты позволили сделать вывод о знакомстве синантропа с огнем, его умение изготавливать орудия труда из камня не представлялось для коллектива, которым руководил Блэк, чем-то из ряда вон выходящим. И все же, если Блэку и его сотрудникам трудно было вначале свыкнуться с мыслью, что обезьянолюди типа синантропа и питекантропа умели обрабатывать камень и изготавливать из него разнообразные по типу, а следовательно, и дифференцированные по назначению орудия, можно представить удивление, которое охватило археологов и антропологов мира, когда они узнали об очередной сенсации Чжоукоудяня.

Ни о каком недоверии не могло быть и речи. Статья Пэй Вэнь-чжуна «Заметки об открытии кварцевых и других каменных изделий в пещерных отложениях Чжоукоудяня» была неотразима по логике доказательств. Блестяще подтвердились предсказания десятилетней давности, сделанные первооткрывателем Чжоукоудяня шведом Андерсоном.

Возможно, это открытие произошло бы значительно раньше, будь опытнее помощник Андерсона Отто Зданский. Но насколько же в таком случае примитивными были эти обработанные камни, чтобы можно было не увидеть в них изделий рук человеческих! Потребовались опыт, внимание, наметанный, острый глаз Пэй Вэнь-чжуна и, разумеется, не в последний очередь смелость мышления ученого, если хотите, полет фантазии, чтобы великое открытие стало фактом.

Однако не достаточно ли сенсаций для одного 1931 года? Ведь каждое из двух сделанных Пэй Вэнь-чжуном открытий буквально взрывает привычные, хотя и едва только утверждающиеся представления о примитивнейших обезьянолюдях Земли. Но кажется, Пэй Вэнь-чжун не собирался давать передышки ученому миру: он привел интереснейшие наблюдения о хозяйственной стороне деятельности обезьяночеловека из Чжоукоудяня. Ученый обратил внимание на необычный характер костей животных, которые залежали в горизонтах, насыщенных углем и золой, а также в слоях с сотнями кварцевых обломков. Большинство костей было «разбито вдребезги», и из рыхлых глинистых толщ не удавалось извлечь ни одной полностью сохранившейся. Края обломков были острые, незаглаженные. Трубчатые кости крупных животных «дробили» в

свежем состоянии, то есть до того, как они потеряли органическое содержимое и «окаменели».

Но кто мог раздробить кости? В золистых и кварцевых горизонтах, расположенных ниже грота «Храма диких голубей», не нашли остатков крупных хищных животных, которые могли бы клыками разломать массивные кости жвачных животных. Единственным существом, которое могло расколоть кости, был синантроп. Отсюда следовал вывод необыкновенной важности: обезьяночеловек из Чжоукоудяня умел охотиться на всевозможных животных, стада которых бродили в окрестностях «Холма костей дракона». Жертвами его облавных, по-видимому, охот стали очень крупная по размерам древняя лошадь, две разновидности носорогов, гигантские верблюды, свиньи, макаки, олени, в том числе мускусный и пятнистый, винторогие антилопы, аргали, водяные буйволы, гривастые быки и слоны.

Трудно представить, каким образом, имея на вооружении лишь предельно примитивные каменные орудия, можно было преследовать стремительную, как вихрь, антилопу, ужасного в слепой ярости носорога, могучего слона и быстроногую лошадь. Однако факт остается фактом: в культурных слоях стоябища синантропа с его очагами и россыпями обработанного камня лежат раздробленные черепа этих животных и длинные трубчатые кости конечностей. В пещеру обезьянолюди приносили, очевидно, наиболее мясистые части туш убитых животных. Трубчатые кости дробили на мелкие части и лакомились мозгом.

Чтобы представить, насколько необычным и неожиданным оказался вывод об умении «недостающего звена» охотиться на крупных млекопитающих, достаточно сказать, что до этого господствовало представление: в незамысловатом хозяйстве древнейших предков человека преобладало собирательство. Считалось само собой разумеющимся, что обезьянолюди, обитавшие главным образом в тропических областях Земли, довольствовались сбором плодов различных растений и лишь значительно позже

перешли на «мясную диету». Факты, полученные при раскопках в Чжоукоудяне, опрокидывали эту концепцию.

Рацион питания обезьяночеловека оказался довольно разнообразным. При раскопках в пещере Пэй Вэнь-чжул отметил довольно мощные слои косточек дикой вишни. При внимательном изучении этих странных на первый взгляд скоплений выявилась удивительная деталь: косточки дикой вишни были в большинстве случаев раздроблены на мелкие кусочки. Тщательный осмотр поверхности этих фрагментов и характера разломов показали, что дикой вишней питались не грызуны. Когда же в грудях расколотых косточек удалось обнаружить кварцевые отщепы и орудия, загадка появления вишни в пещере Чжоукоудянь разрешилась просто и ясно. Вишню в пещеру приносил синантроп. Причем в пищу шла не только мякоть, у этой разновидности вишни она тонкая и жесткая, как кожа. Вишня, очевидно, собиралась ради ядрышек.

Американский ботаник Чани, который специально занимался изучением остатков вишни из Чжоукоудяня, писал позже, что индейцы Северной Америки тоже собирают осенью плоды близкого вида дикой вишни. Их заготавливают впрок из-за исключительно богатых витаминами ядер, употребляющихся как приправа к мясным блюдам. Очевидно, синантроп тоже предпочитал разнообразить свое меню растительной пищей, в особенности когда охота оказывалась безуспешной.

Разумеется, вегетарианская диета далеко не ограничивалась вишней. Синантроп мог собирать плоды диких яблок, груш, винограда, выкапывать съедобные корни различных растений. Но об этом можно лишь предполагать, поскольку сотни тысячелетий, промчавшихся над «Холмом костей дракона», без следа уничтожили остатки растительной пищи, которую, возможно, доставлял в пещерное убежище обезьяночеловек.

Особой разновидностью собирательства, по-видимому удела женщин и детей первобытного стада синантропов, следует считать охоту на мелких грызунов. Тысячи косточек их встречаются в золистых горизонтах. В пищу употреблялись также черепахи и речные раки. Панцири их находили в культурных слоях пещеры. Пэй Вэнь-чжуну посчастливилось также отыскать в пластах золы обожженные обломки скорлупы яиц гигантского страуса.

Во время охотничьих экспедиций в прилегающих к Чжоукоудяню участках степи синантропам попадались гнезда страусов. Каждое из яиц по объему заключенного в скорлупе питательного вещества равнялось полутора дюжинам куриных. Обезьянолюди по достоинству оценили яйца страуса. Трудно сказать, в каком виде их употребляли. Но скорлупки располагались главным образом в слоях золы, и можно с достаточной степенью вероятности предполагать, что яйца пекли в горячей золе очагов.

Каждая новая деталь, вскрывавшаяся в процессе раскопок Чжоукоудяня, показывала, в какой напряженной борьбе с природой отстаивал свое право на существование далекий предок человека. В погоне за стадами животных отдельные группы обезьянолюдей покинули благодатные тропики и смело мигрировали на север. Холода и непогода заставляли искать «крышу над головой», и наши предки нашли ее, освоив пещеры.

Обезьянолюди были к тому времени достаточно сильно вооружены - они научились изготавливать каменные орудия, использовать огонь, который обогревал и освещал стойбище. На кострах женщины могли жарить мясо. Охотники-мужчины познали секреты успешного преследования самых разнообразных животных: от медлительного слона до изящной и быстрой как молния газели.

Громадную, несокрушимую силу в борьбе за жизнь представляли прочные общественные связи и зачатки социальной организации в стаде обезьянолюдей. Разумные усилия сплоченного коллектива, каждый член которого выполнял определенную работу, позволяли успешно преодолевать многочисленные трудности.

И все же, какими бы значительными ни были достижения обезьянолюдей в их рывке из царства животных в мир людей, борьба за существование далеко не всегда оканчивалась победой предка человека. Его путь к подступам цивилизации знаменовался не только успехами. Внезапно и неизвестно почему исчезали животные, и стадо на много дней лишалось пищи. Засуха и другие стихийные бедствия уничтожали растительность, и поэтому надежды на выживание сводились к минимуму. Обезьянолюди гибли от голода и холода, от болезней и хищных зверей, а также во время столкновений с соседями, которые могли претендовать на ту же удобную для стойбища пещеру или желали охотиться в той же долине. Не следует забывать в связи с этим, что обезьянолюди не освободились от многих качеств, характерных для животных. Поэтому столкновения как внутри орды, так и вне ее проходили со всем ожесточением и яростью. Чжоукоудянь частично приоткрывает завесу над некоторыми драматическими страницами древнейшей истории человечества

В самом деле, если костные остатки главным образом черепов и длинных костей конечностей животных свидетельствуют, что синантроп успешно охотился на крупных млекопитающих, то как в таком случае оценивать находку обломков черепов самого обезьяночеловека, а также их нижних челюстей не где-нибудь, а в золисто-углистом культурном слое вместе с обработанными камнями и раздробленными для добывания мозга костями животных? Этот естественный вопрос, не возникавший, пока не были ясны подробности образа жизни синантропа, теперь, когда стали известны результаты раскопок 1931 года, встал со всей остротой. Дискуссии продолжались и далее, вплоть до смерти Блэка в 1934 году, но окончательное решение загадки принесли исследования его преемника - выдающегося немецкого антрополога Франца Вейденрейха.

Первым объяснение предложил Брейль, который по специальному приглашению прибыл в 1931 году в Чжоукоудянь, чтобы окончательно подтвердить выводы Блэка и его сторонников относительно очагов в пещере и обработанных камней синантропа. Гость, пристрастный к неожиданным и эффектным решениям проблем, связанных с древнейшим предком человека, высказал убеждение, что на склонах «Холма костей дракона» жили обезьянолюди, у которых существовал культ черепов! По его мнению, трупы умерших сородичей синантроп размещал на деревьях в окрестностях пещеры, а на стойбище затем возвращал лишь черепа, освобожденные с помощью каменных орудий от мягких тканей (Брейль обратил внимание Блэка на глубокий срез, сделанный на одном из черепов острым инструментом). Вот почему, убеждал Брейль, лишь обломки черепов встречаются при раскопках, а остальные части скелета синантропа отсутствуют.

Для подкрепления своей идеи он привлек этнографические сведения. Брейль утверждал, что находка черепных крышек обезьяночеловека и его нижних челюстей не оставляет сомнений в особом к ним отношении со стороны обитателей пещер, иначе говоря, о почитании умерших и даже, возможно, поклонении их духу. Так делали, например, австралийцы и некоторые другие отставшие в развитии племена. Тела умерших они оставляли на поверхности земли или вывешивали на деревьях. Затем родственники забирали черепа и челюсти, которые становились в стойбище объектом поклонения. Жители Андаманских островов извлекали из могил или снимали с деревьев черепа и челюсти умерших родичей и затем долгое время сохраняли эти реликвии. Части черепов и челюстей навешивали иногда на веревку и носили как ожерелье. Другие части скелетов почитались гораздо меньше. В племени курнай на юго-востоке Австралии родители обычно сберегали нижнюю челюсть умершего ребенка. Она служила им напоминанием об ушедшем в иной мир.

Нечто подобное, упрямо утверждал Брейль, наблюдалось и у синантропа. Именно этим обычаям обязано сохранение в Чжоукоудяне черепов и челюстей обезьяночеловека. Брейль заметил к тому же, что края черепных крышек синантропа заполированы, и высказал предположение об использовании их в качестве чаш для пищи или хранения воды!

Какой неожиданный оборот принимает порой ход мыслей исследователя, когда появляются новые факты! Давно ли приходилось убеждать скептиков в том, что

существа типа синантропа и питекантропа могут считаться предками человека, и вот уже появились идеи, которые привели в смущение даже самых ярких приверженцев азиатских обезьянолюдей.

Конечно, объем мозга синантропа достаточно велик, чтобы предположить довольно сложную интеллектуальную деятельность его. Иначе как объяснить умение изготавливать и использовать орудия труда, организацию разносторонней хозяйственной деятельности, освоение огня, развитие зачатков речи, без которой элементарная координация усилий коллектива обезьянолюдей была бы попросту невозможной. Но предположить, как это делает с обычным для него спокойствием Брейль, появление у синантропа культа предков, представления о душе умерших сородичей и связанного с этими идеями определенного отношения к мертвым (погребальный обряд и священные амулеты) - не слишком ли это крайняя, а потому искажающая действительность позиция? Блэк и его ближайшие коллеги встретили идеи Брейля сдержанно.

В это время возникла другая крайняя точка зрения, сторонники которой, используя данные последнего года раскопок Чжоукоудяня, попытались принизить и скомпрометировать значение костных останков синантропа для разработки проблем происхождения человека. Вследствие необыкновенной архаичности синантропа нет достаточно веских оснований считать его «хозяином» пещеры. Такое примитивное существо с внешним обликом скорее зверя, чем человека, не могло изготавливать каменных орудий, а тем более «приручить» огонь. Синантроп - не что иное, как жертва человека древнекаменного века. Он охотился на это обезьяноподобное существо так же, как на лошадей, оленей и носорогов. Оспаривать эти предположения было не так просто, как кажется на первый взгляд. Для опровержения их потребовались годы раскопок и тщательных исследований костных останков синантропа, пока не стала очевидной ничтожность позиции скептиков. Однако синантропы действительно были жертвами охотников. Этот вывод нашел полное подтверждение в многочисленных материалах, проанализированных Вейденрейхом. Но охотники были такими же, как синантроп и питекантроп, обезьянолюдьми! Речь идет, таким образом, о каннибализме на ранних ступенях эволюции человека. Вейденрейх самым скрупулезным образом подобрал доказательства каннибализма. Он прежде всего отклонил мысль, будто костные останки синантропа представляют собой захоронения черепов типа более поздних культур каменного века. Ведь многие особи синантропа представлены отдельными зубами, обломками нижних челюстей или фрагментами черепных крышек. Было бы совершенно безнадежным делом объяснять подобную фрагментарность результатом обвала глыб крыши, которые могли падать на место захоронения черепов и дробить их на куски.

Правда, череп, найденный Пэй Вэнь-чжуном, действительно имел отчетливые следы «вторичного разрушения», которое могло произойти в результате обвала камней. Тем не менее просмотр всех находок показал, что ни о какой катастрофе, разрушившей захоронение черепов, говорить не приходится. Очевидно, зубы, обломки нижних челюстей и фрагменты черепов залегали! в пещерных отложениях в том положении, в каком они были оставлены с самого начала. Поэтому рядом с той или иной находкой части черепа, как правило, не удавалось обнаружить прилегающих участков кости. Зачастую они вообще отсутствовали, и их, следовательно, выбросили задолго до того, как культурный слой оказался перекрытым глинистой толщей.

Вейденрейх обратил далее особое внимание на примечательные детали общего вида черепов, которые ставили под большое сомнение заключение Брейля о захоронении в пещере просушенных на деревьях голов умерших «соплеменников». Прежде всего, как правило, отсутствовали совершенно определенные части: у первого черепа - лицевые кости и основание, у второго, то же самое и, кроме того, височные и затылочные, от третьего остались лишь височная и прилегающие к ней участки теменной и затылочной костей. Вейденрейх высказал уверенность, что черепа подвергались целенаправленной «обработке». Об этом свидетельствовали четкие и ясные отметки, оставленные каменным инструментом. Рациональность действий не оставляла сомнений: обитатели Чжоукоудяня достигали мозговой полости, взламывая те участки черепной коробки, где кости были хрупкими и податливыми - со стороны основания.

Материалы, полученные при раскопках Чжоукоудяня после смерти Блэка, подтвердили ранние наблюдения Вейденрейха. Так, части черепа, открытого в 1936 году, оказались разбросанными на площади 48 квадратных метров. Когда были совмещены обломки теменной кости, то почти в центре ее выявилась примечательная круглая вмятина диаметром около 10 миллиметров, с тремя отходящими от нее трещинами. Они появились в результате сильных ударов заостренным инструментом по кости, покрытой мягкой тканью. На том же участке обнаружили канавку - след от каменного инструмента, с помощью которого с черепа удаляли мягкие ткани. Открытие Цзя Лань-по осени того же года еще трех черепов окончательно убедило Вейденрейха в каннибализме. При более или менее хорошей сохранности черепных крышек у всех трех черепов отсутствовали основания. Каждый из трех черепов имел к тому же следы ударов, нанесенных при жизни или в скором времени после смерти той или другой особи синантропа.

Внешний вид и особенности вмятин, которые сопровождалась трещинами, а также характер «срезов» позволили Вейденрейху сделать вывод, что они являются следствием сокрушительных ударов, нанесенных по черепу, еще покрытому мягкими тканями. Чтобы окончательно убедиться в справедливости такого заключения, антрополог обратился к судебным экспертам. Никогда еще в юридической практике специалистам не приходилось доказывать факт преступления, совершенного сотни тысячелетий назад.

Следы намеренного убийства были налицо: эксперты единодушно констатировали, что вмятины, «срезы» и трещины появились на черепах в результате тяжелых ударов заостренным орудием «типа ножей и топоров». Менее выделяющиеся и глубокие повреждения или, напротив, огромные разломы - очевидно, следы ударов округлыми увесистыми камнями и дубинками. Так называемые «длинные срезы» и «царапины» наносились орудиями с острыми краями.

Любое из этих повреждений невозможно было объяснить обвалом крыши пещеры или какими-то другими сходными причинами. Фрагментарность черепов, следы повреждений на их поверхности, царапины и срезы, свидетельствующие об удалении мягких тканей; отсутствие оснований черепов, что можно было объяснить лишь стремлением получить доступ к содержимому черепной крышки, мозгу; характер разломов, позволяющих предполагать удары тяжелые и сильные, - все подтверждало очевидный факт насильственной смерти обезьянолюдей и «преднамеренность манипуляции» черепами синантропа. Никаких признаков «почтения» к черепам со стороны родственников, подобного тому, что этнографы наблюдали у аборигенов Австралии и Андаманских островов, в материалах, связанных с костными останками синантропа, так и не удалось установить. Оставалось назвать виновника гибели тех, чьи черепа осматривали эксперты судебной медицины. Этот вопрос не вызывал сомнения у Ф. Вейденрейха. Ими были такие же, как синантроп, обезьянолюди.

Все факты во всей их жестокой безжалостности свидетельствовали о том, что на протяжении своей не очень продолжительной жизни синантропы постоянно подвергались «неистовым атакам» противников и в конце концов стали жертвами каннибалов. Их преследовали, а затем убивали тяжелыми каменными орудиями или увесистыми деревянными дубинками. Тела убитых расчленялись: от туловища отделяли голову и приносили на место стойбища как «особенно желанный продукт». В Чжоукоудяне найден только один шейный позвонок. Именно он обычно остается, когда отрубается голова.

Итак, ожесточенные сражения между отдельными членами сообществ обезьянолюдей часто заканчивались смертью. Факты, рассмотренные во всей их совокупности, определенно свидетельствовали, что синантроп охотился на себе подобных так же, как на крупных животных, и с той же целью. Части синантропов, открытые в пещерном стойбище Чжоукоудяня, - обычные кухонные отбросы каннибалов.

Насильственная смерть - одна из главных причин незначительной продолжительности жизни синантропа. Из четырех десятков особей, представленных в Чжоукоудяне

различными костными останками, около 40 процентов составляли дети до 14 лет, три по возрасту не достигли 30 лет, три не дожили до 50 (возраст их определялся между 40 и 50 годами), и только обломок одного черепа, очевидно женского, принадлежал «действительно старому индивиду» (60 лет).

Таким образом, детальное изучение черепов синантропа позволило приоткрыть завесу над одним из самых мрачных эпизодов в жизни предков человека. Убийство себе подобных, в том числе детей и женщин, ради пополнения пищевых запасов случалось в окрестностях Чжоукоудяня довольно часто.

Не исключено, однако, что каннибализм на ранних стадиях эволюции человека представляет собой явление более сложное, чем кажется при поверхностном анализе фактов. Ведь охота на себе подобных в более поздние этапы преследовала часто не столько цель получения пищи, сколько представляла собой особый обряд, согласно которому поедание побежденного увеличивало духовные и физические силы победителя. В противном случае трудно объяснить каннибализм в условиях изобилия пищи и доступности иных объектов охоты.

Как же в свете новых исследований представлялась теперь теория о Центральной Азии как возможной прародине человека? Работы палеонтологов и геологов позволили установить, что синантроп и питекантроп не относятся к столь раннему времени, как считалось вначале. О третичном, приближающемся к миллиону лет возрасте их не могло быть и речи. Они освоили пространства Восточной и Юго-Восточной Азии около 500 тысяч лет назад.

Изучение маршрутов миграции древних животных показало, что в северные районы Восточной Азии обезьяночеловек переселился не из Центральной Азии, а скорее всего из южных районов. Там, по мнению Вейденрейха, находился один из возможных центров, где начался процесс превращения обезьяны в человека.

Концепция родины человека в центральных районах Азии стала в основном достоянием истории науки. Синантроп вместе с питекантропом прочно заняли место у основания родословного древа человека.

Как величайшее сокровище хранились костные останки синантропа в стальных сейфах Пекинского объединенного медицинского колледжа. Черепа обезьяночеловека из Чжоукоудяня стали тем светом, который «озарил и происхождение человека и его историю», и они могли превратиться в священные реликвии, к которым с трепетом и благоговением обращались бы поколения ученых. Могли, но не превратились...

Сотни тысячелетий бережно хранила Земля ключ к разгадке рождения человека. И как это ни прискорбно и чудовищно нелепо, но вырванное из самых скрытых тайников природы с величайшим трудом и ценою невосполнимых жертв оказалось вскоре трагически потерянным, возможно, навсегда. Кажется, синантроп явился в тревожный мир своих далеких потомков лишь затем, чтобы возвестить триумф Дарвина, Фульротта, Дюбуа и других, кто самоотверженно отстаивал право обезьянолюдей считаться звеном, связующим мир животных и Человека разумного. Выполнив эту миссию, синантроп таинственно исчез...

Осенью 1941 года стало очевидным, что военное столкновение между Японией и США неизбежно. Поскольку в то же время в Пекин стали поступать сведения о продвижении к городу японских дивизий, директор Геологической службы Китая Ван Вэнь-хао, опасаясь конфискации бесценного собрания находок из Чжоукоудяня, хранителем которых он был, попросил директора Пекинского объединенного медицинского колледжа доктора Генри Хутона принять под свою защиту костные останки синантропа. После некоторых колебаний (ему не хотелось брать на себя ответственность за сохранность коллекции) Хутон согласился.

В конце ноября Хутон и сотрудник колледжа Боуи перевезли стеклянные банки, в которых хранились кости, в здание посольства, которое готовилось к эвакуации, откуда их отправили в лагерь американской морской пехоты, дислоцированный в районе Пекина. Полковнику Вильяму Эшерту, который руководил подготовкой эвакуации подразделений морских пехотинцев, дали инструкцию обратить внимание на «этот особо секретный материал». Несмотря на лихорадочную поспешность при сборах, полковник принял личное участие в размещении в одном из ящиков стеклянных банок с костями синантропа и некоторых наиболее ценных документов посольства. Тщательно упакованные коллекции погрузили в эшелон с армейским имуществом, предназначенным к отправке в небольшой морской порт Циньвандао.

Все, что случилось после того, как 5 декабря в 5 часов утра специальный поезд с морскими пехотинцами отбыл из Пекина в Циньвандао, скрыто туманом неизвестности. Во всяком случае, описания дальнейших происшествий полны вопиющих противоречий.

Согласно первой версии, бомбардировка японской авиацией Пирл-Харбора, случившаяся 7 декабря, застала эшелон на полпути от Пекина к Циньвандао. Эшелон не дошел до места назначения, он был сразу же задержан японцами. Морских пехотинцев разоружили и отправили в концентрационный лагерь под Пекин и в Японию, а багаж конфисковали. Имущество, не представлявшее, с точки зрения японских военных, особой ценности, было уничтожено на месте. В связи с этим высказываются предположения, что кости синантропа пропали именно после этого инцидента. По другой версии, японцы, не зная, какую ценность представляют материалы, хранившиеся в банках, продали их китайцам как «драконовы кости», а те использовали для приготовления лекарств.

После войны Эшерт рассказывал, что, по его сведениям, японцы перевернули весь багаж поезда и, «вероятно, нашли костные останки синантропа, но выбросили их». Один из американских моряков утверждал, что видел, как японцы провозили под охраной через Пекин (по другим сведениям через Тяньцзинь) ящики, которые он с товарищами несколько дней назад грузил в эшелон, отправлявшийся в Циньвандао. В них были

упакованы шерстяные одеяла, личное имущество офицеров, а также разнообразное морское снаряжение. Эти сведения подтверждают, что японцы действительно захватили эшелон. Однако вряд ли имущество просто разграбили, а частично даже уничтожили. Японцы в таких случаях обычно составляли описи захваченного и почти все размещали в специальных складах. Туда же мог попасть ящик с коллекциями синантропа. Допросы пленных японских офицеров, специально произведенные после войны для выяснения судьбы багажа, не дали результата.

Японцы прекрасно отдавали себе отчет в огромной научной ценности костей синантропа и потому не могли уничтожить их, если бы они действительно попали им в руки. Дело в том, что после вступления армии в Пекин японские эксперты специально посетили американское посольство и медицинский объединенный колледж, разыскивая костные останки синантропа. Секретарь Агью Перл, свидетель поисков, рассказывала: «Они знали, что ищут, и знали, что кости находятся в Пекине». Одного из сотрудников колледжа японцы арестовали и допрашивали пять дней, выясняя местонахождение черепов синантропа. Очевидно, такого же рода тщательные поиски производились бы и в захваченном эшелоне.

Согласно второй версии, эшелон с морскими пехотинцами благополучно прибыл в Циньвандао. Военное имущество и кости синантропа успели погрузить на военный корабль, отправлявшийся в США или на одну из военно-морских баз Тихого океана. Американский лайнер «Президент Гаррисон», на который в Циньвандао намеревались погрузить коллекции, команда затопила в устье Янцзы 7 декабря; позже японцы подняли его, но при перегоне в Японию лайнер потопила американская подводная лодка. Однако, как и в первом случае, дальнейший ход событий неясен. По одним сведениям, японцы потопили американский военный корабль, по другим - они его захватили, конфисковали имущество, находившееся на борту, а кости выбросили в море или передали в аптеки как материалы, не представляющие интереса. По другим сведениям, японцы захватили эшелон в Циньвандао. Конфискованный груз они погрузили на деревянный лихтер, который должен был переправить имущество на судно, отправляющееся в Тяньцзинь. Лихтер во время плавания по какой-то причине перевернулся, и ящики оказались на дне моря. Среди них находился и тот, в котором хранились банки с костями синантропа.

Третья версия допускает, что американское судно прибыло в Пирл-Харбор. Но во время знаменитого в истории второй мировой войны налета на бухту с военными кораблями судно затонуло, похоронив в океане ящик с коллекциями костных останков синантропа. После войны, насколько известно, американцы не предпринимали попыток поднять со дна моря этот злополучный корабль.

Согласно четвертой версии, коллекцию все-таки вывезли в Японию, а после капитуляции возвратили Китаю. Согласно пятой, высказанной Вейденрейхом незадолго до смерти, черепа и кости синантропа отправили в Тяньцзинь с китайскими научными сотрудниками. Куда они их перевезли позже, неизвестно, но, если рассказ Вейденрейха основывается на достоверных фактах, не исключено, что коллекция костей синантропа хранится на Тайване.

Человек ищет свою прародину (Вместо заключения)

Пять историй, которые составили книгу, разумеется, лишь часть далеко не исчерпанного до конца сюжета, связанного с поисками наших предков. Здесь сделана лишь попытка воссоздать отдельные этапы мучительного поиска истины, раскрывающей «таинство» появления на Земле предков человека. Герои этой книги - лишь немногие из тех, кто, презрев предрассудки и отказавшись от традиционных представлений, взял на себя смелость мыслить нестандартно и действовать решительно, наперекор бесплодному догматизму и скептическому брюзжанию - страшной силе, способной в науке умертвить все живое. Драматическое развитие событий, бескомпромиссные столкновения сильных и сложных характеров развертывались на глазах нескольких поколений людей в строгом соответствии с неумолимыми законами жанра. Самое примечательное заключается в том, что финальные сцены этой драмы идей еще предстоит увидеть.

Сложность решения проблемы происхождения человека заключается, пожалуй, в том, что она на редкость комплексна и требует приложения сил не только биолога, но также философа, социолога, археолога, геолога, географа, палеоклиматолога, а также представителей ряда других так называемых «смежных специальностей». Необходим максимально возможный учет факторов, способствовавших эволюции «недостающего звена» в совершенно определенном направлении. Если принять во внимание предельную малочисленность костных останков древнейших людей, что, помимо типологически не очень разнообразных каменных орудий, и представляет, по существу, то немногое, чем располагает наука о раннем человеке, то сложности в разработке вопросов древнейших страниц его истории станут очевидными. И хотя ход основных событий в общем ясен, конкретная детализация их далеко не закончена, и в этом отношении каждое новое открытие в области палеоантропологии и археологии палеолита не исключает пересмотра сложившихся концепций.

И все же трудности тех, кто сейчас обращается к темам, связанным с древнейшим человеком, несравнимы с препятствиями, которые непреодолимой стеной вставали на пути пионеров. Им следовало сначала «сконструировать» в своем воображении возможный облик предка, «узнать» его в тех костных останках, которые вскоре удалось обнаружить, убедить легионы противников в справедливости своих заключений, доказать, что существо, имевшее звероподобный облик, жило во времена «допотопные» и умело изготавливать каменные орудия. Надо было, наконец, решить одну из главных проблем - где и когда появились на Земле обезьянолюди, как и почему они расселились по континентам Старого Света.

Замечательно, что с попытками найти «недостающее звено» и определить район прародины человека связаны первые и самые, может быть, эффектные открытия в истории поисков обезьянолюдей. После открытия в Европе большого количества стойбищ людей древнекаменного века, охотников на вымерших животных, и вслед за счастливыми находками в долине реки Дюссель и на склонах Гибралтарской скалы первых черепов обезьянолюдей как совершенно естественная реакция на успех археологии палеолита родилась идея о том, что европейский север мог быть тем местом, где проходило становление человека. Казалось, именно здесь, на окраине Евразии, где резкое похолодание, начавшееся около миллиона лет назад, создало исключительно суровые условия существования, и должен находиться такой центр. Однако последующие исследования показали, что памятники более ранних этапов культуры древнекаменного века располагаются, возможно, за пределами Европы. Во всяком случае, когда потребовалось определить гипотетический центр, откуда древнейший человек мигрировал в Европу, некоторые из европейских исследователей стали считать им Сибирь, край ледяной пустыни.

Гипотеза североазиатской прародины не пользовалась особой популярностью и широким признанием у антропологов и археологов. Гораздо более привлекательными представлялись теории, согласно которым прародину человека следует искать не в районах с суровым климатом, а в тропиках с их роскошной вечнозеленой

растительностью, где обитают высшие антропоидные обезьяны, ближайшие родственники человека в мире животных. Чарлз Дарвин в связи с этим предпочитал Африку, а Эрнст Геккель - юго-восток Азии.

Евгением Дюбуа в выборе для поисков «недостающего звена» района Суматры и Явы двигали, как теперь стало очевидным, неверные научные посылки. Но в том-то и парадокс, что ошибочные расчеты порой приводят к триумфальному успеху, который можно определить как открытие века. Таким триумфом упорства в достижении поставленной цели и поистине фанатичной веры в правоту эволюционного учения стали успешные поиски питекантропа, незадолго до этого «открытого на кончике пера» Эрнстом Геккелем. Не вина, а подлинная трагедия Дюбуа состояла в том, что он на десятилетия опередил свое время. Ученый мир оказался неподготовленным безоговорочно и полностью принять его открытие.

Разработка гипотезы центральноазиатской прародины человека и особой роли климатических изменений в процессе эволюции животного мира и последующего рассеивания его представителей по континентам преследовала цель определить иной центр появления «недостающего звена». Полевые исследования не оправдали, однако, надежд сторонников уникального центра гоминизации антропоидной обезьяны, а результаты раскопок в Чжоукоудяне снова заставили обратить взор на южные тропические районы Старого Света. «Подтверждение питекантропа» и - как результат этого выдающегося события - открытие более древней стадии эволюции человека, чем неандертальская, снова привели к парадоксу: проверка истинности новой теории единого центра разрушила ее. И как своеобразное отрицание устаревших представлений в антропологии появляется концепция множественности центров (Вейденрейх) или обширного «пояса очеловечивания», охватывающего огромный район от Африки на западе до Явы на востоке.

Казалось, проблема в основном решена, и остается лишь на основании новых находок детализировать картину. Однако открытия последнего десятилетия показали, что череда сюрпризов, которыми предок не один раз удивлял своих потомков, далеко не закончилась. Луису Лики посчастливилось обнаружить в Восточной Африке древнейших из известных пока обезьянолюдей. Возраст их вышел далеко за пределы миллиона лет, и, поскольку нигде более ни в Азии, ни в Европе не известны остатки культуры каменного века такой глубокой древности, Лики обратился к идее, впервые высказанной Дарвином, суть которой сводится к тому, что Африка представляет собой наиболее вероятное место, где следует искать «недостающее звено». Отсюда, когда уровень культуры стал достаточно высок, обезьянолюди начали мигрировать на север, где они постепенно освоили территорию Европы, и на восток в Азию.

Питекантропы и синантропы представляют собой, по существу, сравнительно поздних по времени потомков первых «эмигрантов» из Восточной Африки, которые заселили отдельные районы Азии в шельско-ашельское время, то есть около 700-500 тысяч лет тому назад. Археологические данные, кажется, согласуются с этой точкой зрения. Во всяком случае, в Китае самые ранние памятники палеолита вряд ли древнее ашельского времени. Это подтверждают рубила, открытые недавно в бассейне Хуанхэ. Типологически они не отличаются от африканско-европейских и индийских рубил классической ашельской культуры...